

УДК 94(100) “654”
ББК 63.3(0)5: 63.3(0)6
В65

*Книга издана при финансовой поддержке
Фонда им. Фридриха Эберта (Германия)
в Российской Федерации*

Война и мир: Первая мировая война и ее влияние на развитие общественного порядка и демократии / Под ред. В. Дубиной. – М. : Политическая энциклопедия, 2015. – 119 с.

ISBN 978-5-8243-2015-2

В сборник вошли доклады конференции «Война и мир: Первая мировая война и ее влияние на развитие общественного порядка и демократии», проходившей 19 и 20 июня 2014 года в Москве. Эта конференция задумывалась не только как часть юбилейных мероприятий в связи со 100-летней годовщиной начала Первой мировой войны. Ключевой темой дискуссий этой конференции стала не травма или коллективная память, также и не мемориализация «Великой войны», а долгосрочная перспектива, позволяющая проанализировать эффективность или неэффективность попыток сохранения мира за период, прошедший с начала Первой мировой. Эта тема красной нитью протянулась через доклады как на пленарном заседании 19 июня, так и во время круглого стола с участием крупнейших российских и германских специалистов, состоявшегося на следующий день.

В сборнике представлены доклады с пленарного заседания, а также видеofilm и расшифровка дискуссии «Что принесла России и Западу Первая мировая война». Вопросы возможности новой войны между мировыми державами, пути создания глобальной безопасности, а также разницы в восприятии событий Первой мировой войны в России и на Западе стали предметом острых дискуссий.

Издание ориентировано как на специалистов, так и на широкий круг интересующихся темой Первой мировой войны читателей.

УДК 94(100) “654”
ББК 63.3(0)5: 63.3(0)6

ISBN 978-5-8243-2015-2

© Трауб-Мерц Р., Дубина В.,
вступительная статья, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© Политическая энциклопедия, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю 4

I. «Вечный мир»: мирные договоры и борьба за мир после Первой мировой войны

Эгберт Ян Сто лет попыток установления прочного мира (1914–2014) 9

Йорн Леонхард Конец империй и триумф национального государства? Мирные договоры после 1918 года и новый международный порядок 30

II. Долгосрочные последствия «Великой войны»

Дитрих Байрау Новое измерение захватнической войны? Первая Мировая война и ее последствия 55

Людмила Новикова От Первой мировой войны к Гражданской войне: эскалация насилия и русская провинция (1914–1920) 64

III. Сто лет спустя: современный дискурс

Первой мировой войны

Джованни Савино «Великая война» и конструирование прошлого в представлении российского общества 1914–2014 гг.» 83

Кишиштоф Рухневич «Великая война» в Центральной и Восточной Европе 87

Клаус Вигрефе Длинная тень Первой мировой войны 91

Андрей Зубов Чему и кого научила история XX века? 96

Информация об авторах 102

Приложение

Транскрипция подиумной дискуссии «Что принесла России и Западу Первая мировая война», (Москва, 20 июня 2014 г.) с участием Дитриха Байрау, Йорна Леонхарда, Эгберта Яна, Андрея Сорокина, Александра Репникова.

Модератор: Вера Дубина 103

К ЧИТАТЕЛЮ

Основу сборника составили доклады международной конференции «Война и мир: Первая Мировая война и ее влияние на развитие общественного порядка и демократии», проходившей 19 и 20 июня 2014 года в Москве. Эта конференция была организована Московским офисом фонда Фридриха Эберта совместно с Российским государственным архивом социально-политической истории (РГАСПИ). Кроме того, в сборник включены некоторые доклады 18-х «Шлангенбадских бесед», проходивших в апреле 2014 года под названием «Конец Европейского дома: что дальше?».

Поводом к этим дискуссиям стал, разумеется, урожайный на исследования и мероприятия, посвященные Первой мировой войне, 2014 год. Однако они задумывались фондом Эберта не только как часть юбилейных мероприятий в связи со 100-летней годовщиной начала войны, но и как возможность ретроспективного взгляда на прошедшее столетие через призму вновь ставшей остро актуальной проблемы поддержания мира в сложившейся системе международных отношений. Вследствие этого ключевой темой обсуждения стала долгосрочная перспектива, позволяющая проанализировать эффективность или неэффективность попыток сохранения мира за период, прошедший со времени начала Первой мировой. В этом контексте обсуждались и другие важные вопросы: травма, нанесенная войной и коллективная память о ней, а также мемориализация «Великой войны».

Теоретический вектор дискуссий о долгосрочных последствиях войны был задан докладами профессора-эмиритуса университета в Маннгейме (Германия) Эберта Яна и профессора университета Фрайбурга (Германия) Йорна Леонарда, чьи тексты открывают первый раздел «Вечный мир»: мирные договоры и борьба за мир после Первой мировой войны». Эта тема красной нитью протянулась через представленные в сборнике доклады и в дискуссии во время круглого стола «Что принесла России и Западу Первая мировая война» с участием профессора Яна, проф. Леонарда, профессора Байрау, директора РГАСПИ, профессора А. К. Сорокина и главно-

го специалиста РГАСПИ, профессора Репникова А. В. Видеозапись круглого стола прилагается к этому сборнику на отдельном диске в двуязычном, русско-немецком, варианте, а также как транскрипция на русском языке.

Являясь крупнейшим специалистом в изучении конфликтов и движения за мир, профессор Ян представил перспективу столетних попыток установления мирного баланса в глобальном мире и находящихся в нашем распоряжении возможностей предотвращения конфликта между крупными мировыми державами. Тема долгосрочной перспективы сохранения мира после Первой мировой войны получила новое измерение в докладе профессора университета Фрайбурга (Германия) Йорна Леонарда и автора вышедшей в 2014 году монографии «Ящик Пандоры»¹, представляющей полную историю Первой мировой войны и ее последствий. В своем докладе профессор Леонард рассматривает новый международный порядок после 1918 года через призму имперской и национальной/националистической проблематики. Он убедительно показал, как изменилась система урегулирования глобальных конфликтов после Первой мировой войны и как опыт насилия, пережитый миром в течение войны, развивался в радикализации межнациональных отношений и продолжал действовать и определять мировую политику и после 1918 г. и отчасти даже после Второй мировой войны.

Дискуссия, спровоцированная докладом Эберта Яна, не могла не затронуть «традиционных» вопросов вины и ответственности как за Первую мировую войну, так и за провал социал-демократии в вопросе сохранения мира после нее. Доклад профессора-эмиритуса университета Тюбингена (Германия) Дитриха Байрау также затрагивал вопрос вины и ответственности за провал мирного решения политических проблем, но концентрировался вокруг несопоставимости незначительных политических и военных достижений Первой мировой войны и огромных потерь, понесенных в этот период странами-участницами. Как убедительно показала книга Йорна Леонарда, в результате Первой мировой войны в Европе и за ее пределами «возникли многочисленные новые формы культуры насилия и многочисленные случаи применения массового насилия — от гражданских войн и новых конфликтов между только что основанными новыми государствами до массового изгнания людей и массовых убийств по этническому признаку. Это продолжение войны другими сред-

¹ Jörn Leonhard. Die Büchse der Pandora. Geschichte des Ersten Weltkriegs. München, 2014.

ствами, пролонгация войны в мирное время были характерны и для периода между двумя мировыми войнами. Данное обстоятельство привело к общему снижению планки применения насилия, делая все более хрупкой границу между миром и войной». (См. статью Йорна Леонарда в этом сборнике.)

Тему насилия во время Первой мировой войны на примере северного региона развивает в своей статье и Людмила Новикова. Ее текст показывает, как тесно переплелись между собой Первая мировая война, революция и Гражданская война, вследствие чего эти события воспринимались многими современниками как единое целое. Таким образом, военное насилие периода Первой мировой переросло в волны паравоенного насилия, захлестнувшего Россию и Европу в первые послевоенные годы.

Последний раздел книги посвящен современному дискурсу Первой мировой войны. Современный российский опыт мемориализации Первой мировой войны был представлен в докладе доктора Университета Неаполя (Италия) Джованни Савино и трех текстах 18-х Шлагенбадских бесед, обсуждающих вопрос о разделенной между различными национальными культурами памяти о войне участвовавших в ней стран, а также о ее инструментализмах в последовавших конфликтах XX и XXI вв. Это возвращает нас вновь к актуальности дискуссий о Первой мировой войне. Как завершает Клаус Вигрефе свой доклад: «Как бы то ни было, попытки использовать тему Первой мировой войны в политических целях ясно показывают одно: и сто лет спустя об историзации этого события говорить еще рано».

*Руководитель Фонда им. Фридриха Эберта
в Российской Федерации
др. Рудоль Трауб-Мерц*

*Референт по вопросам гражданского
общества и истории
к.и.н. Вера Дубина*

I. «ВЕЧНЫЙ МИР»: МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ И БОРЬБА ЗА МИР ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Эгберт ЯН

СТО ЛЕТ ПОПЫТОК УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОЧНОГО МИРА (1914–2014)

*Изменение представлений о возможности сохранения мира
в результате Первой мировой войны и раскола рабочего
движения*

Можно ли на примере прошедших ста лет обнаружить тенденцию к установлению продолжительного мира во всем мире? Или же правы те, кто говорит: войны будут всегда, пока существуют люди? В опроснике, который я как-то раздал студентам, 102 человека (65,4 %) из 156 присутствовавших, поставили в соответствующей графе крестик. Только 32 человека (20,5 % опрошенных) согласились с утверждением, что «войну, как специфическую смертоносную форму конфликта за порядок в сообществе и между сообществами», можно ликвидировать и что «в будущем, возможно, удастся установить прочный мир во всем мире». Еще 17 человек (10,9 % опрошенных) выразили свою уверенность в том, что война, понимаемая как политическое учреждение, в соответствии с приведенной выше формулировкой сможет быть ликвидирована в будущем¹.

До 1914 года оптимистическая вера в прогресс была распространена гораздо шире, чем в настоящее время. Ужасы и бедствия Первой мировой войны вызвали у людей шок от осознания того, до чего могла докатиться человеческая цивилизация. Крах представлений о прогрессе как об исключительном благе и добре, усиленный ужасами коммунистических и национал-социалистических концентрационных лагерей, а также бедствиями Второй мировой войны, — все это вместе взятое, вероятно, очень надолго уничтожило оптимистическое

¹ Соответствующее процентное соотношение в этом нерепрезентативном опросе для пенсионеров составляет соответственно 71,1 %, 18,6 % и 9,3 %. Пять участниц отказались ответить на вопросы.

отношение к историческому прогрессу. Начиная с августа 1914 года уже никогда больше не возникало столь широкой антивоенной оппозиции с участием парламентских партий и массовых движений в странах, правительства которых готовились воевать друг с другом. В большинстве случаев диктатура в одном или в обоих готовых к войне государствах или союзах государств не допускала даже малейшего проявления сколько-нибудь достойного упоминания сопротивления предстоящей войне.

Самым мощным общественным антивоенным движением до 1914 года было социалистическое рабочее движение, проводившее до самого конца июля 1914 года митинги протеста против угрозы надвигающейся войны. Однако вскоре после начала войны оно раскололось на две главных ветви — социал-демократическую и коммунистическую, к которым добавились многочисленные мелкие группировки. Последствия этого раскола были ужасающими. Социалисты разных стран, которые еще 23 ноября 1912 года вместе рукоплескали Манифесту¹, призывавшему к сохранению мира, и пели свой общий гимн — «Интернационал», всего лишь несколько лет спустя заняли в ходе разгоревшейся во многих странах гражданской войны позиции по разные стороны баррикад. Одержав победу в нескольких странах, коммунисты встретились с социал-демократами лицом к лицу как враги, в том числе в ходе войны между государствами, и, наконец, в годы холодной войны стали угрожать друг другу взаимным истреблением при помощи атомного оружия. Это не мешало социалистам всех направлений по-прежнему рассматривать в качестве своей политической цели достижение прочного и продолжительного мира во всем мире, но представления о мире социал-демократов стали несовместимыми с представлениями о нем коммунистов. Безоговорочные пацифисты, то есть противники всякой войны, представляли в обеих ветвях рабочего движения всего лишь крошечное меньшинство, руководствовавшееся в большинстве случаев религиозными мотивами.

Коммунисты, в соответствии со своими программными установками, хранили верность представлениям Первого и Второго Интернационалов, согласно которым прочный и продолжительный мир во всем мире может быть обеспечен лишь в условиях победившего социализма, необходимой предпосылкой которого является революционная ликвидация капиталистического экономического строя. После того, как предпринятая коммунистами в 1917–1923 гг.

попытка осуществить мировую революцию потерпела неудачу, а на значительной части бывшей Российской империи утвердилась коммунистическая Советская власть, готовность к защите военными средствами Советского Союза, объявленного коммунистами «отечеством» всех пролетариев мира, само собой, стала обязанностью коммунистов всего мира¹. Советский Союз был, в свою очередь, обязан оказывать «братскую (военную) помощь» революционным движениям, действовавшим в пока еще капиталистических странах. Этому принципу, однако, в новом коммунистическом государстве очень скоро перестали следовать ввиду прагматической оценки связанных с его применением внешнеполитических рисков: Советский Союз не был готов поставить на карту свое существование, превращая всякое коммунистическое восстание в войну международного размаха.

С конца 1940-х годов треть человечества проживала в 15, а затем в 16 государствах, у власти в которых стояли национал-коммунистические режимы. С 1948 года в ходе неоднократных расколов мирового коммунистического движения на борющиеся между собой и представляющие друг для друга военную угрозу партии и государства — например, Советский Союз, Югославию, Китай, Вьетнам, Камбоджу, — все коммунисты на словах по-прежнему хранили верность своей программе установления мира во всем мире, на деле же весь их интернационализм превратился в идеологию, направленную на обеспечение своих собственных национальных интересов. Так и Советский Союз использовал Третий, или Коммунистический, Интернационал (1919–1943) в качестве инструмента своей внешней политики.

Социал-демократическое ответвление рабочего движения утратило единые представления о мире, после того как в 1914 году сделало выбор в пользу национального военного патриотизма. Его правое крыло во всех странах перешло к поддержке прагматической внешней политики, допускавшей ведение войны при необходимости защиты отечества. Эта поддержка распространялась также и на защиту колониальных владений своего отечества, до тех пор пока социал-демократические партии уже после Второй мировой войны не внесли важный вклад в распад колониальных империй.

После сделанного социал-демократами выбора в пользу парламентской демократии, социал-реформизма, а вскоре и в пользу реформированного капитализма левое крыло социал-демократиче-

¹ Имеется в виду Базельский манифест — документ, принятый на IV Внеочередном конгрессе Второго (Социалистического) Интернационала, состоявшемся 24–25 ноября 1912 в Базеле (Швейцария). — *Примеч. перев.*

¹ Braunal Julius. Geschichte der Internationale. Band 2. Berlin; Bonn-Bad Godesberg, 1974. S. 275–283.

ских партий приняло на вооружение главные требования движения борцов за мир. Они состояли в следующем: создании Лиги Наций, укреплении международного права в сфере обеспечения мира, развитии международных организаций, ограничении гонки вооружений и введении международных (арбитражных) судебных инстанций, обеспечивающих сохранение мира. Таким образом, левое крыло социал-демократии стало главной опорой пацифизма¹ — умеренной части традиционного, руководствующегося положениями международного права движения сторонников мира, оставлявшего за собой возможность выступить в поддержку войны. На уровне отдельно взятого государства — войны как средства защиты своего отечества и на международном уровне — войны как средства осуществления международных санкций в отношении какого-либо государства, нарушающего международное право. Эдуард Бернштейн, Карл Каутский и многие политические деятели, состоявшие в британской партии лейбористов, принадлежали к числу активных протагонистов данного направления, ярким представителем которого еще до 1914 года был Ялмар Брантинг². Безоговорочные пацифисты составляли в социал-демократической среде ничтожное меньшинство, их деятельность была заметна разве что в рядах британской Лейбористской партии, корни которой уходили в христианский социализм.

Движение борцов за мир активно выступало в поддержку парламентской демократии, причем многие активисты этого движения боролись и за социальные реформы. Таким образом, перед либералами и социал-демократами открылась возможность сотрудничать в одних и тех же организациях. Движение борьбы за мир, получившее значительную леволиберальную и не менее сильную социал-демократическую окраску, окончательно осознало всю важность влияния на общественное мнение наряду с возможностью давать власть имущим советы. Однако этому движению никогда не удавалось определять политический курс той или иной страны и даже добиться большинства в близких ему по духу партиях, не говоря уже об обществе в целом.

¹ Карл Холл отметил, что историография континентальной Европы использует выражения «борьба за мир» и «пацифизм» как синонимы, тогда как англосаксонская историография под пацифизмом подразумевает непременно противодействие войне. См.: Holl Karl. 1988: Pazifismus in Deutschland. Frankfurt, S. 18. Пацифизм в рамках международного права обозначается как Интернационализм. На мой взгляд, разумнее использовать общую терминологию, предполагающую различие между отказом от войны (безоговорочный Пацифизм) и так называемым *Пацифицизмом* (Pazifizismus) по терминологии Мартина Сидела (Martin Ceadel), обозначающий условный пацифизм.

² Degen Bernhard (ред.). Gegen den Krieg. Der Basler Friedenskongress 1912 und seine Aktualität. Basel, 2012. S. 128.

Нигде оно не сумело добиться решающего влияния на проекты в области вооружений или на принятие решения об объявлении войны. Оно подвергло резкой критике Парижские мирные договоры (как дающие импульс к развязыванию Второй мировой войны), критиковало возникшую в 1920 году Лигу Наций (как союз империалистических держав-победительниц) и требовало разоружения не только стран, побежденных в войне, но и держав-победительниц. Чем больше представителей социал-демократических партий входило в состав правительства (ради чего им приходилось идти на компромисс) и тем самым брало на себя ответственность за внешнюю политику, политику в военной области и в области вооружений, — тем более оппозиционной становилась позиция движения борьбы за мир в отношении социал-демократических партий.

После 1945 года многие социал-демократические и, в меньшей степени, либеральные партии снова приблизились к требованиям борцов за мир, однако политические лидеры этих партий могли или хотели оказывать на это движение значительно меньшее влияние, чем в период между двумя мировыми войнами. Развитие движения борцов за мир все больше и больше шло по пути превращения в конгломерат эфемерных внепарламентских временных объединений индивидуумов и мелких организаций, выступавших против отдельных проектов в области вооружений и войн. До сих пор оно было не в состоянии вести концептуально ориентированные дебаты, подобные тем, которые велись до и после Первой мировой войны. Следовательно, для того чтобы понять развитие механизма войны и мира в прошедшем столетии и научиться понимать его в будущем, необходимо рассмотреть также позиции других общественно-политических сил.

Одновременный рост «варварства» и «цивилизованности» мирового сообщества после 1914 года

Итоги периода столетнего развития человеческой истории с момента начала Первой мировой войны представляются весьма неоднозначными. На протяжении этого столетия одновременно шли два процесса: как рост цивилизованности, так и рост чудовищного варварства. Начиная с эпохи окончания Наполеоновских войн (1792–1815 гг.) вплоть до 1914 года многие люди, придерживавшиеся совершенно разных политических взглядов, верили в неудержимый прогресс, ведущий человечество от варварства, то есть от социальной и экономической отсталости и господства грубого насилия к гуманной цивилизации и высокой нравственности. Идея прочного и

продолжительного мира во всем мире (выдвинутая поначалу либералами, но затем подхваченная и социалистами), противоречившая господствовавшему до тех пор повсюду в мире статическому представлению о вечности и неизбежности войны в человеческом обществе, начала распространяться среди широких слоев населения. В результате чего начиная с 1918 года удалось добиться создания — нередко даже консервативными общественными силами — важных новых учреждений с целью подготовки установления прочного и долговременного мира во всем мире.

За период с 1900 по 1987 год в результате вооруженных столкновений в ходе двух мировых войн¹, а также примерно 300–400 локальных войн погибло примерно 34 миллиона человек. За этот же период в ходе бесчисленных зверских расправ с гражданскими лицами и военнопленными около 110 миллионов человек были убиты коммунистами, около 21 миллиона — национал-социалистами и примерно 2 миллиона — демократами². Таким образом, за указанный период как в абсолютных, так, возможно, и в относительных цифрах жертвами политического насилия пало значительно больше людей, чем в прежние времена³. Большинство массовых убийств было совершено в годы внешнеполитических военных конфликтов и гражданских войн, однако некоторые из них совершались и в мирное время — например, в Советском Союзе. Наиболее кровавыми стали годы Первой мировой войны и последовавших за нею войн (1914–1923) в России и в Турции, а также и Вторая мировая война с последовавшими военными конфликтами — например, в Греции, Вьетнаме и Корее, вплоть до консолидации системы Восточного и Западного блоков в 1955 году. Диктатуры, стоявшие у власти во многих воюющих странах, не допускали возникновения даже минимальных предпосылок к проведению в Японии, Китае, Германии, Франции и Советском Союзе совместных политических антивоенных акций протеста, подобных тем, которые были возможны, скажем, в Базеле в 1912 году.

¹ Разброс в оценке количества погибших просто огромен, что вызвано также и различным пониманием военной терминологии и не вполне ясными эмпирическими данными о результатах применения политического насилия. См.: Ferdowsi, Mir A.: *Kriege seit dem Zweiten Weltkrieg* // Knapp, Manfred / Krell, Gert (ред.) 1996: *Einführung in die Internationale Politik. Studienbuch*, 3. Aufl., München / Wien. S. 308.

² Данные заимствованы из: Rummel, Rudolph J. *Power, Genocide and Mass Murder*, in: *Journal of Peace Research*. 1994. V. 31/1, P. 4–6. Критику военной статистики см. Pinker, Steven, 2011: *Gewalt. Eine neue Geschichte der Menschheit*. Frankfurt. S. 478.

³ Сомнительность относительных данных в другие эпохи см. Pinker Steven, 2011: *Gewalt. Eine neue Geschichte der Menschheit*. Frankfurt. S. 296.

О каком-то разоружении на протяжении последних ста лет не может быть и речи. Научно-технический прогресс обеспечивает не только постоянный рост, но и в первую очередь постоянное возрастание военных мощностей, а также усовершенствование техники производства средств уничтожения. Правда, современное оружие массового уничтожения обладает определенным устрашающим воздействием как в военное, так и в мирное время, что вынуждает его обладателей опасаться его использовать. Если в годы Первой мировой войны еще широко применялось газовое оружие, то уже в годы Второй мировой его применения удалось почти полностью избежать. Ядерная угроза, вне всякого сомнения, в немалой степени способствовала недопущению перерастания начавшегося после 1945 года конфликта между Востоком и Западом в третью мировую войну, что особенно ярко проявилось в ходе Карибского кризиса в октябре 1962 года¹. Этот кризис, грозивший перерасти в новую мировую войну, удалось урегулировать лишь благодаря соответствующим решениям, принятым двумя людьми — президентом США Дж.Ф. Кеннеди и фактическим главой Советского Союза Н. С. Хрущевым, чьими консультантами были всего лишь две-три дюжины политических деятелей и военных. Мнения народов и парламентов в ходе принятия этих решений никто не спрашивал, а уж о мобилизации широких слоев общества против угрозы надвигающейся войны, как до 1914 года, не могло быть и речи.

Невзирая на рост варварства в XX веке, в этом столетии были предприняты также шаги в направлении установления прочного и продолжительного мира во всем мире. Причем эти шаги были связаны с возросшим пониманием необходимости проведения миролюбивой политики в среде консервативных и либеральных политических деятелей, создавших учреждения, призванные поддерживать мир и гарантировать его обеспечение на основе собственного исторического опыта, развития политической мысли и тех проблем современности, с которыми им пришлось столкнуться. Они сделали возможным создание Лиги Наций, а впоследствии — Организации Объединенных Наций. Устав Лиги Наций объявил войну делом всего сообщества государств и разработал в основных чертах принципы коллективной безопасности. Кроме того, в нем были предусмотрены процессы, направленные на предотвращение войн и на мирное урегулирование конфликтов, а также на обеспечение защиты этнических и национальных меньшинств. Осуждение наступательной, агрессивной

¹ См. Письмо Хрущева Кеннеди от 26.10.1962 и пометку Кеннеди, что одна его ошибка может стоить жизни 200 миллионам людей. Beschloss, Michael R. 1991: *The crisis years: Kennedy and Khrushchev 1960–1963*. New York, 1991. P. 516–520 и 523.

войны в пакте «Бриана-Келлога» 1928 года¹ ознаменовало собой непревзойденный по значению прогресс в области международного права. Об этом можно говорить, даже несмотря на то что начавшееся вскоре после заключения этого пакта вторжение Японии в Манчжурию в 1931 году стало прологом эры новых агрессивных и завоевательных войн, а система коллективной безопасности продемонстрировала свою неэффективность и дело закончилось Второй мировой войной.

С 1945 года можно говорить о возникновении отдельных регионов мира, в которых шел постоянный прирост общественного богатства, условия жизни людей значительно улучшались, а продолжительность жизни увеличивалась. В некоторых странах жили уже целые поколения людей, которым не пришлось ни разу в жизни принимать активное или пассивное участие в какой-либо войне. Мирная внутригосударственная и международная организация жизни людей добилась несомненного прогресса. Если Лига Наций была еще организацией капиталистических государств, которым коммунисты противопоставляли собственный проект всемирной международной Советской республики с СССР в качестве главной силы, то в Организацию Объединенных Наций (ООН) наряду с капиталистическими демократиями и диктатурами входили и бюрократически-социалистические диктатуры. Хотя право вето, которым обладал постоянный Совет Безопасности, значительно ограничивало дееспособность ООН, что в то же время не допускало развала этой международной организации. Тем не менее не только Карибский кризис, но и целый ряд других проблемных моментов в отношениях между Востоком и Западом — например, кризисы 1948–49, 1961 и 1973 гг. — наглядно продемонстрировали всю реальность угрозы третьей мировой войны. В ходе всех этих кризисов ни рабочее движение, ни движение борьбы за мир не смогли даже в малой мере способствовать их урегулированию. Урегулирование кризисов было исключительно заслугой проявивших здравый смысл глав правительств.

Ядерная угроза была лишь одним из факторов, обеспечившим успех в деле недопущения новой мировой войны после 1945 года. Вероятно, гораздо более важную роль сыграли два других фактора: после военного поражения и ликвидации фашистских и родствен-

ных фашистским режимов в Италии, Германии и Японии ни одна из великих держав больше не проводила политику территориальной экспансии. Великие державы ограничили свои аппетиты экономическим и политическим проникновением в определенные сферы влияния, не исключая кратковременных военных интервенций. Данное обстоятельство имело решающее значение для придания ООН большей стабильности по сравнению с Лигой Наций, для которой была характерна постоянная смена членства. Хотя фашистские и коммунистические диктатуры весьма походили друг на друга в плане используемой ими жестокой техники поддержания своего господства, однако у либеральных демократов и коммунистов имелись общие представления о необходимости установления прочного и продолжительного мира во всем мире, невзирая на несовместимость их представлений о том, каким этот мир должен быть. Последнее обстоятельство было для них немалым подспорьем в деле урегулирования общими силами многих кризисов, например в октябре 1962 года.

Раскол антивоенного движения и движения борцов за мир

Еще более раздробленным, чем рабочее движение, оказалось движение борцов за мир, сразу же после начала Первой мировой войны расколовшееся на самые разные группы, вследствие чего образовался широкий спектр время от времени непримиримо враждовавших между собой, а порой сотрудничавших организаций борцов за мир. В результате этого важной составной частью обеспечения мира стала не только демократия, но и социальная справедливость. Лишь в нескольких странах образовались рыхлые объединения организаций борцов за мир, не обладавшие достаточными функциями для руководства движением¹. Лишь немногим организациям удалось сформировать международные объединения, имевшие федеративную структуру².

На протяжении последних десятилетий постоянно возникали недолговечные движения протеста против отдельных войн, против отдельных типов войн или против отдельных проектов в области во-

¹ Например, Немецкий Картель за Мир (das Deutsche Friedenskartell), просуществовавший, однако, только с 1920 по 1929 год и распавшийся вследствие внутренних противоречий, см. Holl Karl, 1988: Pazifismus in Deutschland. Frankfurt. S. 189–196.

² Например Международное Бюро за Мир (das Internationale Friedensbüro), Международный Союз Примирения (der Internationale Versöhnungsbund), Интернационал Отказывающихся Нести Военную Службу (die Internationale der Kriegsdienstverweigerer), Международная Женская Лига за Мир и Свободу (die Internationale Frauenliga für Frieden und Freiheit).

¹ Пакт Бриана – Келлога (Парижский пакт) — договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики, получивший название по именам инициаторов — министра иностранных дел Франции А. Бриана и государственного секретаря США Ф. Келлога, был подписан в августе 1928 года представителями 15 государств (позже к ним присоединились почти все существовавшие в то время страны). — *Примеч. перев.*

оружений, неизменно оказывавшиеся неспособными реально влиять на решения властей. Одна из главных разделительных линий, расколовших движение борцов за мир, вот уже два столетия отделяет безоговорочных, радикальных, крайних пацифистов от пацифистов умеренных, допускающих войну с определенными оговорками и при определенных обстоятельствах. Последних некоторые авторы именуют «белли-пацифистами»¹, а Мартин Сидел (Martin Seidel) называл их «пацифистами». Среди последних, как и среди членов Социалистического Интернационала (Социинтерна), большинство составляют те, кто в полном соответствии с уставом ООН считают оправданными в правовом и моральном отношении как национальную оборонительную войну (с целью защиты собственной страны от внешней агрессии, в том числе и в союзе с другими странами), так и войну как средство обеспечения международных санкций². В соответствии с этой установкой они выступают не за всеобщее и полное разоружение, но лишь за вооружение с целью обороны или даже за минимальное ядерное разоружение с сохранением ядерного арсенала, достаточного для устрашения потенциального военного агрессора. Меньшинство из них допускают также гражданскую войну с целью защиты существующих, гарантированных международным правом и конституцией прав и свобод, в случае если некие общественные силы стремятся эти права и свободы значительно ограничить или вовсе ликвидировать. Некоторые из них допускают даже гражданские войны как средство осуществления прав и свобод человека в государствах с диктаторскими режимами, считая законной также международную военную интервенцию как средство защиты от крайних проявлений нарушения прав человека или с целью свержения диктаторов. Особенно эта тенденция заметна начиная с 1991 года, с тех пор как уменьшилась угроза эскалации военной интервенции до уровня мировой войны.

Подавляющее большинство участников движения борцов за мир на протяжении последних двух столетий неизменно составляли «белли-пацифисты», они же — «пацифисты», в то время как безоговорочные пацифисты все это время составляли лишь незначительное

¹ От латинского слова «беллум» (bellum), означающего «война». — *Примеч. перев.*

² О якобы введенном Организацией Объединенных Наций всеобщем запрете на применении насилия (вопреки частым, но ложным утверждениям) не может быть и речи. В абзаце 4 статьи 2 Устава ООН содержится запрет лишь на применение одной, специфической формы насилия. В статье 51 и статье 42 Устава ООН признаются законными как национальная оборонительная война в качестве естественного права, так и война как средство осуществления международных санкций, введенных по решению Совета Безопасности ООН, хотя при этом избегается употребление слова «война».

меньшинство (хотя в рядах движения за мир их было больше, чем в рядах Социалистического Интернационала). После 1914 года движение сторонников мира претерпело два фундаментальных изменения, заслуживающих внимания. Во-первых, речь идет о распространении индивидуального отказа от несения военной службы (ОНВС), практиковавшегося еще членами «Церквей за мир» и многочисленных христианских сект до 1918 года. Эти «отказники» нередко предпочитали несению военной службы даже грозившее им за это многолетнее тюремное заключение. В Великобритании в 1914 году 16 500 британцам удалось легально отказаться от несения военной службы. В 1918 году право на отказ от несения военной службы было узаконено и в некоторых других государствах. Создание национальных организаций ОНВС в нескольких странах послужило стимулом к основанию «Пако» («*Paco*» — «мир» на международном языке эсперанто) — организации, предшествовавшей учрежденному в 1921 году Интернационалу Противников Военной Службы. Отказ от несения военной службы может быть обусловлен принципиальным неприятием войн всех видов, порой связан с неприятием специфических видов войн — например, империалистических завоевательных войн, или военной интервенции. Замена армий на основе всеобщей воинской обязанности высокоспециализированными профессиональными армиями с колоссальным разрушительным потенциалом в значительной степени выбила почву из-под ног у сторонников индивидуального отказа от несения военной службы, поскольку до сих пор повсюду находится достаточно добровольцев, готовых служить в профессиональной армии.

Начиная с 1920-х гг. в сознание и в практику международного движения борцов за мир вошла новая форма сопротивления: различные формы ненасильственных акций, в частности «отказ от сотрудничества», или «не-сотрудничество» (Non-Cooperation), и гражданское неповиновение (ограниченное нарушение закона). Они практиковались Мохандасом К. Ганди и его сторонниками по индийскому национально-освободительному движению и были направлены в первую очередь не против войны, а против социальной и политической, в том числе и узаконенной, несправедливости. Тем не менее эти методы оказались востребованными некоторыми сторонниками борьбы за мир, пропагандировавшими их применение в качестве средства сопротивления гонке вооружений, военной угрозе и оккупационным режимам. Но, в общем и целом, воздействие Ганди и гандизма как образца для подражания для борцов за мир оказалось

крайне незначительным как в период между двумя мировыми войнами, так и после 1945 года¹.

Возникновение коммунистической, а затем фашистской и национал-социалистической диктатуры, поставило движение борцов за мир перед лицом почти неразрешимых проблем. В результате заключения пакта «Молотова – Риббентропа» и союза между национал-социализмом и коммунизмом в 1939–1941 гг. оказались совершенно сбитыми с толку как антикоммунисты, так и антифашисты, входившие в ряды движения борьбы за мир в демократических государствах Запада².

Для многих империалистический характер германской политики территориальной экспансии стал очевиден только после оккупации Богемии (Чехии) и Моравии в марте 1938 года. В то время как большинство умеренных пацифистов во Франции, Великобритании и странах Бенилюкс настроились на новую оборонительную войну и, самое позднее, с этого момента выступили с одобрением наращивания вооружений в своих странах, многие французские пацифисты продолжали хранить верность идее примирения между Францией и Германией, причем даже после поражения Франции в мае 1940 года. Как после 1914, так и после 1939 года многие пацифисты в демократических странах Запада перешли на позиции военного патриотизма в духе национального оборончества — некоторые навсегда, другие только до 1945 года.

Как после Первой, так и после Второй мировой войны настроения в духе «Впредь больше никакой войны!» господствовали в широких слоях населения очень недолго. «Холодная война» и возникшая уже в период Берлинского кризиса 1948–49 гг. угроза «горячей» войны между Советским Союзом и Западными державами, а также попытки СССР превратить западное движение сторонников мира в орудие советской военной политики — вновь поставили движение борцов за мир перед старой дилеммой неравномерного влияния сторонников мира разных стран на свои правительства. Чем сильнее, пусть даже

относительно, во время конфликта становится движение сторонников мира по одну сторону фронта, тем больше выгод это приносит партии сторонников войны по другую сторону.

Несмотря на пресечение всякого движения сторонников сохранения мира на коммунистическом Востоке, существовало четыре фактора, которые дали возможность, прежде всего в морально-интеллектуальном плане, существовать западному движению борцов за мир, обладавшему следующими специфическими свойствами.

1. Пришедшая с опытом уверенность в том, что Запад играет ведущую роль в области военных технологий, в особенности в секторе ядерного оружия, способствовала распространению представлений о возможности поэтапного разоружения. Выступая застрельщиком не полного разоружения, страны Запада не подвергали опасности ослабить этим принципиальную обороноспособность своей страны. Одновременно это позволило развиваться в некоторых западных странах движению против ядерных вооружений, достигшему в определенный период немалого размаха («движению Пасхальных маршей», или «Пасхальному движению за мир»)¹.

2. Восприятие Советского Союза как великой державы, находящейся в обороне, способствовало возникновению уже в 1950-е гг. движения сторонников мира, усилившегося в Европе с конца 1960-х годов и выполнявшего начиная с Карибского кризиса 1962 года и важную интеллектуально-политическую функцию подготовки путей к разрядке напряженности между Востоком и Западом.

3. Наличие как на Западе, так и на Востоке запасов ядерных вооружений, достаточных для тотального взаимного уничтожения, способствовало с конца 1960-х годов широкому развитию антиядерного пацифизма, направленного частично не только против ядерного, но также против химического и биологического оружия массового уничтожения.

4. Неизмеримое военное превосходство западных держав в их колониальных и постколониальных конфликтах позволяло существовать в странах Запада движению борцов за мир, направленному против военной политики их собственных правительств, но ни в малейшей степени не угрожавшему ослабить обороноспособность их собственных стран. Впрочем, приобретшее большой размах в США и в других странах Запада движение против войны в Индокитае, несомненно, сыграло решающую роль в деле недопущения заключения

¹ О весьма неоднозначной реакции различных общественных группировок в Германии на идеи Ганди см. Jahn Beate, 1993: Politik und Moral: Gandhis Herausforderung für die Weimarer Republik, Kassel: zur Rezeption in Großbritannien siehe Caedel, Martin 1980: Pacifism in Britain 1914–1945. The Defining of a Faith. Oxford. S. 29, 88–90, 128, 250–252.

² Caedel 2000: Semi-Detached Idealists. The British Peace Movement and International Relations, Oxford, S. 326; Ingram. Norman, 1991: The Politics of Dissent. Pacifism in France 1919–1939. Oxford. S. 179–245. О разбросе мнений среди членов французской Социалистической партии см. Gombin, Richard 1970: Les socialistes et la guerre. La S. F.I. O. et la politique étrangère entre les deux guerres mondiales. Paris — La Haye. S. 230–254.

¹ Otto Karl A., 1979: Vom Ostermarsch zur APO. Geschichte der außerparlamentarischen Opposition in der Bundesrepublik 1960–1970. Frankfurt am Main; New York, 1979.

Западом мира с позиций победителя. Успех этого движения на протяжении еще долгого времени оказывал решающее влияние на готовность США к военной интервенции.

В ходе процесса крушения единоличного господства коммунистических партий в странах Европы в ее восточной части возникли движения сторонников мира, сторонников охраны окружающей среды и, наконец, движения за гражданские права, взявшие на себя инициативу в области демократизации своих обществ, что придало дополнительный вес движениям борцов за мир в странах Запада. После краха коммунистических режимов и распада СССР исчезла угроза эскалации локальных войн и их перерастания в мировую войну.

На протяжении последнего столетия антивоенному движению лишь однажды удалось предотвратить серьезную военную угрозу. Проведенная в конце Первой мировой войны и после ее окончания, главным образом, социал-демократам антивоенная кампания под лозунгом «Руки прочь от Советской России!»¹ не дала шанса для долгосрочной британской и французской военной интервенции, направленной против еще слабого тогда режима большевиков и тем самым невольно расчистила путь к установлению впоследствии диктатуры Ленина – Сталина.

Успехом многих антивоенных движений косвенным образом можно считать то обстоятельство, что им удалось помешать собственным правительствам втянуть страну в военный конфликт и избежать раскола общества вследствие возникновения широкой антивоенной оппозиции во всех слоях населения. Аналогичные успехи можно отметить и у других противников гонки вооружений, которые хотя часто и не добивались своей непосредственной цели — к примеру, недопущения «довооружения» НАТО ракетами средней дальности в период 1980–83 гг., — но, тем не менее, сумели побудить свои правительства к проявлению большей сдержанности в отношении проектов в области вооружений.

Как на закате режима апартеида в Южной Африке, так и при ликвидации многих других диктатур на Востоке Европы — проявилась вся мощь ненасильственных движений протеста. Однако успехи этих движений послужили хорошим уроком для других диктаторских ре-

жимов, принявшихся подавлять их на еще более ранних стадиях и с еще большей беспощадностью. Последнее обстоятельство, в свою очередь, сыграло на руку общественным силам, пришедшим к выводу, что правящие режимы, опирающиеся на насилие, могут быть побеждены оппозицией только с помощью ответного насилия. И движения, первоначально отвергавшие насилие, были оттеснены на задний план партиями, стремившимися развязать гражданскую войну. О подобном сценарии развития можно говорить в Косово до 1999 года и в Сирии начиная со второй половины 2011 года. В целом, в общественном сознании все еще незначительно укоренилось понимание того, что бесчисленное множество напоминающих фашистские, коммунистические, абсолютистско-монархические и военно-диктаторские режимов было свергнуто за последние сорок лет в результате ненасильственных революций.

Несовместимость и совпадение различных направлений борьбы за мир

Несовместимость различных направлений борьбы за мир исходит, с одной стороны, из несоответствия различных закоренелых в догматизме учений о причинах войн. Данный фактор сыграл губительную роль и при расколе движения сторонников мира на фракции. Во-вторых, в последние десятилетия под миром все чаще понимается нечто большее, чем «не-война», или «отсутствие войны». Иными словами, понятие «мир» наполняется дополнительным общественно-политическим содержанием, которое неизбежно противоречиво. Под ним понимается свобода, справедливость, демократия, социализм, социальная рыночная экономика, самоопределение народов, равноправие полов и еще многое другое¹. Отвергая «не-войну», или «отсутствие войны», как «псевдо-мир», во имя подлинного или «позитивного» мира, иные борцы за мир способствуют возникновению раскола в сфере борьбы за мир различных общественно-политических сил. Нередко они объявляют законной готовность к войне ради какого-либо «позитивного» мира, как будто «негативный» мир, то есть, в их понимании, «не-война», «отсутствие войны» — какое-то страшное зло. Хотя люди в большинстве своем желают мира, они, тем не менее, готовы вести войну против тех, кто желает иного мира, чем они.

¹ О революционных настроениях, господствовавших повсюду в Европе при начале этой кампании в Лондоне 9 февраля 1919 года, незадолго до образования Венгерской и Баварской Советских республик повсюду в Европе революционных настроениях, см. Edward Hallett, 1971: The Bolshevik Revolution 1917–1923. Bd. 3. London. S. 135 f.; см. также: Caedel Martin, 1980: Pacifism in Britain 1914–1945. The Defining of a Faith. Oxford. P. 55.

¹ См. Brock Lothar, 2006: Was ist das, Mehr' in der Rede, Friede sei mehr als die Abwesenheit vom Krieg? // Sahm, Astrid / Sapper, Manfred / Weichsel, Volker (ред.): Die Zukunft des Friedens. Band 1: Eine Bilanz der Friedens- und Konfliktforschung, 2. Aufl. Wiesbaden. S. 95–114.

Еще в XIX веке было принято разделять понятие «мир» от других, сопутствующих ему коннотаций. Хотя сторонники мира в большинстве своем всегда хотели добиться кроме мира и еще чего-то большего, к примеру, отмены рабства, свободы торговли, гражданских свобод, национальной независимости и свободы, демократии и т. д., — они неизменно связывали их с миром, говоря о «мире и свободе», «мире и демократии», «мире и справедливости», то есть о *pax et justiti* (мир и справедливость), но не о *pax justa* («справедливом мире») и не о «демократическом мире». Сегодня также имеет смысл выступать и бороться не только за мир, но и за другие ценности и цели. Однако, избегая чрезмерно «позитивного» понятия мира, можно облегчить сотрудничество между людьми, стремящимися кроме мира к самым различным целям, часто несовместимым с целями других борцов за мир. Войны между Востоком и Западом удалось избежать благодаря сотрудничеству между демократами и диктаторами, ведь диктатуры тоже часто заинтересованы в мире как «не-войне», или «отсутствии войны».

Возможные альтернативы многомерной политики сохранения мира

Каковы же сделанные лично мной политические выводы из исторического опыта, накопленного в области войны и мира, который мне удалось кратко, в общих чертах, обрисовать в настоящей статье? Прежде всего, я полагаю, что узкое, часто с осуждением именуемое «негативным», понимание мира является наиболее рациональным, поскольку оно позволяет добиться согласия между совершенно разными общественно-политическими силами, сходящимися только в одном: в понимании необходимости недопущения и ликвидации войны. Соответственно, под прочным и продолжительным миром следует понимать такой международный общественно-политический порядок или строй, при котором больше не будет происходить войн, вне всякой зависимости от того, как этот порядок будет выглядеть. В этом понимании мир — это «не война» и, в первую очередь, не что иное, как «не война». В условиях мира, порой, существуют вопиющее неравенство, рабство, угнетение, эксплуатация, повседневное насилие, преступность, бедность, голод, нищета и моральное разложение. Однако опыт ненасильственных движений показал, возможность успешной борьбы против всех этих ужасных явлений и без применения силы оружия, хотя такая борьба нередко длится дольше, чем война.

Однако существует и одно важное исключение из этого правила: массовые убийства или истребление населения (демоцид)¹. Можно сказать, что «мир» практически невозможен в условиях общества, допускающего массовые общественно-политические убийства. Мир, в условиях которого государственной властью осуществляются или допускаются массовые убийства, — единственный мир, для прекращения которого война является оправданной как с этической точки зрения, так и — во все возрастающей степени — с точки зрения международного права.

Из анализа войн последних ста или двухсот лет, да и предшествовавшей им долгой истории войн, невозможно вывести рационального, научно обоснованного доказательства невозможности установления прочного и продолжительного мира. Следовательно, такой мир продолжает оставаться целью, к которой должны стремиться все разумные люди. Такой общественно-политический институт, как рабство, введенный несколько тысяч лет тому назад, удалось ликвидировать только в XIX столетии². Такой общественно-политический институт, как война, значительно старше. Он возник несколько десятков тысяч лет тому назад³ и характеризуется гораздо большей живучестью, чем рабство. Но его существование диктуется не природной необходимостью, а особенностями культуры, и потому возможно общество без войны. Если удастся избежать мировой войны, которая, вероятно, породила бы новый мировой порядок, тогда мир во всем мире можно представить себе лишь в форме долгосрочного состояния «не войны» между вооруженными для оборонительной войны и готовыми к такой войне национальными государствами, поскольку люди в большинстве своем, как и прежде, не исключают возможность войны в случае военного нападения на их национальное государство.

Под эгидой постоянно реформирующейся и развивающейся системы Организации Объединенных Наций многие национальные сообщества уже научились не допускать агрессивных войн со стороны своих государственных образований. В будущем необходимо избегать и таких ситуаций, в которых два государства или два союза государств могли бы счесть для себя возможным и допустимым ввязаться в двустороннюю оборонительную войну. Подобная ситуация

¹ Понятие «демоцид» было введено Рудольфом Й. Руммелем. О различиях между понятиями «демоцид», «геноцид», «социцид» и «политицид» см. Jahn Egbert, 2004: Der Holodomor im Vergleich. Zur Phänomenologie der Massenvernichtung, in: Osteuropa 54. Heft 12. S. 22.

² Об истории рабства см. Everett, Susanne, Geschichte der Sklaverei. Augsburg, 1998.

³ Об истории войны см. обзор: Jahn Egbert, 2012: Frieden und Konflikt. S. 54–60.

возникла в ходе Карибского кризиса. В настоящее время подобную ситуацию создает стремление Ирана стереть с географической карты Израиль как государство и как территорию, населенную преимущественно евреями, а также угроза Израиля начать превентивную оборонительную войну с целью уничтожения иранских ядерных установок.

Вне всякого сомнения, ядерное устрашение не раз способствовало недопущению развязывания войн и смягчению форм ведения военных действий в ходе уже начавшихся военных конфликтов. Однако тут возникает следующая проблема: не облегчит ли полное ядерное разоружение — то есть не просто сокращение арсеналов ядерного оружия, а полный отказ от него — развязывание и ведение войн с использованием обычного оружия? Эта проблема подтверждает базовый тезис статьи: мир невозможно установить путем одностороннего или всеобщего разоружения. Наоборот, разоружение станет возможным только после сохранения мира на протяжении нескольких десятилетий. Это не исключает возможности одностороннего и согласованного на международном уровне сокращения военных арсеналов до уровня, безопасного для сохранения обороноспособности соответствующих государств.

В отличие от лидеров рабочего движения 1912 года сегодня никто уже не говорит о какой-то одной, отдельно взятой, причине возникновения войн — например, о капиталистическом экономическом строе. Существует лишь одна общая предпосылка войны — воля людей вести войну. Поэтому необходимо создавать такие общественно-политические структуры, в рамках которых больше не возникало бы воли к агрессивной войне или к двусторонней оборонительной войне. Волю к сохранению мира способны проявлять как диктаторы, так и демократы, как христиане, так и мусульмане или атеисты, как капиталисты, так и социалисты, как предприниматели, так и работники наемного труда и многие другие общественные группы. Не существует никаких крупных социальных образований, социальных классов или наций, избранных и predeterminedных свыше к тому, чтобы «нести миру мир». Вероятно, мир во всем мире станет результатом сочетания совершенно разных и по большей части противоречащих друг другу представлений о мире, единых лишь в одном: не добиваться и не сохранять мира при помощи войны.

Данное обстоятельство делает возможным и необходимым проведение многомерной политики по сохранению мира. Такая политика должна будет предусматривать сотрудничество самых разных общественно-политических миролюбивых сил, начиная с государственных учреждений — правительств, парламентов, судов, армии, поли-

ции — и кончая всевозможными общественными силами — партиями, объединениями, религиозными общинами, профессиональными союзами, педагогами etc. В идеальном случае это должна быть скоординированная политика разных миролюбивых сил, но в действительности это будет, скорее всего, неосознанным сотрудничеством.

Главная ответственность за недопущение войны и за успех миротворческой деятельности будет по-прежнему лежать на тех, кто обладает властью и средствами, необходимыми для ведения войны, вне зависимости от того, пришли ли они к власти в составе правительств, или в результате демократических выборов в составе способных вести гражданскую войну организаций, или путем узурпации власти и установления диктатуры. Другие силы, не обладающие средствами насилия, должны выяснить для себя, могут ли они оказать влияние на решения власть предержащих в деле сохранения мира, или же заменить их другими лицами, настроенными, вне всякого сомнения, миролюбиво. В зависимости от занимаемого коллективными или индивидуальными миролюбивыми силами общественно-политического положения они могут действовать по-разному. Готовность к ведению национальной оборонительной войны с целью защиты собственной страны в обозримом будущем, вероятно, не исчезнет. Лишь меньшинство готово защищать свои национальные и социальные свободы от чужеземных захватчиков исключительно ненасильственными средствами. Представляется маловероятным, что в отдельных странах, и уж тем более во всем мире, это меньшинство превратится в большинство, способное добиваться политическими средствами принятия своих убеждений всеми остальными. Поэтому, вероятно, умеренный пацифизм (или пацифизм), а не безоговорочный пацифизм, будет играть решающую роль в деле установления и поддержания прочного и продолжительного мира во всем мире.

Таким образом, главное предназначение ненасильственных движений — таких как «Арабеллион»¹ в Египте и в Тунисе — заключается не столько в защите, или обороне, собственной страны, сколько в отрешении от власти недемократических режимов, поддерживаемых или терпимых лишь меньшинством. Кроме того, такого рода движения способны защищать существующие социальные и политические свободы от узурпирующих власть диктаторов — как это было, на-

¹ Употребленный автором неологизм «арабеллион» (Arabellion) составлен из слов «араб» (Araber) и «реbellion» (Rebellion), что означает по-немецки «восстание», а все вместе — «Арабское восстание». Имеется в виду так называемая «Арабская весна» — волна демонстраций и путчей, начавшихся в арабском мире 18 декабря 2010 года. — *Примеч. перев.*

пример, во время Капповского путча в Германии в марте 1920 года¹ или во время путча «гражданской гвардии» в Испании в феврале 1981 года². Начиная с 1970-х годов успешный опыт преодоления диктатур разного рода вселяет надежду на то, что впредь все чаще будет удаваться избегать таких гражданских войн, как в Ливии и Сирии. Безоговорочные пацифисты, как и до 1939 года в Европе, будут вынуждены проводить различие между партиями, ведущими агрессивную и оборонительную войну, используя свой политический вес для того, чтобы склонить чашу весов в пользу одной или другой стороны.

Насилие, применяемое для угнетения, не то же самое, что насилие, применяемое для освобождения. Популярное изречение, что насилие порождает лишь насилие, в историческом плане попросту ложно. Ворота Освенцима были распахнуты перед последними выжившими заключенными не пацифистами, а солдатами, одержавшими победу в оборонительной войне. Своевременная военная интервенция в Руанду, вероятно, могла бы спасти жизнь сотен тысяч людей, хотя, возможно, принесла бы смерть тысячам других. Мохандас К. Ганди трижды в жизни пошел на войну добровольцем, поскольку до 1920 года пребывал в убеждении, что Великобритания защищает в войне правое дело, и пожелал поддержать ее в этом силой оружия.

Тенденция к стабилизации института ограниченной войны

Какое же развитие получают война и мир в предстоящие десятилетия? Начиная с 1991 года угроза третьей, ядерной, мировой войны значительно уменьшилась, но не была полностью ликвидирована. Экономический, политический и военный подъем Китайской Народной Республики может, в случае если китайская Коммунистическая партия еще долго останется у власти, привести к новому общественно-политическому конфликту между Востоком и Западом, к конфликту между авторитарными режимами различной ориентации и западными демократиями. В случае подобного конфликта в него окажутся втянутыми большинство стран мира, что создаст опасность третьей мировой войны.

Экономическая, политическая и военная мощь США будет, вероятно, все дальше ослабевать. Хотя ядерные арсеналы США и России были значительно сокращены, одновременно произошло дальнейшее распространение ядерного оружия и возникли новые ядерные державы (Индия, Пакистан, Северная Корея), а другие страны (например, Иран), вероятно, находятся в процессе превращения в ядерные державы. Многочисленные международные конфликты, как известные уже давно, так и еще не наметившиеся сегодня, могут перерасти в региональные войны с угрозой их дальнейшей эскалации. Перманентный прогресс военной науки, техники и технологии, связанных с производством все новых видов вооружений, будет направлен, в первую очередь, не на увеличение потенциала средств уничтожения, а на разработку средств целенаправленного и ограниченного использования новых, все более разрушительных, высокоточных видов оружия. С одной стороны, это обстоятельство снижает угрозу всеобщей войны на уничтожение, с другой, — подразумевает превращение войны, ограниченной по времени, охвату и применению военной техники, в постоянный институт. Таким образом, третья мировая война становится, пока что мало вероятной, однако ограниченные, с точки зрения использования имеющихся видов вооружений, локальные и региональные войны по-прежнему в высшей степени возможны. Они будут по-прежнему ежедневно вестись во многих частях света.

Сегодня мировое сообщество плотно связано воедино различными СМИ. Это обстоятельство способствует тому, что по сравнению с 1912 годом войны и конфликты в разных частях света вызывают массовые антивоенные протесты — как, например, более чем десятиmillionный протест 15 февраля 2003 года перед началом военной интервенции США с союзническими государствами в Ираке. Поэтому будут постоянно возникать разрозненные движения протеста против войны и гонки вооружений. Когда произойдет их сплочение в одно единое движение за мир во всем мире, действующее постоянно и последовательно во всех 196 странах мира, пока что сказать невозможно, однако стремиться к этому следует.

¹ Капповский путч (путч Каппа – Люттвица) — военный мятеж, предпринятый немецкими консервативными силами во главе с крупным прусским юнкером Вольфгангом Каппом и генералом Вальтером фон Люттвицем в 1920 году против правительства Веймарской республики и потерпевший неудачу в результате всеобщей забастовки рабочих и отказа чиновников и служащих сотрудничать с путчистами. — *Примеч. перев.*

² Имеется в виду провалившаяся попытка ультраправого государственного переворота в Испании, предпринятая 23 февраля 1981 года полковником испанской жандармерии («гражданской гвардии») Антонио Техеро Молина. — *Примеч. пер.*

Йорн ЛЕОНАРД

КОНЕЦ ИМПЕРИЙ И ТРИУМФ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА?

Мирные договоры после 1918 года и новый международный порядок

*Введение: Парижские мирные договоры и преемственность насилия*¹

В начале конца войны стоял Вудро Вильсон. Разрабатывая в январе 1917 года свою модель будущего нового мирового порядка, американский президент считал, что в основе этого порядка должно будет лежать в качестве предпосылки, прежде всего, право на национальное самоопределение и равноправие малых народов с великими державами: «Ни одна нация не должна стремиться распространить свою власть на любую другую нацию или на любой другой народ... каждому народу должна быть предоставлена свобода самому определять свою форму правления, свой путь развития, беспрепятственно, безопасно, безобязанно, малому народу наравне с великим и могущественным»². Свою роль сыграли и результаты проведенного Вильсоном анализа причин Первой мировой войны, которые он усматривал в угнетении национальных меньшинств в Европе. В феврале 1918 года Вильсон заявил: «Причины этой войны коренятся в непризнании прав малых наций и национальностей, которым не хва-

¹ Статья представляет собой переработанный вариант предыдущей публикации автора: Jörn Leonhard, *Das Erbe der Vielfalt: Die europäischen Empires und die Friedensverträge nach 1918*, in: *Zeitschrift für Staats- und Europawissenschaften* 3 (2012), S. 361–385.

² Woodrow Wilson, 'A Peace worth Preserving', Address to Congress on Essential Terms of Peace, 22nd January 1917, in: *Americanism: Woodrow Wilson's Speeches on the War, why he made them and what they have done, the President's principal Utterances in the first Year of War, with Notes, Comments and War Dates, giving them their historical Setting, Significance and Consequences, and with brief Quotations from earlier Speeches and Papers*, hg. von O. M. Gale, Chicago, 1918. S. 22–28, здесь: S. 27.

тало сплоченности и сил для того, чтобы осуществить свое стремление самим определять, кому им быть лояльными, и формы своей политической жизни»¹.

В исторической ретроспективе можно сказать, что ход и окончание Первой мировой войны, завершившейся распадом великих империй Европы, ознаменовали собой не только триумф демократии в ее «западном» понимании, оказавшейся способной столь эффективно противостоять находившимся под правлением авторитарных режимов великих держав континентальной Европы — Германской, Российской, Габсбургской и Османской империй. События, происходившие сразу после окончания войны, и фаза мирных переговоров 1918–1923 годов означали также и триумф национальной парадигмы, победу принципов нации, национальности и национального государства. Собственно суггестивная сила идентифицируемой начиная с 1917 года с американским президентом Вильсоном реализации права на национальное самоопределение как предпосылки установления прочного и справедливого мира стала результатом этого нового для описываемого времени сочетания военного насилия, идеала равноправного соучастия и принципа национальной государственной независимости.

Однако в долгосрочном плане это сочетание не привело к окончанию всех будущих войн, и не оправдалась надежда на то, что ценой пролития крови множества солдат союзных держав «эта война покончит со всеми войнами». Напротив, в результате претворения новых представлений в жизнь в Европе и за ее пределами возникли многочисленные новые формы культуры насилия и многочисленные случаи применения массового насилия — от гражданских войн и новых конфликтов между только что основанными новыми государствами до массового изгнания людей и массовых убийств по этническому признаку. Это продолжение войны другими средствами, пролонгация войны в мирное время были характерны и для периода между двумя мировыми войнами. Данное обстоятельство привело к общему снижению планки применения насилия, делая все более хрупкой границу между миром и войной.

Но было и нечто иное, отличавшее Парижские мирные переговоры от предыдущих мирных конференций Нового Времени — например, в Мюнстере и Оснабрюке (1648) или в Вене (1814–1815). 28 июня 1919 года в Зеркальном зале Версальского дворца произошла сцена,

¹ Woodrow Wilson, 'Only One Peace Possible', Address to Congress Answering a Peace Offensive, 11th February 1918, containing the 'Four Points', in: *ibid.*, S. 103–109, здесь: S. 106.

ставшая наглядным примером эмоционального напряжения, царившего при подписании мирного договора, и того, насколько порядок, установившийся после подписания мира, был связан с моральными импликациями вины и ответственности. До того как германскую делегацию ввели в зал, рядом со столом, за которым германские политики должны были безо всякого обсуждения подписать соответствующие документы, усадили пятерых французских солдат с изуродованными в результате тяжелых ранений лицами. Французский премьер-министр Клемансо дополнительно подчеркнул этот жест, молча пожав руки этим пятерым *cinq gueules cassés* (пяти изуродованным лицам. – примеч. пер.). После заключения мира этим пятерым солдатам, запечатленным на сотнях тысяч иллюстрированных почтовых карточек, было суждено стать символом всех принесенных Францией жертв. Мало того! Они своими изуродованными лицами поистине дали войне собственное лицо, подчеркивая тем самым представление о том, что в войне повинны немцы¹.

Система Парижских договоров: надежды на мир и расхождение интересов

В противоположность этому символическому продолжению войны, американский президент Вильсон подчеркивал, прежде всего, взаимосвязь между мирными договорами и необходимостью учреждения Лиги Наций, ибо ее основание, как он подчеркнул после завершения мирных переговоров, пресечет в дальнейшем все опасности новой войны: «В начале этого великого договора стоит согласие Лиги Наций. Оно будет стоять и в начале договоров с Австрией, и с Венгрией, и с Болгарией, и договора с Турцией. Каждый из них получит одобрение Лиги Наций, ибо работа ни над одним из них не может осуществляться без согласия Лиги Наций. До тех пор, пока мы не сможем объединить общие силы великих правительств мира в деле одобрения этих договоренностей, они будут рассыпаться, как картонный домик. Существует лишь одна сила, при помощи которой можно добиться освобождения человечества, и это — сила человечества. Это сила объединенных моральных сил мира, и в согласии Лиги Наций мобилизованы все моральные силы мира»².

¹ Jörn Leonhard, Die Büchse der Pandora. Geschichte des Ersten Weltkriegs, 5. Aufl. München 2014. S. 948–949, sowie im folgenden S. 939–978.

² Woodrow Wilson, Rede vom 25. September 1919, zitiert nach: Marie-Louise von Plessen (Hg.), Idee Europa: Entwürfe zum „Ewigen Frieden“. Ordnungen und Utopien für die Gestaltung Europas von der pax romana zur Europäischen Union, eine Ausstellung

Парижская мирная конференция была мероприятием невиданных до той поры масштабов. В ней приняли участие бесчисленные делегации и журналисты¹. На фоне войны она была лабораторией XX века, экспериментальным помещением по созданию международного порядка, основанного на глобальной открытости и на принципах коллективной безопасности². Вильсон сосредоточил свое основное внимание на Лиге Наций и на подчиненных ей подмандатных территориях как на новых инструментах обеспечения коллективной безопасности, прочного и продолжительного мира. Устав Лиги Наций стал частью Версальского договора с Германской империей, а также всех прочих договоров, заключенных в предместьях Парижа. Первоначально в Лигу Наций вошли только страны – союзницы по Антанте, ассоциированные с ними страны и 13 нейтральных государств. В 1920 году Вильсон потерпел поражение в своих попытках добиться ратификации договора о вступлении США в Лигу Наций и тем самым добиться и самого вступления³.

С точки зрения Франции, выразителем которой был Клемансо, решающее значение имело недопущение новой угрозы со стороны Германии. Он считал необходимым любыми средствами не допустить восстановления германской мощи. Этим объяснялись требования провести новую франко-германскую границу по Рейну, а впоследствии заключение союзов с недавно возникшими государствами Восточной Европы. Для того чтобы ограничить распространение Германии и на Востоке, Франция вступила с Польшей и Чехословакией в союз под названием «Малая Антанта». Французская позиция дополнялась требованиями репараций, направленных, прежде всего, на причинение

als historische Topographie. Katalogbuch zur gleichnamigen Ausstellung des Deutschen Historischen Museums, Berlin, zur Neueröffnung der Ausstellungshalle von I. M. Pei, 25. Mai bis 25. August 2003, Berlin, 200. S. 242.

¹ W. V. Temperley (Ed.). A History of the Peace Conference of Paris, 6 Bde. (zuerst: 1920–1924), 2. Aufl. London, 1964.

² Manfred F. Boemeke, Gerald D. Feldman und Elisabeth Glaser (Hg.), The Treaty of Versailles, A Reassessment After 75 Years. Cambridge, 1998; Gerd Krumeich (Hg.), Versailles 1919. Ziele – Wirkung – Wahrnehmung. Essen, 2001; Zara Steiner. The Treaty of Versailles Revisited, in: Michael Dockrill (Hg.), The Paris Peace Conference, 1919. Peace Without Victory? Basingstoke, 2001. S. 13–33; Jean-Jacques Becker, La traité de Versailles, Paris 2002; Jeff Hay (Hg.), The Treaty of Versailles. San Diego, 2002; Eberhard Kolb. Der Frieden von Versailles. München, 2005; David A. Andelman, A Shattered Peace. Versailles 1919 and the Price We Pay Today. Hoboken, 2008; Timothy Baycroft und Conan Fischer (Hg.), After the Versailles Treaty. Enforcement, Compliance, Contested Identities. London, 2008; Alan Sharp (Hg.). The Versailles Settlement. Peacemaking After the First World War, 1919–1923, 2. Aufl. New York, 2008.

³ Margaret Macmillan, Paris 1919. Six Months that Changed the World. New York, 2003. S. 53–106.

Германии ущерба. Репарации должны были, с одной стороны, компенсировать понесенные Францией значительные жертвы и ущерб, с другой же — на долгое время ограничить рост экономической мощи Германии. Ллойд Джордж, выразивший интересы Великобритании, стремился, прежде всего, минимизировать присутствие Германии в международном масштабе. Это относилось к торговой конкуренции, флоту и колониям. Но одновременно британский премьер в так называемом «Документе из Фонтенбло», выдержанном в резко антибольшевистском духе, высказывался против долговременного ослабления или даже расчленения Германии. Он стремился сохранить Германию в качестве жизнеспособной континентальной державы — против угрозы большевизма, а также в качестве силы, способной гарантировать долгосрочное равновесие на европейском континенте¹.

Все побежденные державы были исключены из участия в мирных переговорах. В заключение следует заметить, что с огромными ожиданиями в Париж прибыли и представители многих колониальных обществ Африки и Азии. Именно они очень надеялись на влияние американского президента и на то, что право народов на самоопределение будет признано в мировом масштабе. Многочисленные предложения и обращения к руководившим конференцией европейским колониальным державам, исходившие, к примеру, от Первого Panaфриканского конгресса, движения *Молодой Алжир* или представителя Вьетнама Хо Ши Мина, были направлены на улучшение политического положения колониальных владений, однако надежды последних, возлагаемые на конференцию, не оправдались².

Версальский договор, содержащий 440 статей, 15 частей, приложений и дополнительных договоров, между союзниками и Германской империей был самым длинным и сложным на тот момент мирным договором в истории. Не считая утраченных колоний, территориальные потери Германской империи составили 70580 квадратных километров, на которых проживали 7,3 миллиона человек. К этому добавились ограничения в военной области, материальная компенсация и временная оккупация западной части страны. И, наконец, особенно тяжелыми были карательные положения договора. Победители требовали, в частности, выдачи им Вильгельма II и других лиц, объявленных военными преступниками, однако Германия впоследствии не выполнила эти требования. Статья 231 однозначно

возлагала всю вину за развязывание мировой войны на Германию и на базе этого юридического обоснования оправдывала требования выплаты ею репараций, поначалу не описанные подробно. Поэтому немецкие требования пересмотра положений договора были сосредоточены в основном на отмене данной статьи.

Если вспомнить о требованиях, предъявленных немцами к России по Брест-Литовскому мирному договору, уникальность «Версальского диктата», характерная для его восприятия подавляющим большинством немцев, покажется весьма относительной. Однако этот мирный договор ознаменовал собой разрыв с традицией мирных договоров Нового Времени, заключенных в 1648 и 1815 годах. Произошел отказ от представлений о не рассматриваемом в качестве преступника *iustus hostis* (*честном противнике*) в пользу внесения в политику нотки морализаторства и возложения всей вины за развязывания войны лишь на одного из ее участников, да еще и проигравшего эту войну. Однако данный договор, в отличие от мая 1945 года, не означал безоговорочной капитуляции Германии. С учетом этой перспективы его условия были в зависимости от точки зрения либо слишком жесткими, либо слишком мягкими. Германия рассматривала себя стигматизированной в моральном плане, но в то же время от нее не требовали отказа от своих претензий на роль европейской великой державы ни в политическом, ни в экономическом отношении. В отличие от мая 1945 года, страна после Второй мировой войны по-прежнему обладала ресурсами для проведения реваншистской внешней политики, что было отражением отнюдь не свободного от противоречий компромисса между державами-победительницами. Соответственно, договор был препятствием на пути к осуществлению французских планов превращения Германской империи в новый Рейнский Союз, т. е. к образованию мелких, независимых и зависимых от Франции государств в западной части Германии, в результате опыта двух войн — 1870 и 1914 годов — и долгосрочного разгрома Германии как великой державы, став отражением англо-американского стремления к восстановлению в Европе обновленной системы континентального равновесия¹.

Наследие империй на европейском континенте: территориальная ломка и этническое насилие

Как же поступили со сложным наследием многонациональных империй после окончания войны, и к каким последствиям это при-

¹ Caroline Fink. The Peace Settlement, 1919–1939, in: John Horne. A Companion to World War I. Malden/Mass. 2010. S. 543–557.

² Erez Manela. The Wilsonian Moment. Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism. Oxford, 2009. S. 141–175.

¹ Leonhard. Büchse der Pandora. S. 955.

вело в среднесрочной и долгосрочной перспективе?¹ Была признана законной, с точки зрения международного права, ликвидация монархии Габсбургов и Османской империи, закрепленная в договорах, заключенных в парижских предместьях и вступивших в силу в период с июня 1920 по июль 1921 года. Речь идет о договорах с Немецкой Австрией 10 сентября 1919 года в Сен-Жермен ан Лэ, с Болгарией — 27 сентября 1919 года в Нейи, с Венгрией — 4 июня 1920 года в Трианоне, а также с Османской империей — 10 августа 1920 года в Севре. Отсутствовала только Советская Россия. Ибо, вопреки ожиданиям Вудро Вильсона и британского премьера Дэвида Ллойд Джорджа, Советская Россия не была представлена на Парижской мирной конференции. Результатом стал разделенный мир, который изначально не имел силы для всей Европы, полностью исключал обширные регионы Азии и в связи с неравной реализацией в значительной мере лишился веры людей в свою справедливость и законность. Внутренняя дестабилизация еще совсем юного Советского государства, продолжавшего существовать в качестве полиэтнического, многонационального сообщества, и в этом отношении представляла собой наследие царской державы, с самого начала подчеркивала ограниченность политики Вильсона, направленной на то, чтобы стабильность международных отношений в будущем основывались только на принципах права наций на самоопределения. В отличие от империи Габсбургов, многонациональная царская империя выжила после 1917 года, продолжив свое существование в виде Советского государства². Поэтому Советский Союз в 1920-е годы столкнулся с той же проблемой, с которой монархия Габсбургов столкнулась в конце войны, а именно с необходимостью взять на себя политическое руководство национальностями, обладающими политическим самосознанием. Советским ответом на этот вызов стало сочетание системы федерализма с господством жестко централизованной коммунистической партии.

При ликвидации монархии Габсбургов был фактически объявлен недействительным принцип национального самоопределения. Статья 1 Версальского договора закрепляла независимость Австрии

и тем самым отменяла принятые Германией и Австрией решения об объединении двух стран в одно государство. Во Временной Конституции Немецко-Австрийской республики от 12 ноября 1918 года это государство сознательно и однозначно именовалось составной частью Германской республики. Это решение было подтверждено австрийским Конституционным Собранием в марте 1919 года, а германское Национальное Собрание, в свою очередь, согласилось с этой констатацией 21 февраля 1919 года. В абзаце 2 статьи 61 Веймарской имперской конституции среди земель — членов рейхсрата (имперского совета, верхней палаты германского двухпалатного парламента-рейхстага) — упоминалась и Немецкая Австрия. Однако после ратификации Версальского договора германское имперское правительство было вынуждено в сентябре 1919 года признать это решение не имеющим силы. Тот факт, что подавляющее большинство жителей некоторых австрийских федеральных земель, в которых были проведены соответствующие плебисциты — например, в Тироле и Зальцбурге, — высказалось за присоединение (аншлюс) к Германии, ничего в данном плане не изменил¹.

Таким образом, с исторической точки зрения, поставленный в 1815 и 1848 годах, но так и оставшийся без ответа вопрос о границах национального государства всех немцев, основанного в результате войн 1866 и 1870–1871 годов в виде уменьшенного, «малогерманско-прусского» национального государства, оказался как бы обойденным. Конфликт был отсрочен, а вот вера послевоенного германского и австрийского общества в справедливость мирных договоров была в кратчайшие сроки подорвана. Версальский и Сен-Жерменский договоры стали в глазах немецких и австрийских современников выражением «мира, навязанного силой», «не мира, а диктата». Впрочем, на то, в чем союзники в 1919 году отказали Германской и Австрийской республике в результате демократического процесса волеизъявления, им пришлось в 1938 году в совершенно иных обстоятельствах согласиться как на результат акта военного насилия, совершенного Адольфом Гитлером. Тем самым союзники косвенно признали законность стратегии насильственного пересмотра и как бы *ex post* (лат.: задним числом. — *Примеч. перев.*) признали и противоречивость до-

¹ Leonhard, Das Erbe der Vielfalt. S. 361–385.

² Miron Rezun (Hg.). Nationalism and the Breakup of an Empire. Russia and Its Periphery. Westport, 1992; Chris J. Chulos. The Fall of an Empire, the Birth of a Nation. National Identities in Russia. Aldershot, 2000; Terry Martin und Ronald Suny. A State of Nations, Empire and Nation-making in the Age of Lenin and Stalin. Oxford, 2001; Susanne Michele Birgerson. After the Breakup of a Multi-Ethnic Empire. Russia, Successor States, and Eurasian Security. Westport, 2002; Nick Baron. Homelands. War, Population and Statehood in Eastern Europe and Russia 1918–1924. London, 2004.

¹ Lajos Kerekes. Von St. Germain bis Genf. Österreich und seine Nachbarn 1918–1922, Budapest 1979; Isabella Ackerl und Rudolf Neck (Hg.). Saint-Germain, 1919. Protokoll des Symposiums am 29. und 30. Mai 1979 in Wien, Wien, 1989; Fritz Fellner, Der Dreibund. Europäische Diplomatie vor dem Ersten Weltkrieg, in: Ders., Vom Dreibund zum Völkerbund. Studien zur Geschichte der internationalen Beziehungen 1882–1919, hg. von Heidrun Maschl und Brigitte Mazohl-Wallnig, Wien, 1994. S. 19–82.

говоров, заключенных в свое время в парижских предместьях. И потому в 1938 году Гитлер смог не только ставить себе в заслугу сокрушение договоров 1919–1920 годов, но и одновременно выставлять себя вершителем германской истории, восстановителем исторического единства Германской империи, стерев из сознания людей воспоминания об исторических моментах 1848 и 1918 годов¹.

Как не менее жесткие во внешнеполитическом плане были восприняты и последствия для Венгрии заключения с этой страной Трианонского мирного договора². Подобно делегациям Германии и Австрии, венгерская делегация также не была допущена к реальным переговорам. В середине января 1920 года венгерское правительство просто получило сообщение об условиях мирного договора, глубоко возмущивших общественность Венгрии. По условиям Трианонского договора, Венгрия лишилась не менее 71 процента территории, которой она обладала к началу войны. На этой территории к моменту начала войны проживало 63 процента населения Венгрии. Подобно австрийской части распавшейся Двуетидной монархии, ее венгерская часть также была превращена в результате мирных переговоров в крайне ослабленное государство площадью не более 93000 квадратных километров с 7,6 миллионами жителей³.

И, наконец, то, как победители поступили с наследием Османской империи, высветило и сфокусировало как в увеличительном стекле все проблемы нового территориального и этнического устройства и возможного освобождения народов от рамок порядка, определенного в 1920 году. Однако в то же время ситуация Османской империи существенным образом отличалась от ситуации монархии Габсбургов. Различие заключалось, главным образом, в том, что насильственные конфликты, в которые была вовлечена Османская империя, уходили своими корнями в прошлое гораздо дальше, чем в 1914 год, а именно — в 1897 год, год начала войны против Греции — и в период двух

Балканских войн (1912–1913 гг.). Положение было дополнительно осложнено также греческим вторжением в область Измира (Западная Анатолия) в мае 1919 года и серьезными внутривосточными беспорядками в разных частях страны.

Эта вполне очевидная внутренняя дестабилизация явилась, с одной стороны, выражением дезинтеграции Османской империи, значительно ускорившейся вследствие территориальных потерь, понесенных ею в Юго-Восточной Европе. С другой стороны — и это после 1918 года стало решающим фактором — данная продолжающаяся кризисная ситуация послужила катализатором и способствовала приобретению турецким национализмом в его внутри- и внешнеполитическом аспекте особо радиального характера. Условия Мудросского мирного договора, заключенного в октябре 1918 года, фактически положили конец существованию Османской империи¹. Но в глазах руководящих представителей турецкого национального движения это лишь подчеркивало необходимость любой ценой добиться пересмотра установленного в Париже послевоенного порядка. С учетом данных обстоятельств образование турецкого национального государства произошло в форме акта сопротивления миру на выдвинутых союзниками условиях, содержащихся в Севрском договоре, предусматривавших значительное сокращение территории Турции².

Когда войска союзников заняли Константинополь и в марте 1920 года были обнародованы планы дальнейшего территориального расчленения Анатолии, а также роспуска османского парламента, Генеральный инспектор османских войск Мустафа Кемаль, получивший впоследствии прозвище Ататюрк («Отец турок»), взял инициативу на себя и созвал в Анкаре новое Национальное Собрание, призванное разработать основы будущего турецкого национального государства. В то же время руководители турецкого национального движения понимали, что проводимая ими политика, направленная против условий мира, выдвинутых союзниками, нуждается во

¹ Leonhard. Büchse der Pandora. S. 958–959.

² Carlile A. Macartney, Hungary and her Successors. The Treaty of Trianon and Its Consequences 1919–1937. Neudruck: London, 1968 (zuerst: Oxford, 1937); Yves de Daruvar. Le destin dramatique de la Hongrie. Trianon ou la Hongrie écartelée. Paris, 1989; Béla K. Király (Hg.). Trianon and East Central Europe, Antecedents and Repercussions. Boulder, 1995; László Borhi. Towards Trianon, in: Hungarian Quarterly 41 (2000). S. 129–134; Tibor Hajdu. La Hongrie dans les années de crise. Après la Première Guerre mondiale, 1918–1920, in: Guerres Mondiales et Conflits Contemporains 50 (2001). S. 37–51; Ignác Romsics. The Dismantling of Historic Hungary. The Peace Treaty of Trianon 1920. Boulder, 2002; Peter Pastor. Major Trends in Hungarian Foreign Policy From the Collapse of the Monarchy to the Peace Treaty of Trianon, in: Hungarian Studies 17 (2003). S. 3–11.

³ Zoltán Kovács. Border Changes and Their Effect on the Structure of Hungarian Society, in: Political Geography Quarterly 8 (1989). S. 79–86.

¹ Ahmed S. Ahmedov. Les antagonismes interalliés sur les problèmes turcs après l'armistice de Mudros jusqu'au traité de Sèvres, in: Etudes Balkaniques 19 (1983). S. 27–48.

² A. E. Montgomery. The Making of the Treaty of Sèvres of 10 August 1920, in: Historical Journal 15 (1972). S. 775–787; Paul C. Helmreich, From Paris to Sèvres. The Partition of the Ottoman Empire at the Peace Conference of 1919–1920, Columbus 1974; Werner Zürer, Der Friedensvertrag von Sèvres. Ein kritische Beitrag zur Problematik der Neuordnung des nahöstlichen Raumes nach dem Ersten Weltkrieg, in: Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte 25 (1974), S. 88–114; Hristo Andonovski. The Sèvres Treaty for Macedonia and the Macedonians, in: Macedonian Review 11 (1981). S. 274–278; A. L. Macfie. The Revision of the Treaty of Sèvres. The First Phase (August 1920–September 1922), in: Balkan Studies 24 (1983). S. 57–88.

внешнеполитической поддержке. В попытке добиться пересмотра Севрского мирного договора, заключенного в августе 1920 года, турки попытались интенсифицировать сотрудничество с большевистской Россией, исключенной из договоров, подписанных в парижских предместьях.

Во время как султанское правительство подписало Севрский договор, турецкие националисты из окружения Ататюрка отказались его признавать. Новое сотрудничество между будущими руководителями Турецкой республики и советской Россией нашло свое выражение в договоре о дружбе и братстве, заключенном в марте 1921 года, который, с точки зрения советского государства, был дополнен Рапальским договором, заключенным им с Германией в 1922 году. В данном случае система Парижских договоров была успешно подорвана ударом, нанесенным из периферии¹.

Добившись, наконец, в июле 1923 года в Лозанне ликвидации Севрского договора, предусматривавшего создание свободной Армении, Турецкой республике была возвращена соответствующая территория. Затем Турецкая республика силой подавила в 1925 году курдское повстанческое движение, а с 1927 года начала проводить массовое насильственное переселение курдов². Таким образом, Турция, создав собственное национальное государство и действуя насильственными методами, успешно вырвалась из системы договоров, заключенных в пригородах Парижа. Этот процесс мог бы послужить наглядным примером масштабов, которые принимали продиктованные этническими соображениями насилие и репрессии, от изгнания, насильственного переселения и размена населения — как, например, в начале 1920-х годов, когда 2,35 миллионов греков были изгнаны из Турции и в то же время 400000 мусульман — из Греции, в результате чего Северная Греция фактически обезлюдела — до массовой резни и возведения насилия в систему геноцида. Массовые убийства стали ответом на вопрос о путях решения проблемы этнической разнородности в только что созданном новом национальном государстве, подражавшем западным образцам. С другой стороны, успешное освобождение от порядка, созданного Парижскими мирными договорами, привело к тому, что Турция после 1927 года не предпринима-

ла дальнейших попыток пересмотра своих границ и, следовательно, осталась нейтральной во Второй мировой войне.

Продолжение войны с помощью идеалистического искусства государственного управления? Хрупкие многонациональные государства и неудовлетворительная защита прав меньшинств

Стратегия, которой политические деятели и дипломаты союзников руководствовались изначально, заключая в парижских предместьях договора с побежденными, была направлена на то, чтобы основывать на территории бывших многонациональных великих держав новые национальные государства и путем широких уступок территорий побежденными державами в пользу новых национальных государств создать новый стабильный государственный порядок. Наиболее масштабно эта стратегия была применена к Центральной, Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе, поскольку именно там были особенно ярко выражены многонациональные структуры и одновременно вследствие распада империй образовался вакуум политической власти и государственных форм. Наряду с воссозданием прежних государств и расширением их территорий были созданы и многочисленные совершенно новые государства. Так, в качестве новых, признанных в соответствии с международным правом, независимых государств возникли Финляндия, Эстония, Литва, Чехословакия и Югославия, созданная под главенством Сербии из территорий Словении, Хорватии, Сербии, Боснии-Герцеговины и Черногории¹.

Польша была воссоздана в качестве самостоятельного государства и расширена за счет присоединения территорий Польской Литвы, Вольни, Восточной Галиции, Западной Галиции, части Верхней Силезии, а также Познани и Западной Пруссии. Румыния получила Трансильванию, Бессарабию и небольшие территории, расположенные южнее Галиции. И, наконец, в августе 1921 года Албания была признана Италией в качестве самостоятельного государства. Эти масштабные территориальные уступки, которыми сопровождался распад многонациональных великих держав — монархии Габсбургов и Османской империи, — изменили политическую карту Европы зна-

¹ Keith Neilson. Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919–1939. Cambridge, 2006.

² Arthur Beederian. L'échec d'une percée internationale. Le mouvement national arménien (1914–1923), in: Relations Internationales (1982). S. 351–371; Richard G. Hovannisian. The Republic of Armenia, Bd. 3: From London to Sèvres, February – August 1920. Berkeley, 1996.

¹ James Evans. Great Britain and the Creation of Yugoslavia. Negotiating Balkan Nationality and Identity. London, 2008.

чительнее всех предыдущих мирных договоров европейской истории Нового Времени.

Однако в результате многочисленные проблемы национальных меньшинств так и остались нерешенными. Мало того, во многих случаях они только обострились. О договорах, заключенных в предместьях Парижа, особенно же о Версальском договоре, можно сказать, что связанные с ними большие ожидания не оправдались. После того, как иллюзии относительно возможности получить ожидаемое развеялись, наступило горькое разочарование. Казалось, что политики продолжают вести войну, хотя и другими средствами. Все эти структурные проблемы усугублялись масштабными передвижениями беженцев и мигрантов, начавшимися в конечной фазе войны. Только после Октябрьской революции в России из страны в одну только Германию бежало примерно 600000 человек. Решение многочисленных вопросов не в пользу проигравших — прежде всего, Германии, Австрии и Венгрии, а поначалу также Османской империи — в глазах многих современников подрывало веру в справедливость всего порядка, установленного в рамках мирных договоров. В результате возникли сразу две проблемы: оказалось невозможным распутать при помощи введенной Вудро Вильсоном формулы права наций на самоопределение сложные и частично не поддающиеся распутыванию этнические «гордиевы узлы», связанные с национальной чересполосицей. В то же время творцы Парижских договоров доверяли бывшим национальным меньшинствам (получившим теперь национально-государственную независимость) и ожидали от них успехов в деле создания стабильных во внешнеполитическом отношении государств с демократическим внутренним устройством.

Эти ожидания оказались иллюзорными, во всяком случае что касается большинства государств, возникших в Центральной и Юго-Восточной Европе в период между двумя мировыми войнами. Полной противоположностью нестабильным государственным образованиям типа Югославии оказался пример турецкого национального государства. Его пример наглядно продемонстрировал, что мотивированное этническими соображениями применение насилия — от переселения до систематического геноцида, включая запрограммированное массовое вымирание и массовые убийства, — могло оказаться успешным средством распутывания этнических «гордиевых узлов», в случае если государство обладает достаточным могуществом и может обеспечить свою внешнеполитическую безопасность. В случае Турции проявился еще и дополнительный фактор: она обладала давним историческим опытом обоснованного этническими и религиоз-

ными соображениями применения насилия, в особенности по отношению к армянам¹.

Парижские договоры оказались неспособными решить проблемы национальных меньшинств². Эти проблемы продолжали существовать не только в России, воссозданной в виде Советского Союза. Многие из созданных новых государств представляли собой отнюдь не однородные национальные, а разнородные многонациональные государства³. Поэтому начиная с 1919 года снова и снова затрагиваемая всеми политическими деятелями Германии проблема зарубежных немцев была отнюдь не исключением, а правилом, на многих территориях. Так, в небольшой итальянской провинции Венеции-Джулии проживало более 500000 словенцев. На примере Чехословакии особенно наглядно виден многонациональный характер этого нового государства: по состоянию на 1938 год его население составляло почти 15 миллионов человек, из которых 43 % составляли чехи, 22 % — словаки, 23 % — немцы, 5 % — венгры, 3 % — украинцы, 4 % — евреи. Таким образом, проблема, вызвавшая наряду с другими проблемами в 1914 году войну, вовсе не исчезла, ее решение было в лучшем случае отсрочено. Следовательно, лейтмотив национального гнета, угнетенной национальности, известный еще со времен итальянского «ирредентизма», не исчез из политического дискурса, а наоборот, только обострился. Так, и Густав Штресман в 1925 году упоминал в письме германскому кронпринцу, что «от десяти до двенадцати миллионов наших соплеменников ?...? проживают ныне под чужеземным игмом в чужих странах»⁴.

Следовательно, ликвидация двух из трех континентальных великих империй — монархии Габсбургов и Османской империи — привела не к решению проблемы национальностей, но к ее многократному обострению, в результате переноса данной проблемы с уровня империй на уровень новых многонациональных государств. Однако здесь мы уже имеем дело с обретшими радикальный характер представлениями титульной нации о собственной национальной исклю-

¹ Leonhard, *Büchse der Pandora*. S. 964.

² James J. Sheehan. *The Problem of Sovereignty in European History*, American Historical Society Presidential Address 2005, in: *The American Historical Review* 111 (2006). S. 1–15.

³ Dieter Langewiesche. *Reich, Nation, Föderation. Deutschland und Europa*. München, 2008. S. 97.

⁴ Horst Möller. *Europa zwischen den Weltkriegen*. München, 1998. S. 35; Paul Lendvai. *Sprengstoff im gemeinsamen Haus. Nationalitätenkonflikte in Osteuropa*, in: *Europäische Rundschau* 2 (1991). S. 17; Hagen Schulze. *Staat und Nation in der europäischen Geschichte*. München, 1994, S. 294–295.

чительности, что совершенно исключает создание конфедеративных структур, *Commonwealth* (содружества, обеспечивающего общее благо. — *Примеч. перев.*) проживающих в одном государстве народов или хотя бы эффективную защиту национальных меньшинств. Миграция в другие страны, как в XIX веке, больше не являлась выходом из положения, поскольку Соединенные Штаты после 1918 года значительно ограничили трансатлантический экспорт человеческих ресурсов, представлявший собой классическое европейское средство обращения с изгнанными. В результате возник новый массовый феномен — лица без гражданства, которые до введения в 1922 году «нансеновского паспорта» — документа, удостоверяющего личность не имевших гражданства беженцев и эмигрантов, по настоянию комиссара Лиги Наций по делам беженцев Фритъофа Нансена, жили безо всякой защиты закона, изгнанные со своих прежних мест проживания, не пользующие гостеприимством и не признанные там, куда вынуждены были переселиться.

Хотя союзные державы-победительницы обсуждали в 1919 году вопрос обеспечения всеобъемлющей защиты всех меньшинств, включая их гражданское равноправие, право на свободу отправления религиозного культа, культурную автономию и, соответственно, использование и изучение родного языка, они в конечном итоге отказались от ее реализации, как могущей иметь необозримые последствия для унаследованной от XIX века идеи и практики государственного суверенитета. Защита меньшинств вошла лишь в отдельные мирные договора или двусторонние соглашения, и в Уставе Лиги Наций она, как таковая, особо оговорена не была. Вследствие этого возникли пространства для применения новых форм этнически мотивированного насилия.

Влиятельный британский дипломат и политический деятель Джеймс Хедлэм-Морли заметил по этому поводу в своих воспоминаниях о переговорах в Париже в 1919 году: «Первоначально, если мне не изменяет память, было предложено ввести в Устав Лиги Наций нечто вроде общей оговорки, дающей ей право защищать меньшинства в странах — членах Лиги. Я всеми силами противился данному намерению, [...] ведь его осуществление означало бы право вмешательства во внутренние дела других государств. Лига Наций была бы авторизована защищать китайцев в Ливерпуле, протестантов во Франции, французов в Канаде, не говоря уже о гораздо более серьезных проблемах, которые ей пришлось бы решать, например, в Ирландии. Полагаю, это мнение почти не встретило ничьих серьезных возражений, не считая, возможно, негосударственных организаций, желавших видеть в Лиге Наций некое сверхгосударство, спо-

собное стоять повсюду в мире на защите демократии и свободы. [...] Я же придерживался позиции, что каждое из предоставленных Лиге Наций прав должно быть четко обрисовано и, кроме того, основываться на особых договорах, имеющих своим предметом совершенно определенные исключительные случаи. Такое право можно представить себе разве что в отношении новых или незрелых государств в Восточной Европе или в Западной Азии. Даже если в других местах будут иметь место несправедливость и угнетение, это все-таки лучше, чем создание норматива, сводящего на нет суверенитет любого государства в мире»¹.

С учетом опыта участия в европейской мирной конференции американский президент Вильсон, явно утративший свои иллюзии, возвратившись в Соединенные Штаты, заявил американскому сенату: «Когда я произносил эти слова («что все народы обладают правом на самоопределение»), то делал это, не зная о существовании всех тех национальностей, представители которых приходят к нам день за днем. [...] Вы не знаете и не можете себе представить, какой страх мне пришлось пережить, ибо многие миллионы людей питали надежды на основании того, что я сказал»². Утрата Вильсоном иллюзий была отражением опыта его ознакомления со сложными случаями этнической чересполосицы в восточной и юго-восточной части Европейского континента, значение которых было недооценено политиками — творцами Парижских мирных договоров, — поскольку они не укладывались в рамки формулы «национального самоопределения». Непоследовательное и противоречивое на практике использование права народов на самоопределение усугубляло эту проблему. Из территориальной массы, унаследованной от европейских континентальных империй, возникли не однородные национальные, а сложные по этническому составу многонациональные государства, чья внутренняя и внешняя стабильность в существенной степени зависела от их отношения к своим меньшинствам, в чем можно убедиться на примере сложных отношений лояльности к власти в Чехословацкой республике периода между двумя мировыми войнами³. Вместо этого перманентно развивался потенциал насилия, кото-

¹ Цит. по: Mark Mazower, *Der dunkle Kontinent. Europa im 20. Jahrhundert*. Berlin, 2000. S. 92; Patrick O. Cohrs. *The Unfinished Peace After World War I. America, Britain and the Stabilisation of Europe, 1919–1932*. Cambridge, 2006.

² Цит. по: Manela. *The Wilsonian Moment*. S. 215.

³ Martin Schulze Wessel (Hg.). *Loyalitäten in der Tschechoslowakischen Republik 1918–1938. Politische, nationale und kulturelle Zugehörigkeiten*. München, 2004.

рый мог быть в любое время мобилизован извне. Его развитие шло рука об руку с разработкой сценариев агрессивной интервенции¹.

«Ипотеки» мира: время ожиданий и утрата иллюзий

Результатом Парижских мирных переговоров стал сложный компромисс – и это следует особо подчеркнуть – между разочарованными победителями, а не между победителями и побежденными. В конечном итоге, он не удовлетворил ни тех, кто выиграл войну, ни тех, кто ее проиграл. Историки с полным основанием подчеркивали, что, по сравнению с другими мирными договорами, имевшими историческое значение, с учетом необозримого количества нуждавшихся в слове отживших представлений и нуждавшихся в ответе новых вызовов, попытка установления всеобщего мира была сама по себе великим достижением. В исторической перспективе Парижские договоры, заключенные после 1918 года, стали завершением великой эпохи мирных договоров, при заключении которых решающую роль играли европейские дипломаты. В отличие от Меттерниха, Талейрана и Гарденберга в 1815, или от Бисмарка, Дизраэли и Горчакова в 1878 году, политические игроки после 1918 года уже не действовали в качестве изолированной элиты под покровом дипломатической тайны. Вильсон, Клемансо и Ллойд-Джордж, но также германская, австрийская, венгерская, турецкая и итальянская делегации должны были сообщить результаты переговоров общественности своих стран. Это превратило выборы после 1918 года в квазиплебисциты, в ходе которых в ожиданиях и позициях современников война продолжалась и после заключения мира. Сказанное относится в первую очередь к тем обществам, для коллективного сознания которых было характерно представление, что их лишили плодов победы или, во всяком случае, справедливого мира. В результате возник латентный как внешнеполитический, так и внутривнутриполитический беллицизм (беллицизм (*фр.* Bellicisme) – идея о том, что война благородна, и может быть очищающей. – *Примеч. перев.*), нашедший свое отражение в разработке сценариев насильственных действий – от гражданской войны, террора в отношении мнимых изменников, интервенции, попытках окружить и уничтожить внутренних врагов, до идеологически, а впоследствии – расистски обоснованных экспансионистских войн на уничтожение².

¹ A. Lentin. Decline and Fall of the Versailles Settlement, in: *Diplomacy & Statecraft* 4 (1993). S. 358–375.

² Jörn Leonhard. *Bellizismus und Nation. Kriegsdeutung und Nationsbestimmung in Europa und den Vereinigten Staaten 1750–1914*. München, 2008. S. 835–836.

Однако лейтмотивом во всех случаях оставалась поначалу необходимость освобождения угнетенных национальностей и, таким образом, пересмотра Парижских договоров. Латентное насилие, мышление в парадигмах войны были наследием недостаточного преодоления последствий войны в 1918 году. Однако глубина пропасти между идеалистическим искусством государственного управления и обещаниями коллективной безопасности, с одной стороны, и развязанным в реальности этническим насилием, с другой, выливалась в следующую дилемму. Апелляция к нации и принцип национального самоопределения провоцировали в эпоху политидеологических массовых рынков определенные коллективные ожидания, все более и более ограничивавшие пространство для политических маневров. В то время как динамично развивались представления о возможностях действия и росли связанные с этим ожидания, вследствие сложности практической реализации этих представлений и ожиданий, сужалось пространство для эффективных политических действий. Тотальное и идеологически узаконенное насилие в области внутренней и внешней политики стало представляться возможным и допустимым путем к преодолению данного патового соотношения сил. Наглядным примером этой дилеммы и подъемом насилия в качестве ответа на нее послужили мирные договоры, заключенные после 1918 года, и их последствия.

По сравнению с другими послевоенными режимами, ставшими результатом окончания Семилетней войны в 1763 году или результатом договоров в 1815, 1871 и 1945 годах, – установленный в 1919 году послевоенный порядок оказался самым непродолжительным. Парижские договоры привели к ликвидации господства пентархии великих держав. Германская империя и Россия были первоначально исключены из нового послевоенного порядка. Монархия Габсбургов была ликвидирована. Франция и Великобритания могли считаться державами, одержавшими весьма сомнительную победу, поскольку обе страны были крайне истощены в экономическом и демографическом отношении. Только Франция безоговорочно поддерживала договор, в то время как США, очень рано устранившиеся, выпали в качестве сильного политического партнера. В конгрессе этой страны образовалась внутривнутриполитическая оппозиция под руководством сенатора Генри Кабота Лоджа, ссылавшаяся на традиции изоляционизма, которых США придерживались начиная с XVIII века, и задававшая полемический вопрос, стоит ли использовать собственных солдат для защиты интересов иностранных держав. Сам Лодж, впрочем, выступал скорее за необходимость нового, уточненного определения баланса сил, настаивая на участии Конгресса в приня-

тии решений о выполнении американскими войсками миссии за рубежом. Дело дошло до конфронтации только после того, как Вильсон отклонил любые попытки внести в договор изменения. Вильсон возвратился в США и объездил всю страну, проделав за три недели путь протяженностью более чем в 10 000 миль, чтобы произнести более 40 речей, пытаясь мобилизовать массы на поддержку договора. Вместо того чтобы попытаться найти возможность компромисса, он, склонный к догматическому мышлению, сузил свободу маневра для соответствующих переговоров. У Вильсона случился инсульт, но консультанты из его окружения скрыли заболевание президента от общественности. Однако после инсульта возможность Вильсона участвовать в политических дискуссиях стала крайне ограниченной. Сенат отказался ратифицировать договор, поэтому США пришлось в 1921 году заключить отдельные договоры с Германией, Австрией и Венгрией¹.

Таким образом, по сравнению с мирным порядком 1815 года, многие участники были ущемлены, исключены или вообще больше не существовали. Вопреки критическому восприятию Версальского договора в Германии, позиция последней была относительно укреплена результатами мира. Что касается роли России и монархии Габсбургов как самостоятельных актеров на международной арене, то первая была надолго выведена из игры, а вторая распалась. К тому же, если сравнивать ситуацию с ситуацией 1815 года, Германия на этот раз не была ослаблена государственно-правовой конструкцией Германского Союза. В 1919 году ее политическое и экономическое единство как государства не было поставлено под вопрос, и, несмотря на поражение в войне, она осталась в числе решающих игроков на Европейском континенте.

Слабым местом договоров, заключенных в предместьях Парижа, было заложенное в них принципиальное представление, что эти договоры будут признаны как таковые всеми государствами. Однако Турция и Китай сразу же поставили их под вопрос. Германия и Венгрия проявили готовность ратифицировать эти договоры лишь под массивным давлением, после чего сосредоточили усилия на их пересмотр в будущем. Когда же 10 января 1920 года Версальский договор вступил, наконец, в силу, сразу же возникли сомнения в том, будет ли он одобрен Америкой. Именно политическое уклонение Соединенных Штатов в немалой степени повредило делу легитима-

ции всего комплекса Парижских договоров. Дело дополнительно осложнили конфликты между остальными победителями: в то время как США перестала играть политическую роль, итальянское руководство преследовало свои собственные национальные цели, почти не проявляя интереса ни к каким другим вопросам. С другой стороны, Франция и Великобритания оказались вовлеченными во всякого рода конфликты, связанные с самыми разными вопросами — от судьбы германских подводных лодок, реализации положений договора в Силезии и в Турции до вопроса уплаты репараций Россией. В результате возникла целая культура повсеместной временности и нестабильности. О конкретном претворении в жизнь мирного договора и его положений делегации думали мало, особенно с учетом того обстоятельства, что значительная часть населения многих стран — таких как Германия, Венгрия, Польша, Турция, категорически отвергали результаты мирных договоров. Очень скоро выяснилось, что гарантировать мир будет так же трудно, как и добиться победы в войне¹.

Так временный характер комплекса мирных договоров начал во все большей степени становиться его наиболее характерной особенностью. Маршал Фош признал, что речь идет не о мире, а в лучшем случае, о перемирии на 20 ближайших лет. Хотя неизбежность новой войны ни в коем случае не была предопределена нарастающим с 1914 года насилием, после заключенных в предместьях Парижа договоров остались неурегулированными многие проблемы и ни в коей мере не были ликвидированы причины, приведшие к войне в 1914 году. Это стало совершенно очевидным, в особенности в области проблем, связанных с меньшинствами новых национальных государств Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы. О каком-то стабильном порядке, обеспечивающем коллективную безопасность при помощи санкций, применяемых к агрессору, не могло быть и речи. Опыт тотальной войны несколько не повлиял на представление о войне как вполне законном политическом средстве. В конце концов, даже Ллойд Джорджу и Клемансо пришлось согласиться с тем, что мирные договоры не смогли стать завершением усилий, направленных на обеспечение мира, но лишь ознаменовали собой начало пути к гарантированному, надежному миру. Однако для них оставалось совершенно неясным, во что эти договоры будут превращены политическими деятелями, которые придут им на смену. Сравнивая Парижскую мирную конференцию 1919 года с Венским конгрессом

¹ Jennifer D. Keene. The United States, in: Horne (Hg.). A Companion to World War I. S. 508–523, hier: S. 519–520.

¹ Sally Marks. The Illusion of Peace. International Relations in Europe, 1918–1933. Basingstoke, 2003. S. 27–28.

1814–1815 годов, он пришел к следующему выводу: «Тогда было необходимо урегулировать проблемы Европы. На это потребовалось одиннадцать месяцев. Но проблемы, решавшиеся на Венском Конгрессе, кажутся смешными по сравнению с проблемами, которые нам приходилось решать на Парижской конференции. Речь шла уже не об одном отдельно взятом континенте, а о проблемах, затрагивавших каждый континент»¹.

Наследием войны стала также и напряженность между национализмом и интернационализмом². После начала войны все европейские воюющие государства, стремясь приобрести союзников, сделали ставку на принцип нации и национального государства. Во всех этих случаях государства и национальности, вовлекаемые в войну как союзники, в качестве условия своего вступления в войну выдвигали территориальные требования³, что порождало появление противоречивых и противоположных ожиданий на получение территориальных компенсаций за участие в войне, которые после ее окончания уже никак нельзя было обойти. Так в ходе Первой мировой войны возникли не только социальные и политические надежды многих государств на вознаграждение за свое участие, но и более далеко идущие национально-политические ожидания в масштабах многонациональных империй. Именно этим объяснялись деятельность Томаша Масарика в лондонской эмиграции, поддержка Германией украинских и финских националистов, конкуренция Германии и России в борьбе за получение поддержки от поляков в ответ на обещанную полякам широкую национальную автономию, поддержка Лондоном и Парижем палестинских и арабских освободительных движений, боровшихся против Османской империи, но также и страх британцев перед османской стратегией взбунтовать индийцев против британского владычества⁴.

После войны была претворена в жизнь модель этнически-национального государства, хотя в большинстве затронутых войной областей оказалось невозможным провести четкие этнические гра-

ницы. В результате возникли сложные проблемы, связанные с меньшинствами. В первую очередь это относилось к немецкоязычным меньшинствам в государствах Восточной и Центральной Европы, превратившимся начиная с 1920-х годов в решающий фактор внешней политики Германии и ее усилий, направленных на пересмотр Версальской системы. Основание в Восточной и Центральной Европе новых государств опиралось на вильсоновскую предпосылку права народов на самоопределение, но в то же время в этих новых государствах существовали большие этнические группы, не причислявшие себя к титульной нации новых государств или же, наоборот, не считавшиеся этой титульной нацией своей частью. Таким образом, все более явная этнизация идеи государственности сопровождалась недостаточной защитой прав меньшинств, ибо новые национальные государства рассматривали касавшиеся защиты прав меньшинств оговорки договоров, заключенных в парижских предместьях, как неприемлемые попытки покушения на свой только что вновь обретенный суверенитет.

Мирный порядок под лозунгом обеспечения права наций на самоопределения и демократии, с которой Вильсон связывал так много надежд, оказался очень хрупким. Национальное государство не стало участником системы коллективной безопасности, Интернационал Сохранения Мира остался химерой. В качестве форума политики безопасности Лига Наций потерпела неудачу, поскольку она ни разу за всю свою историю не смогла выступить в качестве применяющего санкции противовеса к исходящим от национальных государств агрессии или попыткам взять реванш. Отказав поначалу в приеме побежденным государствам, Лига прямо-таки провоцировала проведение политики, направленной на ревизию итогов войны, в иных формах. Но осталась нереализованной и другая международная, интернационалистическая утопия. Созданный после войны Коммунистический Интернационал возник не в качестве стабилизирующего учреждения международной классовой солидарности, а в качестве орудия идеологической поляризации общества в европейских странах и во всемирном масштабе. Тем не менее невозможно не заметить импульс войны по интернационализации проблем. Сказанное относится, например, к проблеме беженцев и военнопленных, их реинтеграции и репатриации. В Восточной Европе в 1918 году более миллиона военнопленных столкнулись с тем фактом, что их родное государство попросту больше не существует, а возникшие на его месте новые государства-преемники не желали или были не в состоянии позаботиться об их освобождении и репатриации. Эти вопросы выходили за пределы границ новых национальных государств, так что деятельность Лиги

¹ Zitiert nach: Sharp. The Versailles Settlement. S. 205.

² Leonhard. Büchse der Pandora. S. 1009–1012.

³ Michael E. Esch Zur historischen Verortung von „ethnischer Säuberung“ und Völkermord, in: Mathias Beer, Dietrich Beyrau und Cornelia Rauh (Hg.), *Deutschsein als Grenzerfahrung. Min-derheitenpolitik in Europa zwischen 1914 und 1950*. Essen, 2009. S. 15–34, hier: S. 27–28.

⁴ Jörn Leonhard. Wie legitimieren sich multiethnische Empires im langen 19. Jahrhundert?, in: Herfried Münkler und Eva Marlene Hausteiner (Hg.), *Die Legitimation von Imperien. Strategien und Motive im 19. und 20. Jahrhundert*, Frankfurt/Main, 2012. S. 70–93.

Наций и других международных организаций — например, Красного Креста — осуществлялась именно в данном контексте¹.

Однако гораздо важнее осознания того, что последствия войны могут быть преодолены только путем интернационального, международного сотрудничества, было нечто иное, а именно — утопическое измерение интернационализма как окончательного средства покончить с войной. Анри Барбюс, автор беспощадной книги о войне “Le feu” (Огонь), подчеркивал в 1918 году: «Человечество вместо нации. В 1789 году революционеры провозгласили: “Все французы равны.” Мы говорим: “Все люди!” Равенство требует общих правил для всех людей на земле»². Эта фраза, эта надежда на то, что мировая война со всеми своими чудовищными жертвами, была не напрасной, поскольку она создала новый внутренний мировой порядок, в принципе не утратила своей нормативной претензии до сего дня.

Однако никто не возьмется утверждать, что человечество, несмотря на все приращение населения, действительно стало субъектом действий. Фундаментальным опытом XX века была доказана беспочвенность надежд, возлагавшихся повсюду в мире на то, что может быть «война, которая покончит со всеми войнами». Превращение прежней плюралистической, направленной на создание новых государств внешней политики в новую, «мировую, всемирную внутреннюю политику» свидетельствует о том, что проблемы оказались перенесенными на иной уровень, но все еще не решенными. Там, где в прошедшие эпохи велись войны между государствами, сегодня развязываются все новые гражданские войны. Это по сей день не означает прекращение насилия. Совсем наоборот.

II. ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ «ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ»

¹ Leonhard. Büchse der Pandora. S. 1010–1011. Henri Barbusse, Der Schimmer im Abgrund. Ein Manifest an alle Denkenden, dt. Ausgabe von Iwan Goll, Basel o.J. S. 60.

² Henri Barbusse. Der Schimmer im Abgrund. Ein Manifest an alle Denkenden, dt. Ausgabe von Iwan Goll, Basel o.J. S. 60.

Дитрих БАЙРАУ

НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЗАХВАТНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ? ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ.

Захватническая война

Первая мировая война во всеобщем представлении, как и гражданская война в Америке, считается тотальной войной, хотя Эрх Людendorфф и ввёл это понятие в широкий оборот уже после Первой мировой войны, говоря о войнах будущего¹. Вторая мировая война на самом деле стала в высшей степени «тотальной войной» в отношении ведения военных действий, масштаба разрушений и своих целей. Особенность Первой мировой войны заключалась в механике её начала — в автоматическом характере планов мобилизации — и в неясности целей войны. Эти цели были, по сути, сформулированы лишь по ходу боевых действий, будучи закреплёнными в договорах между государствами Антанты и в Брест-Литовском мирном договоре между державами центральной Европы, Советской Россией и Украиной².

С самого начала войны власти утратили контроль над её ходом. Хотя уже в 1914 году стало ясно, что дело не обойдётся быстрыми победами, никто не смог найти выхода из возникшей ситуации, да и не искал его. Этим частично объясняется асимметрия между жертвами и материальными потерями, с одной стороны, и сравнительно скром-

¹ Manfred F. Boemeke; Roger Chickering; Stig Förster (Hg.), *Anticipating Total War. The German and American Experiences, 1871–1914*, Cambridge/Mass. 1999; Thomas Kühne, Benjamin Ziemann (Hg.), *Was ist Militärgeschichte?*, Paderborn u. a., 2000.

² В отношении истории Первой мировой войны в общих чертах и в деталях см.: Gerhard Hirschfeld (Hg.), *Enzyklopädie Erster Weltkrieg*, Paderborn u. a. 2009; John Horne (ed.), *A Companion to World War I*, Oxford 2010; Oliver Janz, *Der Erste Weltkrieg in globaler Perspektive*, Göttingen 2014. Отдельно в отношении Восточной Европы см.: Bernhard Bachinger, Wolfram Dornik (Hg.), *Jenseits des Schützengrabens. Der Erste Weltkrieg im Osten: Erfahrung, Wahrnehmung, Kontext*, Wien u. a., 2013; Manfred Sapper, Volker Weichsel (Hg.), *Totentanz. Der Erste Weltkrieg im Osten Europas*, в: *Osteuropa* 64, 2014, Heft 2–4.

ными результатами войны, с другой, в том случае если мы сравним между собой Первую и Вторую мировые.

С российской, германской и, прежде всего, итальянской стороны речь шла о территориальных завоеваниях или о претензиях на контроль: Германия предъявляла претензии на Бельгию, а на Востоке Европы помимо возможного переноса границ империи на восток намечалась возможность утверждения системы косвенного правления путём создания зависимых национальных государств. В этой системе в качестве младшего партнёра получила бы свою долю и Австро-Венгрия. Российская сторона также рассматривала варианты территориальных приобретений в западном направлении, и война должна была, наконец, помочь осуществлению многовековой цели установления контроля над Стамбулом — тогда всё ещё Константинополем — и проливом Босфор. Если отвлечься от территориальных претензий Италии и требований Франции в отношении Эльзас-Лотарингии, западные державы и в первую очередь Великобритания стремились к расширению масштабов и углублению колониального господства на Ближнем Востоке и к победе над Османской империей.

По поведению Германии и других западных держав можно проследить радикализацию целей по ходу войны, о чём говорит уже одно только разрушение целого государства — Османской империи. Здесь, как и позже в случае с Габсбургской монархией, можно было использовать напряжённые отношения между представителями различных национальностей. То же самое происходило на стороне Центральных держав в отношении Российской империи. Однако один из самых драматичных всплесков радикализации произошёл в Османской империи, где систематическому уничтожению подверглись армяне, считавшиеся «пятой колонной» России и Запада.

Несмотря на поступательную радикализацию дискуссий о целях войны и их практическом воплощении в конкретных планах, как минимум на европейском континенте, сохраняется разрыв между количеством жертв, с одной стороны, и вполне скромными целями войны, с другой. Оценки количества убитых на войне и умерших от ран военнослужащих основных стран-участниц составляют от более чем 700 000 человек в Османской империи до 1,8 миллиона в Германии. По отношению к общей численности населения самые большие потери понесла Сербия. Сравнительно легко отделались Япония и США. Ещё надо учесть и миллионы военнопленных — более чем 2 миллиона из Австро-Венгрии и России, а также более 400 000 французов и более 600 000 немцев. Ближе к концу войны к этому добавились сотни тысяч гражданских жертв вследствие недоедания и эпидемий на континенте.

«Работа» фабрики смерти на фронтах имела последствия для политической морали как в самих фронтовых окопах, так и среди элит воюющих держав, переставших воспринимать массовые убийства ради нескольких квадратных километров территории как нечто предосудительное. Так, о Дугласе Хэйге, командующем британским экспедиционным корпусом во Франции, говорили, что он оценивал значение битвы по количеству убитых. Военные действия со стороны Германии отличались разнообразными нарушениями действовавших ранее правил ведения войны: нападение на Бельгию и, соответственно, нарушение признанного до этого момента нейтралитета Бельгии, резня и беспощадная оккупационная политика в Бельгии, газовая война на восточном фронте, нападение подводных лодок, в том числе и на гражданские транспортные суда, резня в Калише (1914) и у Миусского лимана против красноармейцев (1918) и не в последнюю очередь использование принудительного труда (гражданского) населения прежде всего в Бельгии и на территории Курляндии и Литвы.

Использование труда военнопленных и насильственное привлечение к труду гражданских лиц, как и экономическая эксплуатация занятых территорий, оправдывались блокадой со стороны Англии. Подводная и газовая война были частью спирали насилия, связанной с превосходством сил противников Германии. Австро-Венгрия и Россия также использовали принудительный труд военнопленных. Печальную известность приобрело строительство мурманской железной дороги, где в ужасных условиях нашли смерть тысячи военнопленных: смертность в российских лагерях была вообще чрезвычайно высокой — как правило, вследствие перегруженности местных властей и бюрократического разгильдяйства и коррупции¹. В то время как российская армия в короткий период оккупации Восточной Пруссии — вопреки тем ужасам, которые рисовала германская пропаганда, — вела себя сравнительно корректно, в западных областях царской империи уже проявились те принципы политики обращения с местным населением, которые ранее практиковались в первую очередь на Северном Кавказе. Объектами дискриминации, а зачастую и депортации или высылки с 1914 года в первую очередь стали немецкие меньшинства, а также евреи, которые все как один подозревались в дружеских чувствах к немцам и в шпионаже в пользу Германии. К этому добавлялось поведение российских войск и российских военнослужащих. Для большинства из них западные области — со-

¹ Jochen Oltmer (Hg.), *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges*. Paderborn u. a., 2006; Reinhard Nachtigall, *Die Murmanbahn, 1915 bis 1919; Kriegsnotwendigkeit oder Wirtschaftsinteressen*. Remshalden, 2007 (2. Aufl.).

гласно сегодняшней терминологии Польша, Белоруссия и Западная Украина — представляли собой чужие оккупированные территории, вследствие чего они и вели себя соответствующим образом. Здесь объектами унижения и разграбления опять же в первую очередь стали евреи.

Шок и деморализация, вызванные войной, были связаны и с тем, что после наполеоновских войн в Европе велись только региональные, «справедливые» войны. Крымская война была войной с целью захвата вполне определенной территории на окраине Европы, что, конечно, не оправдывает цинизма тех, кто развязал эту войну. Объединительные войны Италии и Германии продолжались сравнительно недолго. Балканские войны воспринимались как некая экзотика. Правда, в головах политиков и стратегов уже роились связанные с именем Клаузевица тезисы о национальной войне и о войне на уничтожение, однако, «уничтожение» подразумевало не государства и группы населения, а вражеские армии. Правда, в публицистических дебатах уже можно наблюдать многочисленные случаи стирания границ. Заслуга Фрица Фишера, собственно, в том и состоит, что он восстановил в памяти эти гарниции со стороны Германии¹.

Первая мировая война окончательно показала, что «справедливая» война, ограничивающаяся битвами войск, не что иное, как иллюзия. Индустриализованное ведение военных действий вовлекало в происходящее население и военнопленных в качестве «производственного фактора» в гораздо большей мере, чем это имело место в период до- и раннеиндустриальных войн. Война оставила на севере Франции и в восточных регионах военных действий огромные опустошения. Затронутые войной прибалтийские территории лишились трети своего населения из-за бегства и эвакуации; аналогичным образом складывалась ситуация в других боевых зонах на Востоке. В российском тылу пришлось разместить и кормить миллионы беженцев и депортированных жителей.

Хотя европейский континент до 1914 года и не был объектом захватнических войн, публицистика и политические элиты, разумеется, знали о войнах, в которых игнорировались правила европейского военного права. Это имело место, прежде всего, в колониальных войнах, которые, в особенности в Африке, всегда преследовали также и цель трансформирования общества в интересах колонизаторов. Сравнительно минимальному использованию ресурсов, войск, оснащения и денежных средств на европейской стороне там, как правило,

¹ Fritz Fischer, *Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914–1918*. Düsseldorf, 1961.

противостояла «тотальная» мобилизация коренного населения, поскольку оно по праву видело угрозу своему существованию. Кроме этого, оно ещё не знало разделения между населением и специализированными вооружёнными формированиями. Соответственно и последствия их завоевания отличались необычайной жестокостью. Классическим примером стало восстание племени гереро в Юго-Западной Африке и германская политика порабощения. До сих пор продолжают споры о том, оказал ли тогдашний опыт — и если да, то в каком объёме — влияние на развитие германской милитаристской культуры «абсолютного разрушения» или даже наложил на неё свой решающий отпечаток¹.

Правда, элементы политики, нацеленной на «абсолютное разрушение», проявились в Первую мировую войну в практике ведения войны не столько со стороны Германии, сколько со стороны Османской империи, существование которой само находилось под угрозой, а также и со стороны России. Обе империи имели за своими плечами сто лет проведения политики народонаселения и “demographic warfare” (демографической войны) на приграничных территориях, вокруг которых шёл их спор — на территории Северного Кавказа, а также бывшего Крымского ханства и Балканского полуострова. Российские завоевания XVIII и XIX веков почти всегда означали завоевание власти над затронутыми оседлыми или кочевыми народами и их «истончение» посредством более или менее добровольного переселения и эмиграции. За этим следовало заселение восточнославянскими или иными европейскими переселенцами, а часто также и казаками.

В отличие от войн того времени в Европе (в том числе и с российской стороны) войны на восточных и юго-восточных периферийных территориях Российской империи всегда были связаны с переселением, выселением и расселением. В числе знаменательных, однако привлёкших к себе в Европе мало внимания, событий — вытеснение и волны эмиграции черкесов в 1860-е годы и эмиграции крымских татар. До революции их доля в населении Крыма в конечном итоге снизилась до 25 %. Полное или частичное бегство и изгнание мусульман и турок из вновь возникших балканских государств также почти не

¹ Isabel Hull, *Absolute Destruction: Military Culture and Practices of War in Imperial Germany*. Ithaca, 2005. К этому см. Michael Hochgeschwender, *Kolonialkriege als Experimentierfeld des Vernichtungskrieges?* в: Dietrich Beyrau, Michael Hochgeschwender, Dieter Langewiesche (Hg.), *Formen des Krieges. Von der Antike bis zur Gegenwart*. Paderborn, 2007, 269–290; по теме релятивизации фиксации на нарушениях правил ведения войны и бесчинствах со стороны Германии см.: Alan Kramer, *Dynamics of Destruction. Culture and Mass Killing in the First World War*. Oxford, 2007.

привлекло к себе внимания европейской общественности. Всеобщий интерес вызывали скорее происходившие в этих войнах массовые расправы над населением, предшественники этнических чисток, в последний раз до Первой мировой войны применявшихся в балканских войнах 1912 и 1913 годов. Османская империя со времен кавказских и балканских войн служила прибежищем для всех изгнанных и спасшихся бегством мусульман. Геноцид армян представлял собой радикальный вариант «демографической войны»¹.

Наследие войны

В отличие от «демографической войны» в османо-русской «зоне сотрясений» между понтийскими территориями и Балканами элиты, ответственные за развязывание Первой мировой войны, среди целей войны пока ещё не имели в виду этнические чистки или тем более геноцид. Речь скорее шла о зонах влияния и приобретении территорий. Российская и в ещё большей степени Османская империя, однако, с самого начала прибегали к этнической дискриминации и депортациям вплоть до геноцида армян в Османской империи. К концу войны стало ясно, что территориальные изменения и возникновение новых национальных государств на развалинах старых империй провоцируют межэтнические конфликты. Во всяком случае, державы Антанты — не в последнюю очередь под влиянием еврейских лоббистских объединений — сочли необходимым обязать новые государства Восточной и Центральной Европы — но не Германию(!) — подписать договоры о защите прав национальных меньшинств. Вначале в первую очередь британские политики в ходе мирных переговоров между Османской империей, а потом вновь возникшей Турцией и Грецией, а также Болгарией настаивали на обмене населением. В результате поражения Греции и так уже началось изгнание греков и христиан из Анатолии, санкционированное и далее форсированное в результате заключения в 1923 году Лозаннского мирного договора. Болгария и Греция уже до этого (в 1919 г.) были вынуждены согласиться с навязанным им обменом населением.

¹ Размышления последнего раздела в основном следуют Dietrich Beyrau, Grenzen, Politik und Herrschaftswchsel: Ein Vergleich, B: Georg Schild, Anton Schindling (Hg.), Kriegserfahrungen — Krieg und Gesellschaft in der Neuzeit. Neue Horizonte der Forschung, Paderborn, 2009. S. 231–272, 240–41. Относительно апологетики по поводу геноцида армян см.: Sean MacMeekin, The Russian Origins of the First World War. Cambridge; Mass, 2013

В отличие от заключающихся прежде мирных договоров, включавших в себя территориальные изменения, теперь почти во всех случаях изменение границ и образование нового государства в большей или меньшей степени было связано с недобровольной миграцией. В Эльзас-Лотарингии население было разделено на категории и так называемые «старые немцы» (Altdeutsche), переселившиеся туда после 1871 года, а таких было около 150000, были вынуждены уехать. Больше всех не повезло территориально сократившейся по Трианонскому договору Венгрии, которой пришлось принять у себя 425000 беженцев из Румынии, Югославии и Словакии. На территориях, которые Германская империя уступила Польше, население должно было «выбирать», т. е. под более или менее мягким давлением территории подверглись «дегерманизации» и «реполонизации», а поляки покинули оставшуюся немецкой часть Верхней Силезии. Несмотря на закреплённое в документах Лиги Наций обязательство защищать права национальных меньшинств, политика всех государств по отношению к многочисленным меньшинствам стремилась к этнической гомогенизации, зная по собственному опыту, как национальная проблема могла быть использована в качестве инструмента в войне. Это обстоятельство стало существенным фактором, способствовавшим националистической радикализации и фашизации в первую очередь в побеждённых государствах¹.

Даже если в начале войны такая цель и не ставилась, Первая мировая война положила начало процессу этнической гомогенизации в старых и новых государствах, который Лиге Наций лишь условно удалось обуздать и направить в гуманное русло. Во Второй мировой войне этническая гомогенизация была продолжена сначала нацистской Германией и Советским Союзом, а потом державами-победительницами посредством систематических, в большинстве своём насильственных, переселений и выселений. Кроме того, эти меры в различной степени были связаны с принципиальной трансформацией общества — массовыми убийствами евреев, установлением организованного согласно расистским критериям правления немцев на континенте и насаждением социализма в зоне советского влияния. В количественном отношении наиболее радикальными были «хирургические вмешательства» на востоке Европы, превратившей-

¹ Philipp Ther; Holm Sundhaussen (Hg.), Nationalitätenkonflikte im 20. Jahrhundert. Ursachen von interethnischer Gewalt im Vergleich (=Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte, Bd. 59). Wiesbaden, 2001; Philipp Ther, Die dunkle Seite der Nationalstaaten. Ethnische Säuberungen im modernen Europa. Göttingen, 2011.

ся в «зону сотрясений» в качестве объекта германских и советских амбиций¹.

В России поляризация, толчок которой дала мировая война, развивалась в несколько ином направлении, нежели на западном континенте. В западных областях распадающейся царской империи национальные движения (и их военные формирования) вроде армий белых и красных боролись друг против друга за территориальное отделение зон их владычества. Это означало фактически продолжение войны — в зависимости от региона — до 1920 или 1921 года. В центре Российской империи друг против друга воевали большевистские, антибольшевистские и национальные соединения и армии, как правило возникшие из остатков старой армии. Преобладавшая теперь маневренная война, охватившая территории распавшейся империи от Сибири до Кавказа, от Карелии до Украины, потребовала, как известно, намного большего количества жертв, в особенности среди мирного населения, чем Первая мировая война. Если население России (в границах Советского Союза) между 1914 и 1917 годом, несмотря на все потери, выросло с 139 млн до 142 млн человек, то после 1917 года оно сократилось до 132 млн (1922)².

Причиной того, что образ врага и объекты вражды изменились, была динамика и поляризация Гражданской войны, однако некоторые техники завоевания и борьбы с противником сохранились и радикализировались. В этом отношении можно говорить о непрерывном ходе развития событий. Если старый режим начинал с экспроприации (иностранцев граждан из вражеских государств и российских немцев), с регулирования и контроля в первую очередь за торговлей зерном, то большевики продолжили эту политику в соответствии с целями, определяемыми классовой борьбой, вплоть до национализации банков, промышленности и торговли. Контроль за гражданами посредством цензуры и систематическое отслеживание их политических взглядов получили дальнейшее развитие, причём у каждой из сторон³. Нет, правда, возможности доказать преемственность развития от принудительного труда военнопленных во время Первой мировой войны до принудительного труда начиная с конца 1920-х годов в возникающем ГУЛАГе — как, впрочем, и до лагерей

принудительного труда во время правления национал-социалистов в Германии и в оккупированной Европе. Но знания о существовании такого «ресурса», разумеется, существовали¹.

Техника этнических депортаций также не оказалась забытой. Изменились, правда, затронутые ими группы населения. Во время Гражданской войны жертвами, в первую очередь, оказались донские и кубанские казаки, которые должны были исчезнуть как «этнокласс», — акция, которая потом была всё-таки остановлена. Только в 1930-е годы советское руководство вернулось к средству этнических чисток — сначала в форме классово-политически ориентированного «истончения» меньшинств, принадлежавших к этносам, составившим основу других национальных государств, например поляков, немцев, финнов, греков и т. д. Потом перешли к коллективной депортации сначала корейцев, в начале войны российских немцев, а к концу войны крымских татар, чеченцев и других народов Кавказа. С 1944 по 1946 год последовал хотя и урегулированный договорами, но, тем не менее, в той или иной степени насильственный обмен населением по эту и по ту сторону так называемой Линии Керзона между Литвой, Белоруссией, Украиной и Польшей. С согласия советской стороны, однако, как правило, по инициативе самих государств — за исключением Румынии — немецкие меньшинства должны были покинуть территорию Восточной и Центральной Европы, если лица, принадлежавшие к этим меньшинствам, не были депортированы в Советский Союз в качестве «репараций». Уменьшение территории Германии было также связано с выселением или изгнанием немцев из бывших восточных провинций Пруссии, доставшихся Польше и Советскому Союзу.

Массовые убийства евреев и массовые миграционные процессы перед, во время и после Второй мировой войны показывают, как политика не только диктаторских государств всё больше и больше открывалась для радикальных трансформационных проектов. Если говорить о «коротком» XX веке, начавшемся Первой мировой войной и завершившемся распадом Советского Союза, то было бы также справедливо ограничить эпоху насилия в Европе периодом между Первой мировой войной и окончанием Второй мировой войны или смертью Сталина с отголосками и продолжением в диктатурах Южной Европы. Эти перемены оказались для миллионов людей возможно ещё более значимыми, нежели крах коммунистических режимов в Европе.

¹ Bettina Greiner, Alan Kramer (Hg.). Welt der Lager. Zur „Erfolgsgeschichte“ einer Institution, Hamburg o. J. Kerstin von Lingen, Klaus Gestwa (Hg.), Zwangsarbeit als Kriegsressource in Europa und Asien. Paderborn u. a., 2014.

¹ Dietrich Beyrau. Schlachtfeld der Diktatoren. Osteuropa im Schatten von Hitler und Stalin, Göttingen 2000; Timothy Snyder. Bloodlands Europe between Hitler and Stalin. London, 2010.

² Обзор см.: Dietrich Beyrau, Petrograd 25. Oktober 1917. Die russische Revolution und der Aufstieg des Kommunismus, München 2001; Jörg Baberowski. Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt. München, 2012.

³ Peter Holquist, Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921, Cambridge/Mass. London, 2002.

Людмила НОВИКОВА

ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ К ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ: ЭСКАЛАЦИЯ НАСИЛИЯ И РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ (1914–1920)¹

Первая мировая война официально закончилась для России 3 марта 1918 года, когда Советское правительство подписало в Брест-Литовске мирный договор с представителями Центральных держав. Тем самым был положен конец многомесячным попыткам возобновить атаки на фронте, несмотря на разворачивавшуюся в стране революцию. В действительности, это была лишь пауза в военном конфликте, растянувшемся в России еще на несколько лет. В последующие месяцы и годы его участниками стали германские войска, экспедиционные отряды держав Антанты, бывшие военнопленные центральных держав, крестьянские повстанческие отряды, национальные формирования, а также Красная армия — боровшаяся за советскую власть и мировую революцию, и белые генералы, пытавшиеся восстановить Восточный фронт против Германии и свергнуть власть ее «союзников» — большевиков. Для многих современников события 1914–1921 годов слились в единую волну военного и паравоенного насилия, определявшую ситуацию в стране вплоть до окончания Гражданской войны. В последние годы историки войны и революции в России все чаще рассматривают период с 1914 по 1921 год как единое целое — как «continuum of crisis», говоря словами Питера Холквиста, — полагая, что ни 1918-й, ни даже революционный 1917-й год не были основополагающими разделительными рубежами. Например Холквист подчеркивал, что Первая мировая война в России имела самые значительные последствия, так как революция совпала с мобилизацией общества на «тотальную войну». В результате мобилизационные принципы и насильственные практики воен-

¹ Статья представляет собой дополненную и измененную версию опубликованного на немецком языке текста: Ludmila Novikova: Kontinuum der Gewalt. Der Norden Russlands 1914–1920. in: Osteuropa. 64 (1998), № 2–4. S. 157–170.

ного времени стали частью революционной политики и после были встроены в советскую политическую систему¹.

Другие исследователи подчеркивают роль паравоенного насилия как связующего звена между Первой мировой войной и последующей чередой революций, контрреволюций, этнических конфликтов, погромов, войн за независимость, гражданских конфликтов и других форм насилия, которые расходились в 1917–1923 годах волнами по многим регионам Европы, включая не только Россию, но и Украину, Финляндию, Балтийские государства, Польшу, Австрию, Венгрию, Германию, Италию, Ирландию, а также Турцию и Кавказ. Как отмечали Роберт Герварт и Джон Хорн, отличительной чертой этой волны насилия были «военные или квазивоенные организации и практики, которые либо дополняли, либо заменяли собой действия обычных воинских формирований»².

Данная статья посвящена одному российскому региону, а именно Северу России в период Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. На этом примере я хочу показать, что Первая мировая война не была лишь предтечей или условием последующей революции и Гражданской войны, но сама стала частью этих конфликтов. Прежде всего, разные волны насилия — военного и паравоенного — не следовали одна за другой, но тесно переплетались³. Воинские формирования могли распадаться на паравоенные отряды, в то время как паравоенные части вливались в регулярные армии. Также паравоенные и регулярные формирования часто сосуществовали на одной территории, взаимодействуя между собой. Кроме того — что еще более важно — революцию и гражданскую войну в целом невозможно отделить от Первой мировой войны. В частности, на Севере, где в 1918 году одновременно воевали белая, красная армии, крестьянские повстанческие отряды и войска Антанты, разные фазы Первой мировой войны и гражданской войны перемежались и наслаивались одна на другую.

¹ Peter Holquist: Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass, 2002. См. также, например: Aaron Retish: Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914–1922. Cambridge, 2008.

² Robert Gerwarth, John Horne: Paramilitarism in Europe after the Great War. An Introduction: in Robert Gerwarth, John Horne (Hrsg.): War in Peace: Paramilitary Violence in Europe after the Great War. Oxford, 2013. P. 1–2.

³ О переплетении в революционной России военного и паравоенного насилия писал Розенберг, который, однако, рассматривал его только применительно к 1918–1920 годам, см.: William Rosenberg: Paramilitary Violence in Russia's Civil Wars, 1918–1920 in Robert Gerwarth, John Horne (Hrsg.): War in Peace. P. 21–39.

Многоуровневая связь между Первой мировой войной, революцией и Гражданской войной на Севере России наблюдалась возможно более очевидно, чем в любом другом регионе страны. Обширная Архангельская губерния, протянувшаяся широкой полосой от финской границы до предгорий Урала, до 1914 года — и по мнению имперских чиновников, и революционеров — была одним самых «темных углов» царской России. В. И. Ленин позже жаловался, что это одна из тех окраин, где «царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»¹. Однако Первая мировая война внезапно превратила Архангельскую губернию в важнейший стратегический район и главные морские ворота страны. Ввиду того, что черноморские и балтийские порты были блокированы неприятелем, Архангельск оказался единственным портом в европейской части России, открытым для сношений с внешним миром. Именно через него должны были идти миллионы тонн вооружения и военного снаряжения, поступающие от западных союзников России по Антанте для нужд русской армии. Так как Архангельский порт замерзал на несколько месяцев в году, и даже в оставшиеся месяцы однокорейная железная дорога не позволяла осуществлять перевозку масштабных военных грузов, была начата постройка новой железной дороги в город Романов-на-Мурмане (позже — Мурманск), заложенный в 1915 году на берегу незамерзающего Кольского залива. На постройку прибыли многочисленные рабочие-контрактники из центральной России, китайские рабочие, а также от 40 до 70 тысяч военнопленных австро-венгерской и германской армий². Так как у России на Севере не имелось собственного военного флота, для охраны морских перевозок союзниками России по Антанте в 1915 году была прислана британская эскадра под командованием адмирала Т. У. Кемпа. Одновременно началось формирование российской флотилии Северного Ледовитого океана, в составе которой к осени 1917 года было около ста кораблей. На основных базах флотилии — в Архангельске и Мурманске — помимо морских команд расположились воинские гарнизоны. К началу 1917 года сухопутный и флотский гарнизон Архангельска и его окрестностей насчитывал свыше 19 тысяч человек, что было огромной численностью для города, население которого до войны составляло только 43 тысячи человек³. 14-тысячный мурманский гарнизон вместе с приезжими

строительными и портовыми рабочими и вовсе составлял почти все население недавно основанного города¹.

Первая мировая война радикально преобразила местный социальный и политический ландшафт и начертала сценарий последовавшей революции и Гражданской войны в регионе. Воинские гарнизоны и морские команды, как и везде по стране, в 1917 году стали главным очагом революционных настроений, содействуя укреплению политических позиций левых партий, в частности большевиков. Но также чины гарнизонов и возвращавшиеся домой фронтовики составляли самостоятельные паравоенные формирования или вливались в ряды регулярной белой и красной армий в годы Гражданской войны. Прямая морская связь с союзными странами привлекала на Север противников большевиков, которые надеялись при поддержке Антанты возобновить войну с Германией и свергнуть образованное в октябре 1917 года большевистское правительство. Тем временем союзные державы, сохранявшие свое морское присутствие в регионе, пытались не допустить продвижения на Север немецких и финских войск с территории Финляндии, а также нащупать опору в «патриотических» силах внутри страны, надеясь восстановить Восточный фронт против Германии. Высадка союзных войск в Архангельске летом 1918 года в поддержку антигерманского и антибольшевистского северного правительства на время превратила Русский Север в новый фронт Первой мировой войны. В результате Север стал одновременно одним из главных центров белого движения — наряду с Югом, Сибирью и Северо-Западом страны; участком воображаемого нового фронта Первой мировой войны и ареной действий многочисленных паравоенных формирований, которые с оружием в руках пытались отстоять групповые, местные или более широко понимаемые общественные интересы. Задачей последующего изложения является проследить переплетение этих фаз Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, а также выявить последовательность волн военного и паравоенного насилия в регионе.

Первая мировая война, российская революция и генезис паравоенного насилия

Первая мировая война заложила сценарий российской революции, дав оружие в руки миллионов людей и усеяв тыловые районы страны

сборник по Архангельской губернии за 1917–1924 годы. Архангельск, 1925. С. 5.

¹ Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917–1920 гг.): Сборник документов. Ленинград, 1982. С. 4–5, 350–351; Залесский Н. А. Флот Русского Севера в годы Первой мировой и гражданской войны // Летопись Севера. Москва, 1972. Т. 6. С. 148, 154–161.

¹ Ленин В. И. О продовольственном налоге (21 апреля 1921 г.) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1963. Т. 43. С. 228.

² Nachtigal R. Die Murmanbahn 1915 bis 1919. Kriegsnotwendigkeit und Wirtschaftsinteressen. Remshalden, 2007.

³ Архангельская городская жилищная перепись 1918 года с приложением некоторых итогов жилищной переписи 1920 года. Архангельск, 1922. С. 2; Статистический

воинскими гарнизонами. Революция 1917 года в Архангельской губернии, как и во многих других регионах Российской империи — на фронте и в тылу — стала в большей мере революцией солдат, чем революцией рабочих и крестьян. Подобно Петроградскому гарнизону, который обеспечил победу Февральской революции в столице¹, воинские гарнизоны по всей стране сделали возможным быстрое крушение старого режима. В Архангельске в первые дни марта 1917 года по улицам под российскими флагами, перевернутыми красным полотнищем вверх, маршировали с барабанным боем воинские части и флотские экипажи, знаменуя свержение самодержавия². Армия не только обеспечила успех Февраля, но и в значительной мере определяла развитие революции в провинции в последующие месяцы. На протяжении 1917 года тыловые гарнизоны и возвращавшиеся домой фронтовики содействовали «полевению» местных советов, голосуя за антивоенные партии, в первую очередь — большевиков. Нередко чем выше была численность базировавшегося в городе гарнизона, тем больше голосов не местных выборах получали большевики. Так, в Архангельске за счет голосов гарнизона и флотских команд большевики получили осенью 1917 года на выборах в Учредительное собрание 29,7 % голосов; в Мурманске же — свыше 70 %³. Не случайно, что именно Мурманск — в лице собрания президиумов всех организаций — первым на севере уже 26 октября 1917 года выразил поддержку только что образованному в Петрограде большевистскому советскому правительству⁴. Армия также содействовала продвижению революционных органов власти в уезды и волости. Части гарнизонов и возвращавшиеся фронтовики образовывали советы солдатских депутатов, возглавляли местную администрацию, содействовали укреплению власти большевистских или небольшевистских советов.

Однако чины гарнизонов и фронтовики играли не только «революционную» роль. Во многих губерниях и уездах создавались союзы фронтовиков и увечных воинов, которые в зависимости от обстоя-

тельств могли играть различную роль в местной политике. Известно, например, что в Одессе уже в 1917 году союз фронтовиков поддержал Совет безработных, который бросил вызов власти местного большевистского совета¹. В Ижевске в 1918 году союз фронтовиков стал одним из организаторов Ижевского восстания, свергнувшего власть большевистских советов на территории нескольких уездов². Более того, в условиях стихийной демобилизации бывшие фронтовики вливались в паравоенные отряды, которые, опираясь на силу оружия и групповую солидарность, занимались грабежами или пытались влиять на политику.

Пример Архангельской губернии показывает, что в 1917 году и в первой половине 1918 года отряды из числа солдат гарнизонов и бывших фронтовиков могли действовать и как группы погромщиков, грабивших воинские и частные склады и хозяйства местных жителей, и как сила, содействовавшая распространению советской власти, и как зачинщики антибольшевистских выступлений. Так в конце 1917 года в условиях стремительно падавшей дисциплины в войсках солдаты северных гарнизонов расправлялись с непопулярными командирами, грабили население, конфисковывали в свою пользу перевозимые по железной дороге грузы, а иногда угоняли целые железнодорожные составы, пытаясь добраться в них с севера на родину. Порой они творили на станциях такие насилия, что железнодорожные служащие предпочитали прятаться в окрестных лесах, когда, например, к платформе подъезжал очередной поезд из Мурманска³.

Если одни фронтовики и чины гарнизонов с оружием в руках занимались самообеспечением или прокладывали себе путь на родину, другие вступали в формируемые советами отряды Красной гвардии. Солдат привлекало обещание денежных и материальных выплат, но многими руководило и идейное стремление поспособствовать укреплению власти советов. Отряды Красной гвардии весной 1918 года направлялись в рейды по уездным центрам и селам, чтобы обеспечить переход власти на местах в руки большевистских советов⁴.

¹ О Феврале 1917 года в Петрограде см.: Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle, 1981.

² Артлебен М. Н. Архангельск в дни государственного переворота // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1917. № 3–4. С. 116–126.

³ Киселев А. А., Климов Ю. Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск 1977. С. 72–91, 106; Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). Москва 1968. С. 416, 420, 422. О роли гарнизонов в установлении советской власти в других регионах см., например: Karsch S. Die bolschewistische Machtergreifung in Gouvernement Voronež (1917–1919). Stuttgart, 2006. S. 105–106 etc.

⁴ Веселаго Г. М. Документальная справка из моих мурманских бумаг за 1917–1918 годы, декабрь 1918 г. // Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев / ред. А. А. Киселев, П. В. Федоров и др. Мурманск, 2006. С. 83–85.

¹ Tanja Penter: Der Sowjet der Arbeitslosen in Odessa. Soziale Polarisierung in der Revolution von 1917, in: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 3 (1998). S. 351–375.

² Aaron B. Retish, The Izhevsk Revolt of 1918: The Fateful Clash of Revolutionary Coalitions, Paramilitarism, and Bolshevik Power, in Sarah Badcock, Aaron B. Retish, Liudmila G. Novikova (Hrsg.): Kaleidoscope of Revolutions. Bloomington, 2015 (forthcoming).

³ Nachtigal R.: Die Murmanbahn, 1915 bis 1919. S. 143.

⁴ Л. Г. Новикова: Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на Русском Севере. М., 2011. С. 61–63.

Парадоксальным образом, на местах они порой наталкивались на сопротивление других отрядов, состоявших из фронтовиков, которые выступали в защиту локальных интересов. Одно из таких столкновений произошло в уездном городе Холмогоры в конце марта 1918 года, когда уездный съезд крестьянских депутатов, созданный представителем Всероссийского центрального исполнительного комитета, объявил о признании власти Совнаркома и одновременно — об изъятии у населения «излишков» продовольствия. На следующий день здание с делегатами съезда было осаждено отрядом из местных фронтовиков, действовавших от имени населения города, чтобы предотвратить изъятие хлеба. Противостояние продолжалось два дня, пока в помощь участникам съезда из Архангельска не прибыл вооруженный отряд во главе с А. И. Вельможным, матросом флотилии Северного Ледовитого океана, который действовал по поручению Архангельского совета. Отряд ввел в Холмогорах осадное положение и возобновил работу съезда. Ввиду неравенства сил местные фронтовики вооруженное сопротивление оказывать не стали¹. Показательно, что в этот конфликт оказались вовлечены два отряда фронтовиков, один из которых действовал в интересах Архангельска, другой — в защиту интересов холмогорских горожан.

Из числа чинов гарнизонов и фронтовиков создавались также паравоенные формирования, которые в 1917–1918 годах участвовали в локальных стычках крестьян соседних деревень вокруг пользования землей, сенокосными угодьями, лесами и рыбными тонями. Например, в Онежском уезде конфликты крестьян Кожской и Пудожской волости вокруг земель соседнего Кожеозерского монастыря привели к созданию двух вооруженных отрядов, состоявших преимущественно из демобилизованных солдат. В последовавших столкновениях погибли несколько крестьян, настоятель монастыря и часть братии. Обострение конфликта между крестьянами Пудожской и Кожской волостей совпало с образованием на Севере белого фронта летом 1918 года. В итоге кожские крестьяне запросили помощи у белых, а пудожский отряд перешел линию фронта и присоединился к Красной армии².

¹ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Протоколы съезда крестьянских депутатов Холмогорского уезда, 21–26 марта 1918 г.; Шумилов М. И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973. С. 163–164.

² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 18. Оп. 1. Д. 29. Л. 23–23 об. (записка прокурора Архангельского окружного суда 24 октября 1918 года); Пятков М. Кожеозерский монастырь // Октябрьская революция и гражданская война на Севере. Выпуск 2. Архангельск, 1933. С. 42–47.

Столкновения в Холмогорах и вокруг земель Кожеозерского монастыря хорошо иллюстрируют связь паравоенного насилия 1917–1918 годов, с одной стороны — с Первой мировой войной, и с другой стороны — с войной гражданской. Регулярные части имперской армии, гарнизоны и флотские команды периода Первой мировой войны распались на паравоенные отряды и вливались в части Красной гвардии. Но в то же время паравоенные формирования могли позже вступать в белую или красную армии. Таким образом, военные и паравоенные формы насилия были часто очень тесно переплетены, и ведущую роль в них играли бывшие фронтовики.

В политическом хаосе революционной России фронтовики не только могли оказаться в рядах соперничавших вооруженных формирований, но часто один и тот же человек мог в разные моменты сражаться по разные стороны политических фронтов. Например, архангельский крестьянин-фронтвик Гордей Мосеев после Февральской революции активно содействовал становлению советской власти — был председателем армейского комитета 177 пехотного полка, потом членом Новгородского губернского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, где выступал как представитель фронта¹. Но когда Мосеев в начале 1918 года вернулся в Архангельскую губернию, он в течение нескольких месяцев проделал путь от советского активиста до участника антисоветского вооруженного отряда, который в августе 1918 года помог привести к власти белое правительство Северной области.

Особенностью положения Архангельской губернии было то, что она в 1917–1918 годах не только являлась ареной действий паравоенных отрядов, но и оставалась сферой столкновения интересов воюющих держав Первой мировой войны. Северные воды бороздили немецкие подводные лодки, которые и до, и после заключения Брестского мира атаковали и даже топили российские промысловые и торговые суда. Более того, большевистский Народный комиссариат по военным делам опасался, что расположенный в Финляндии немецкий корпус фон дер Гольца при поддержке финских отрядов планирует захват стратегически важной Мурманской железной дороги, а также всего западного побережья Белого моря. Следуя имевшимся — совершенно нереалистическим — предположениям, весной 1918 года вдоль финской границы сосредотачивалось до 100 тысяч штыков немецко-финских войск². Проникновения немцев на Север серьезно

¹ Архив регионального управления ФСБ по Архангельской области (далее — АРУ ФСБ АО). Д. П–16049 (следственное дело Г. Т. Мосеева).

² А. С. Мошкин (ред.): Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане: Сборник документов и материалов. Мурманск, 1960. Док. 112, 120, 123, 124,

опасалось командование Антанты. Также эти сведения тревожили советское руководство и вызывали острые опасения у Мурманского совета, главного органа власти в Мурманском крае, западной части Архангельской губернии. Пытаясь обеспечить региону военное прикрытие, 2 марта 1918 года — то есть накануне подписания Брестского мира, — заручившись принципиальным согласием большевистского руководства, Мурманский совет заключил «словесное соглашение» с представителями Англии и Франции об оказании ему военной и продовольственной помощи. 6 марта с британской эскадры, находившейся в северных морских водах, высадились 170 солдат британской морской пехоты. В течение последующих месяцев численность союзных войск в Мурманском крае возросла до 2000–3000 человек¹.

Союзное присутствие на Мурмане, ставшее первым шагом к участию Антанты в российской гражданской войне, на первых порах не вызывало возражений у большевистского руководства. Москва некоторое время предпочитала не порывать отношений с союзными державами, которые в Мурманском крае не только содействовали обеспечению внешней безопасности, но и снабжали продовольствием население этого нехлебородного северного района. Перелом наступил в конце мая 1918 года, когда Совет народных комиссаров под давлением со стороны Германии стал требовать от Мурманского совета удалить с Севера войска Антанты. Эти требования были встречены не только противодействием со стороны союзного командования, но и резким непониманием со стороны руководителей Мурманского совета. В результате последовавшей телеграфной перепалки Мурманский совет в начале июля 1918 года порвал отношения с Москвой. А союзное руководство, избавившись от необходимости даже формально согласовывать свои действия с мнением Москвы, приступило к подготовке высадки войск в Архангельске. Официальными целями было организовать охрану союзных военных грузов, доставленных в Архангельск в годы Первой мировой войны, а также оказать содействие «патриотическим» русским силам и восставшим в Сибири и Поволжье частям чехословацкого корпуса. Верховный военный совет Антанты в Версале рассчитывал использовать Север как правый

126; Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере. Док. 159, 161, 168, 170, 176, 179.

¹ Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере. Док. 128, 145, 156, 206; Веселаго Г. М. Документальная справка из моих мурманских бумаг. С. 86, 89, 92, 115–116; K. Bourne, D. C. Watt (eds.): British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part II. Series A. Vol. 1: Soviet Russia and Her Neighbours, Jan. 1917 — Dec. 1919. Frederick, Md., 1984. Doc. 110. P. 420, 439; Maynard C. The Murmansk Venture. London, 1928. P. 28. О немецких операциях в Финляндии и планах наступления на Мурман см.: Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: Von Brest-Litowsk bis zum Ende Ersten Weltkrieges. Wien, 1966. S. 93–117.

фланг нового Восточного фронта против Германии, центральным звеном которого стали бы чехословацкие части¹.

Показательно, что против союзного продвижения в Архангельск летом 1918 года не возражал архангельский городской совет, члены которого сами размышляли о том, чтобы обратиться с союзникам за продовольственной помощью и в обмен передать им склады союзных военных грузов². И даже значительная часть населения губернии полагала, что, памятуя о прежних союзных обязательствах и о роли, сыгранной Россией в Первой мировой войне, союзники должны помочь архангельским жителям в борьбе с надвигающимся голодом. Поэтому принятое в июле 1918 года решение Москвы о мобилизации в Красную армию для отпора возможному продвижению союзных войск было встречено в губернии широким возмущением. Крестьянские сходки и волостные советы массово выносили резолюции, говорившие об отказе от мобилизации. Крестьяне нередко избивали красных агитаторов и заявляли, что не будут воевать против союзников, которые единственные могут спасти население от голодной смерти³. В целом ряде уездов в конце июля 1918 года начались вооруженные стычки между красными частями и местными вооруженными отрядами, сопротивлявшимися мобилизации, во главе которых стояли бывшие фронтовики. Так, например, наиболее крупное, Шенкурское, восстание мобилизованных возглавил 25-летний прапорщик Максим Ракитин⁴. Упомянутый выше фронтовик и советский активист Городей Мосеев организовал в своей Лисестровской волости группу из 49 добровольцев. Эта группа влилась в добровольческий крестьянский отряд численностью около 200 бойцов, который 2 августа 1918 года пришел в Архангельск, чтобы поддержать свержение большевистского исполнительного комитета и приветствовать союзный десант, высадившийся в городе вечером того дня⁵. В результате совместных действий групп офицеров, крестьянских отрядов

¹ British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 110. P. 439–440. О восстании чехословацкого корпуса см.: Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России. 1914–1920. Париж, Прага, 1928; Unterberger B. The United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia. Chapel Hill, 2000.

² Papers relating to the Foreign Relations of the United States (далее – FRUS). 1918. Russia. Washington, 1931. Vol. 2. P. 475.

³ Резолюции см.: Кедров М. С. За Советский Север: Личные воспоминания и материалы о первых этапах гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 71–73.

⁴ АРУ ФСБ АО. Д. П–17697. Л. 18, 20, 145 (следственное дело М. Н. Ракитина, 1919–1920). Протоколы допросов. О других восстаниях мобилизованных см.: Новикова Л. Г. Провинциальная «контрреволюция». С. 66–67.

⁵ АРУ ФСБ АО. Д. П–16049. Л. 31 об.–32 (допрос Г. Мосеева, 28 июля 1920 г.); ГА РФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 55 об. (письмо Н. А. Старцева С. Н. Городецкому, 15 апреля 1925 г.).

и антибольшевистских политиков власть в городе перешла в руки Верховного управления Северной области (преобразованного в октябре 1918-го во Временное правительство Северной области). Как свидетельствовали поступавшие в Архангельск телеграммы с мест, в уездных центрах и крупных селах добровольческие отряды из бывших фронтовиков смещали большевистские советы и изгоняли остатки красноармейских частей¹. В результате огромная территория Архангельской губернии перешла под контроль антибольшевистского Архангельского правительства.

Предыстория архангельского переворота показывает, насколько тесно Первая мировая война переплелась в регионе с революцией и с волнами паравоенного насилия. В условиях распада власти и дефицита политической легитимности чины гарнизонов и морских команд вместе с возвращавшимися домой фронтовиками создавали паравоенные отряды, которые широко применяли насилие, преследуя политические цели или пытаясь отстоять местные интересы. Реагируя на нехватку продовольствия и пытаясь избежать насильственной мобилизации в Красную армию, многие фронтовики поддержали установление на Севере антибольшевистского правительства и прибытие союзных воинских контингентов. В течение ряда последующих месяцев сражения российской Гражданской войны, последние стычки Первой мировой и действия локальных паравоенных формирований сплелись в регионе в единое целое.

Белые войска, союзные отряды и паравоенные формирования на Севере России, лето 1918 — февраль 1920

Союзная высадка в Архангельске в августе 1918 года обычно ассоциируется с интервенцией держав Антанты в российскую Гражданскую войну. Вместе с тем документы свидетельствуют, что и командиры, и участники союзных отрядов, и члены антибольшевистского правительства, и даже население Севера видело в прибытии союзников развитие и прямое продолжение Первой мировой войны. Союзный экспедиционный корпус представлял собой многонациональный срез армий, сражавшихся на стороне Антанты, и включал британские, американские, французские, итальянские и сербские контингенты. Командующий союзными войсками британский генерал Ф. К. Рооле был глубоко убежден, что действия его экспедиционного корпуса являются частью усилий западных союз-

ников в их борьбе против Центральных держав. Хотя наступление немецко-финских войск с территории Финляндии так и не материализовалось и даже союзные военные склады оказались уже большей частью вывезены из Архангельска вглубь России, Рооле продолжал верить в связь происходившего на Севере с общими военными действиями союзников. Он полагал, что за спиной большевистского правительства стояла Германия, и даже ошибочно связывал неожиданно сильное сопротивление красных войск с присутствием немецких инструкторов на позициях противника. О том, что большевики держатся, прежде всего, при помощи Германии, говорили и приходившие в Архангельск указания британского военного министерства¹. Даже и в середине ноября 1918 года, когда на Север пришли сведения о заключенном Антантой перемирии с Германией, за красный фронт был направлен союзный аэроплан. Он разбрасывал листовки с сообщением, что немцы вышли из борьбы, и с призывами сложить оружие. В союзном штабе в Архангельске, возглавляемом с октября 1918-го генералом W. E. Ironside, по-прежнему полагали, что большевики держатся у власти только за счет немецкой поддержки и что поражение Германии заставит их прекратить сопротивление².

Общесоюзное значение северного фронта подчеркивало в своих заявлениях и архангельское антибольшевистское правительство. Видя себя наследником прежнего Временного правительства 1917 года, оно утверждало, что присутствие войск Антанты на Севере является выполнением союзных обязательств. В заявлениях кабинета говорилось, что учитывая прежние жертвы, понесенные Россией во имя общего дела на полях войны, союзные войска пришли оказать помощь стране в ликвидации немецкой угрозы³. Связь между Первой мировой войной и присутствием союзников проводили даже простые жители губернии. За годы войны они хорошо усвоили язык массовой пропаганды, описывавшей храбрых союзников России (страны Антанты), вступивших в смертельную схватку с извечным врагом — Германией⁴. Поэтому не случайно, что приходившие в Архангельск

¹ FRUS. 1918. Russia. Vol. 2. P. 513; Ullman R. Anglo-Soviet Relations 1917–1920. Vol. 1: Intervention and the War. Princeton, 1961. P. 240–242.

² Ironside E. Archangel, 1918–1919. London, 1953. P. 41, 50.

³ См.: Собрание узаконений и распоряжений Верховного управления / Временного правительства Северной области. 1918. № 1. С. 6–7; Вестник Верховного управления Северной области (Архангельск). 1918. 25 авг.; Вестник Временного правительства Северной области. 1918. 10 окт.

⁴ О патриотической пропаганде см.: Jahn H. patriotic Culture un Russia during World War I. Ithaca, 1995.

¹ ГА РФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 22. Л. 2–4. Известия бюро печати при Верховном управлении Северной области. 1918. 3–5 августа.

летом-осенью 1918 года резолюции волостных и уездных собраний говорили о союзной помощи как о чем-то само собой разумеющемся. В частности, в них подчеркивалось, что «союзные державы в нынешнее трудное время братски помогут восстановить целостность и независимость России и окажут продовольственную помощь Севобласти»¹.

Северный фронт почти полгода оставался, в первую очередь, сферой действия союзных вооруженных отрядов, составлявших до весны 1919 года основную боевую силу северных войск. Своей максимальной численности войска Антанты на Севере достигли к концу 1918 года и составили около 25 тысяч штыков². Однако завершение боевых действий на Западном фронте мировой войны со временем усилило деморализацию в союзных войсках на Севере, которые уже не понимали задач военной кампании в России, а также вынудило глав союзных государств выступить с заявлениями о предстоящем выводе войск из России. В результате уже весной 1919 года союзные войска начали оттягиваться в тыл, а с открытием летней морской навигации — возвращаться на родину. В сентябре–октябре 1919 года Север покинули последние союзные войска. В итоге внутренняя российская Гражданская война, развивавшаяся параллельно последним стычкам Первой мировой войны, в 1919 году вышла на первый план. Уже с весны 1919 года главную военную роль на Севере стала играть регулярная белая армия.

Мобилизация в белую армию началась уже осенью 1918 года, когда стало очевидно, что небольшие добровольческие части не смогут противостоять мобилизационной Красной армии. В ноябре в Архангельск прибыл генерал В. В. Марушевский, командовавший до этого 3-й особой русской бригадой во Франции, который занял должность командующего войсками Северной области и взялся за создание армии. В январе 1919 года в Архангельск приехал другой известный командующий периода Первой мировой войны — генерал Е. К. Миллер, занявший пост генерал-губернатора. Именно с его именем обычно связана история последующей белой борьбы на Севере России. Численность белых частей к лету 1919 года достигла 25 тысяч штыков, а осенью того года поднялась до 54 тысяч человек (включая

отряды ополчения, вспомогательные тыловые части и т. д.). Это составляло примерно 10 % от общей численности населения Северной области, и приближалось к масштабам мобилизации в период Первой мировой войны¹. Были сформированы регулярные полки, которые уже с весны брали на себя оборону участков фронта. Летом 1919-го Северная армия предприняла попытку наступления на соединение с войсками А. В. Колчака, прорывавшимися из Сибири. В соединении войск северного и сибирского фронта в этот период уже виделось не восстановление антигерманского фронта, но соединение кольца антибольшевистских фронтов для свержения большевиков в центре страны и восстановления единого Российского государства². Однако наступление Колчака потерпело поражение, и соединение так и не было осуществлено. Тем не менее северная армия успешно противостояла красным частям вплоть до начала 1920 года, проводя локальные наступления.

Одновременно с действиями союзных и регулярных белых частей, в Северной области разворачивается также другая война — война местного значения с участием локальных паравоенных формирований, а именно белых и красных партизан. Партизанские отряды начали возникать на Севере в конце 1918-го — начале 1919 года в ответ на стабилизацию фронта и особый характер войны на Севере. По причине болотистой и лесистой местности и сравнительно малого количества войск, задействованных с обеих сторон, фронт располагался отдельными боевыми заставами вдоль рек, железнодорожных путей и главных дорог. В отсутствии сплошной линии обороны, прифронтовые деревни нередко становились жертвами разрушительных и жестоких рейдов, проводимых отрядами противника. Например, уже в сентябре–октябре 1918 года отряды красноармейцев под командованием Алексея Щенникова в долине реки Пинеги и Морица Мандельбаума — австрийского военнопленного, принявшего сторону большевиков, — в Печорском уезде глубоко вторглись в белый тыл. Красноармейцы грабили население и жестоко карали сотрудников и сторонников белой власти³. Как позже на 1-ой архангельской губерн-

¹ FRUS, 1919. Russia. P. 628–629; Марушевский В. В. Год на Севере // Белое дело. Летопись белой борьбы / ред. А. А. фон Лампе. Берлин, 1926. Т. 2. С. 39–43; Зеленов Н. П. Трагедия Северной области (Из личных воспоминаний). Париж, 1922. С. 20–21.

² О Колчаковском фронте см.: Smele J. Civil War in Siberia. The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996.

³ ГА РФ. Ф. 3811. Оп.1. Д. 142. Л. 180–181 (доклад представителей Никитинской волости Кобылина и Первышева белому штабу, конец 1918 г.); Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 39450. Оп. 1. Д. 6. Л. 77–79 об. (рапорт капитана Брайера генералу Марушевскому, 3 февраля 1919 г.).

ской конференции большевистской партии докладывал Старков, один из участников рейда на Пинеге, «по нашему личному усмотрению было вынесено постановление о расстреле негодных элементов... расстреливали — быть может, это будет преступление — по 18 или даже по 20 человек... Уездный исполком и местные исполкомы вообще считали это правильным»¹. Помимо расправ отряды также реквизировали хлеб, крестьянское имущество, сено и скот, налагали денежные контрибуции, а иногда сжигали продовольственные запасы, которые не могли вывезти с собой. От подобных рейдов страдали и села, располагавшиеся на других участках белого фронта, как, например, село Тарасово в южной части Холмогорского уезда².

Находясь под постоянной угрозой грабежей и расправ, прифронтовые деревни уже в октябре–ноябре 1918 года стали организовывать отряды самообороны. Это были паравоенные формирования, целью которых было защитить собственные деревни. Нуждаясь в продовольствии и вооружении, они обращались в Архангельский штаб с просьбами о помощи. Следует отметить, что на «красной» стороне фронта также происходило формирование партизанских отрядов, и вскоре вся прифронтовая полоса оказалась усеяна паравоенными отрядами, целью которых являлась самооборона, но которые содействовали боевым операциям белой и красной армий.

Партизанские отряды насчитывали от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Например, Тарасовский отряд, включавший взрослое мужское население ряда волостей, насчитывал в декабре 1918 года 320 бойцов, а к январю 1919-го вырос до 600 штыков. В соседних волостях действовал Селецкий партизанский отряд численностью до 600 бойцов. На Пинеге в январе 1919 года расположился партизанский отряд в составе 700 человек. Отряды были созданы под Шенкурском, в долине реки Онеги, в Печорском крае. В результате уже к январю 1919 года белые партизанские отряды доходили общей численностью до 2,5 тысяч человек³. Основную боевую силу в них составляли бывшие фронтовики. В их же руках находилось и командование отрядами. Например, командиром шенкурских партизан стал прапорщик Максим Ракитин, возглавивший летом 1918 года

восстание мобилизованных⁴. В городе Пинеге организатором отряда был 25-летний фронтовик Сергей Старков. Как свидетельствуют следственные дела, заведенные после войны советскими органами безопасности, фронтовики играли ключевую роль и среди бойцов белых отрядов⁵.

Хотя партизаны содействовали операциям белых и союзных войск, они оставались, в первую очередь, фактором локальной войны. Партизанские отряды имели особую местную структуру, как, например, на Пинеге, где «волости составляют взводы и отряды, взводы по деревням делятся на отделения, в отделениях ближайшие родственники составляют звенья»⁶. Они обычно отказывались воевать за пределами ближайших волостей и участвовать в обширных наступательных операциях, которые планировали штабы белых и союзных войск. Любые попытки задействовать их на других участках фронта приводили к тому, что партизаны массово «дезертировали», возвращаясь к своим деревням⁴.

Целями партизан была не только самооборона, но и разрешение местных конфликтов, касавшихся пользования землей и сельскими угодьями. Например, полковник П. Н. Гейман, объясняя причины появления в южной части Холмогорского уезда двух — белого и красного — партизанских отрядов, подчеркивал, что «в основе... лежит старая вражда двух смежных волостей»⁵. Партизаны на обеих сторонах фронта применяли к противнику крайнее насилие, являвшееся отчасти результатом общей брутализации, начавшейся уже в период Первой мировой войны⁶.

В целом, партизанские отряды, связанные с локальным контекстом, представляли собой еще один уровень вооруженного насилия в Архангельской губернии. Партизанская война отчасти пересекалась с действиями союзников и белых в Северной области, но в значительной степени шла параллельно им, преследуя локальные цели.

¹ АРУ ФСБ АО. Д. П–17697 (следственное дело М. Н. Ракитина, 1919–1920).

² АРУ ФСБ АО. Д. П–18021. Л. 58 (следственное дело С. М. Старкова); Д. П–17950 (следственное дело белых партизан Церковнического отряда).

³ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 18. Л. 4 (телеграмма капитана Акутина в Архангельск, 1 января 1919 г.).

⁴ Марушевский В. В. Год на Севере // Белое дело. Т. 1. С. 40.

⁵ ГА РФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 74 об. (письмо командира 7-го Северного стрелкового полка П. Н. Геймана начальнику штаба М. Ф. Квевинскому, 8 декабря 1919 г.).

⁶ АРУ ФСБ АО. Д. П. 18339. Л. 33, 43 (следственное дело солдат и партизан белой армии); Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции / ред. И. В. Гессен; Берлин, 1922. Т. 3. С. 76–77. О концепции брутализации см.: Ziemann V. Germany after the First World War — A violent society? Results and implications of recent research on Weimar Germany in Journal of Modern European History. 2003. No. 1. P. 80–95.

¹ Отдел документов социально-политической истории ГААО (далее — ОДСПИ ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 55–56 (доклад представителя Пинежского уезда Ставрова на первой Архангельской губернской конференции РКП(б), 13–14 июля 1919 года).

² РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–3 (доклад делегации Тарасовского партизанского отряда генерал-губернатору, 16 декабря 1918 г.).

³ Марушевский В. В. Год на Севере // Белое дело. Т. 1. С. 43, 56; Т. 2. С. 23–24; РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 18. Л. 25 (телеграмма капитана Акутина из Пинеги, 2 января 1919 г.); Д. 4. Л. 33 (донесение Марушевского Миллеру, 6 февраля 1918 г.).

Заключение

Опыт Архангельской губернии с 1914 по 1920 год ярко иллюстрирует то, что в российском «continuum of crisis», ни 1917-й, ни 1918 год не являлся разделительным рубежом. Первая мировая война, революция и Гражданская война тесно переплелись между собой и воспринимались многими современниками как единое целое. Связь между этими событиями заключалась не только в том, что практики мировой войны были перенесены на внутреннюю гражданскую войну, как писал Холквист, и не в том, что военное насилие периода Первой мировой переросло в волны паравоенного насилия, захлестнувшего Россию и Европу в первые послевоенные годы. Как было показано в данной статье, на Севере России разные конфликты и формы насилия переплетались и наслаивались друг на друга. По крайней мере, в течение года — с середины 1918-го по середину 1919 года — Север России являлся полем, на котором разворачивались одновременно три различных вооруженных конфликта. Здесь расположился осколок европейского фронта Первой мировой войны (по крайней мере, таковым он выглядел на штабных и ментальных картах стратегов Антанты). Это был и фронт российской Гражданской войны, которую вели белые армии во имя свержения большевиков и воссоединения России. И также Север являлся ареной локальных конфликтов, которые вели между собой добровольные вооруженные отряды, включавшие местных фронтовиков. В этом переплетении разных военных контекстов и разных форм насилия Север России является показательным, но не единственным примером. В несколько другой комбинации те же процессы разыгрывались, например, на Дальнем Востоке, в Сибири, на Украине и в других регионах. И эти разные формы военного и паравоенного насилия, несмотря на уникальность российского революционного опыта, тесно связали его с европейским опытом Первой мировой войны.

III. СТО ЛЕТ СПУСТЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Джованни САВИНО

**«ВЕЛИКАЯ ВОЙНА» И КОНСТРУИРОВАНИЕ
ПРОШЛОГО В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА (1914–2014)**

Когда летом 1914 г Николай II объявил о вступлении России в войну, уже 19 июля на улицах начали собираться толпы граждан для того, чтобы выразить свои патриотические настроения, высказаться в поддержку войны до полной победы, а также преданность народа правительству и императору. 26 июля в Государственной Думе наступил так называемый «внутренний мир»: члены Конституционно-демократической партии объявили о прекращении внутриполитического конфликта с царизмом и, руководствуясь чувством «пламенного патриотизма», создали новую обстановку в политической жизни страны.

Интерпретация войны как освобождения братьев-славян от германского ига стала предметом пропаганды в печати, и обращение главнокомандующего и Великого князя Николая Николаевича младшего к полякам обещало присоединение польских земель с правом на культурную автономию под скипетром Романовых. Объединение Галиции, «Червонная Русь», регион, который никогда не входил в состав Российской Империи, было встречено в обществе с восторгом.

Во время войны стали появляться первые исторические нарративы, оправдывающие задачи российской власти. Только в первые месяцы войны более чем 50 книг и брошюр были посвящены Галиции и ее «освобождению» от австрийского гнета. Авторы этих работ были не только публицисты и писатели национально-консервативного направления. Проникновение риторики «внутреннего мира» и национального соединения во время войны было очень сильно. Тема истории, то есть принадлежности Галицкого княжества в системе государств Руси, стала центральным сюжетом. В каждой книге, брошюре, памфлете исторические события, которые происходили в регионе, были вставлены в рамки российской истории, а также от-

деление «колыбели славянства» от русских земель как травма для простого народа. Причинами страданий Галицкого населения стали завоевание и господство Польского королевства. Проблема исторического и культурного наследия региона, его постоянное колебание между поляками и «русскими», стала центральной. По отношению ко Львову, важному польскому культурному центру с национальной библиотекой им. Оссолинских и университетом, авторы отмечали его «русское происхождение» и основание русским князем Даниилом Романовичем в середине XIII века. Напомним, что большинство населения города в 1914 (и до 1944–1945) было польское.

Использование истории для защиты военных действий стало нормальной практикой, и не только: описание действий Российской армии как части всемирной борьбы против «варварского» пангерманизма входило в рамки конструирования публичного дискурса не только националистов, но и кадетов и либералов. В Москве в издательстве И. Д. Сытина вышла целая серия брошюр, посвященных войне, под заглавием «Война и культура»: печатался труд Е. Н. Трубецкого «Война и мировая задача России» и публичная лекция «Отечественная война и ее духовный смысл». Другое издательство, Товарищество И. Н. Кушнерев и К°, распечатало серию тоже под заглавием «Война и культура», посвященную изучению политического строя, истории и географии стран и регионов (Австрия, Чехия, Англия и пр.): известный ученый А. В. Чаянов написал работу «Война и крестьянское хозяйство». Эти публикации участвовали в формировании облика прошлого и настоящего в военном дискурсе, особенно среди интеллигенции.

Война принесла жертвы и траур. Уже с осенью 1914 г. были открыты первые кладбища, и 15 февраля 1915 г. состоялось открытие Братского кладбища в районе Сокол в Москве. Это место сразу стало центром памяти: на кладбище были привезены не только тела погибших на Восточном фронте солдат, но и офицеров, и солдат Русского экспедиционного корпуса. Более 500 москвичей принимали участие в молебне на погребении на Пасху в 1916 году, а к 1917 году цифра похороненных достигла более 18 тыс. человек. Кладбище было закрыто в 1923 г., и на его месте разбит парк. Только в 1998 году открылась мемориальная зона, и с 2004 г. парк получил название мемориального комплекса. В комплекс входят 14 объектов памяти войны, устроенные в 1998 и 2004 гг. Обелиск «Павшим за свободу и независимость Родины» напоминает обелиск в Александровском саду, и его венчает двуглавый орёл. Другой обелиск, открытый в 2004 г., находится в северной части парка. Есть еще и памятник сестрам милосердия, как и стена памяти, часовенный столб и другие предметы. С 2004 года в

парке проходят мероприятия, связанные с памятью о войне, разумеется, каждое 1 августа.

Существует целое движение по открытию памятников Первой мировой войны, и иногда именно на территориях, где существовали первые из них, созданные в период 1914–1916. В Пушкине по случаю 90-летия начала войны жители Санкт-Петербурга поставили стелу серого гранита на месте, где находится Братское кладбище, которое было уничтожено в 1950-х. С приближением столетия событий 1914 года власти охотно открывают новые проекты мемориализации павших на войне. В декабре 2012 г., российское правительство внесло в перечень памятных дат 1 августа как «День памяти жертв Первой мировой войны», последнее государство в Европе, присоединившееся к коммеморации о «Великой войне»: в Италии и во Франции, например, дни памяти существуют уже с 1919 г. Военные события 1914–1918 гг. в Советском Союзе вспоминались просто как часть «империалистической войны» и часто интерпретировались как прелюдия к революционному 1917 году. Проекты построения мемориальных комплексов в стране как открытие памятника на Поклонной горе, напротив цветочных часов, у главного входа в парк стали появляться уже после перестройки. Планируются открытия в Туле, в Санкт-Петербурге и в других городах России: важно заметить, что уже в 2012 г. Российское консульство в Даугавпилсе (Латвия) предоставило средства для ремонта обелиска на Православном кладбище города. В Туле инициатива принадлежит тульскому областному молодежному поисковому центру «Искатель», который уже несколько лет занимается поиском останков солдат в Карпатах, Альпах и Прибалтике.

Разные инициативы также нашли место и в области исторической науки. В 100-летний юбилей Первой мировой войны Министерство обороны России собирается оцифровать около миллиона архивных дел и около 8 миллионов личных документов российских офицеров, относящихся к этому периоду, как часть более масштабного проекта, в котором примут участие дипломатические и военные представительства РФ за рубежом. Уже после распада СССР Российская ассоциация историков Первой мировой войны (РАИПМВ) начала исследовать события 1914–1918 гг. и печатать труды (семь сборников с 1994 по 2008; ряд монографий и сборников документов; и альманах с 2014 г.). 1 июня 2014 известный всем Борис Березовский и народный артист России Юрий Башмет с Государственным симфоническим оркестром «Новая Россия» дали в Московской филармонии благотворительный концерт, посвященный Первой мировой войне и организованный по инициативе Российского военно-исторического общества (председатель общества — министр культуры РФ Владимир

Мединский). Средства, вырученные от продажи билетов, составили порядка трех миллионов рублей, которые будут направлены на строительство памятника героям Первой мировой войны на Поклонной горе. Заместитель министра культуры РФ Владимир Аристархов перед концертом так определил Первой мировой войны в российской истории:

«Первая мировая война 1914–18 гг., наверное, самая незаслуженно забытая из всех войн, что вела наша страна. У солдат – офицеров той войны украли победу, уже почти достигнутую... Но были герои, которые сражались, побеждали и погибали за Россию и ее союзников. Мы должны о них помнить»

Конструирование памяти Первой мировой войны стало и задачей формировать другой нарратив истории, альтернативный советской. Роль большевистского руководства в войне была резко раскритикована президентом В. Путиным, который назвал их «предателями». Формирование нового нарратива о Великой войне в областях науки и общества — это новый процесс, весьма противоречивый.

Кишинтоф РУХНЕВИЧ

«ВЕЛИКАЯ ВОЙНА» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

27 июня 2014 года, почти ровно через 100 лет после убийства наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда, в Сараеве был открыт памятник террористу Гаврило Принципу. Небойша Радманович, сербский представитель в Президиуме Боснии и Герцеговины, состоящем из трех человек, перед тысячной толпой признал убийцу наследника народным героем. По его словам, Принцип воплощает сербскую тоску по единому государству, которая не утлена и в 2014 году.

Торжественная церемония на месте действия, вызвавшего Первую мировую войну, представляет собой одну из многих попыток вернуть события столетней давности в коллективную память — иногда в обличье, продиктованном актуальной политикой. Несмотря на те десятилетия, которые отделяют нас от Первой мировой войны, она и сегодня вызывает сильные эмоции и разногласия.

Если посмотреть на войну в ретроспективе сквозь призму сегодняшней Европы, можно увидеть много общего, но и целый ряд различий. К годовщине появилось множество новых книг, прошли мероприятия и крупные выставки. При этом Запад Европы проявлял к войне гораздо более глубокий интерес, чем Восток континента. В Восточной Европе Первая мировая практически вытеснена из сознания, хотя число жертв сопоставимо с количеством погибших на Западном фронте.

Без сомнения, общепризнано, что в 1914 году завершился «долгий XIX век» и что один из самых кровавых конфликтов в истории ознаменовал начало новой эпохи. Влияние Европы, которая до тех пор первенствовала в мире, вследствие войны ослабло. Старый порядок распался, многие монархии канули в Лету. На развалинах многонациональных империй в Центральной и Восточной Европе зародились новые государства. В Италии, Германии и СССР возникли тоталитарные системы: фашизм, национал-социализм и ста-

линизм. Вследствие этого иногда можно встретить утверждение, что Первая мировая война была прелюдией Второй мировой. Порой обе войны даже рассматриваются как одно целое, как вторая «тридцатилетняя война». Это остроумная точка зрения, но оправдана ли она? Польский историк Влодзимеж Борозей недавно заметил в своем выступлении в Цюрихе: «Хотя она [эта интерпретация. — *Примеч. автора*] позволяет толковать борьбу между демократическим либерализмом и правым тоталитаризмом в весьма подходящем контексте, в то же время она игнорирует вопрос сталинизма или государственного социализма. Если всерьез воспринимать большевистский контрпроект к либерализму как вызов последнему, то не подходят ни тридцатилетние временные рамки, ни понятие войны: советская империя, как известно, потерпела поражение не в войне — она не пережила продолжительного мирного периода».

Однако этим не исчерпываются различия в интерпретации. В восточной части континента война не в такой степени воспринимается как «изначальная катастрофа XX века». Она скорее рассматривалась как инструмент, позволивший изменить соотношение политических сил. В этом Борозей видит проявление социального дарвинизма как принципа мироустройства. Для большинства народов Центральной и Восточной Европы Первая мировая война не закончилась в 1918 году, а продолжалась дальше, принесла некоторым из них достижение политических целей, которые летом 1914 года зачастую еще не были сформулированы.

Европейская память о Первой мировой войне до сих пор разделена. На Западе Европы центральное место занимает конфликт между Францией, Великобританией и Германией. Опыт позиционной войны и память о миллионах павших солдат определяет воспоминания. Это заметно на полях сражений, превращенных в мемориальные зоны. В Центральной и Восточной Европе нет таких мест, как музей Первой мировой войны во французском Перонне. За могилами погибших старательно ухаживают. Каждую осень бумажный цветочек мака в петлице трогательно символизирует память о гибели тысяч солдат на полях Фландрии. Как тяжело французам было преодолеть национальную травму, показывает тот факт, что только в 1984 году президент Франции и германский канцлер — Франсуа Миттеран и Гельмут Коль — пожали друг другу руки в Вердене.

В Центральной и Восточной Европе воспоминания о Первой мировой войне, напротив, играют второстепенную роль на карте памяти XX века. Это странный феномен. Несколько фактов: разрушение города Калиша немецкой армией в первые дни войны — забытое военное преступление. Зимой 1914/15 года в Карпатах погибли 800 000 солдат австро-венгерской армии при равных потерях с российской сторо-

ны. Осада Перемышля унесла жизнь около 120 000 военнопленных. Число пленных на Восточном фронте было выше, чем на Западном (смертность оценивается в 10–20 процентов!). Лишь немногие историки указывают на то, что ядовитый газ был использован впервые не на Западном фронте, а в Польше в январе 1915 года.

Что стоит за разделенной памятью о Первой мировой войне? Возможно, в случае Центральной и Восточной Европы стоит говорить о частичном или полном беспамьятстве. Несомненно, можно констатировать, что многие чехи, словенцы, поляки, украинцы, хорваты, словаки, латыши и литовцы сражались и умирали не за свое отечество и не за своего императора. Они погибали в форме чужих армий, будь то германская, австрийская или русская армия, и были далеки от признания интересов государств, впутовавших их в войну. В их случае термин «пушечное мясо» кажется шокирующе верным. На таком основании в дальнейшем трудно было построить коллективную память. Зачем новым, основанным после войны государствам было вспоминать о потерях и поражениях во имя чужаков? Носителями национальной памяти о войне в некоторых случаях могли стать немногие воинские формирования, которые формально воевали за свои державы, но — как оказалось — действовали прежде всего в собственных интересах. Польша является здесь хорошим примером. Легионеры Юзефа Пилсудского или солдаты Юзефа Халлера принимали участие в войне, однако под собственными знаменами и с собственными целями. В межвоенные годы память об этих формированиях бережно хранилась, а события Великой войны связывалась с более поздними местными войнами. Речь шла прежде всего о пути к независимости: в центре внимания находился не 1914, а 1918 год.

После Второй мировой войны коммунистические власти постарались почти полностью предать забвению эти события. Новый нарратив выдвинул на первый план действия большевиков. Эта попытка в долгосрочной перспективе была обречена на провал, так как она основывалась на лицемерном замалчивании истинного отношения Советской России к свободе Польши. Однако таким образом коллективная память о Первой мировой войне была вытеснена дальше на периферию.

Иная культура памяти сложилась в таких странах-победительницах, как Сербия или Румыния, где при написании истории о войне в межвоенный период упор делался на героизацию собственных армий. Некоторые последствия мы можем наблюдать и сегодня — ярким примером является упомянутая в начале статьи стилизация Гаврило Принципа как сербского народного героя. И в побежденных странах культивировалась память о войне, однако в другом контексте: боль поражения должна была сплотить нацию и пробудить новый,

ревизионистский боевой дух. Показательный пример — Веймарская Республика, где культ мертвых принимал все более радикальные формы и был задействован против демократии в мифе об «ударе ножом в спину». В Венгрии города и села были обязаны ставить памятники павшим героям. С 1924 года в последнее воскресенье мая праздновался «День героев», чтобы постоянно напоминать о необходимости пересмотра неблагоприятного для Венгрии послевоенного порядка. То, что для поляков и чехов стало в конечном итоге позитивным результатом войны — национальное освобождение из многонациональных государств, — для венгров было поражением.

Другая причина не слишком сильного интереса к Первой мировой войне кроется в том, что для многих стран Центральной и Восточной Европы война не закончилась в 1918 году, а продолжалась еще несколько лет, перейдя в целый ряд конфликтов иного характера. Таким образом, существовала «их» война (1914–1918 гг.) и «наша» свобода. В 1919 году в Венгрии продолжалась революция и контрреволюция. Польша до 1921 года боролась с Германией и Россией за свои границы и отстаивала территориальные притязания против чехов, Украины и Литвы. Государства Прибалтики занимали шаткую позицию между самостоятельностью и повторным подчинением Москве. Лишь в 1923 году было подписано мирное соглашение между Грецией и Турцией. Однако напряжение во всем регионе сохранялось в последующие годы.

Чудовищным количеством человеческих жертв, жестокостью оккупационных режимов и масштабами политических последствий Вторая мировая война в Центральной и Восточной Европе совершенно затмила Первую. Разрушения почти полностью стерли успехи, достигнутые до 1939 года столь тяжелым трудом. Кроме того, триумфальное шествие идеи этнически однородного государства для миллионов означало потерю родины. Важнейшим следствием оказалась вассализация Центральной и Восточной Европы Советским Союзом.

Общая европейская память о «великой войне» и в будущем остается маловероятной. Однако, безусловно, было бы полезно обогатить новыми мотивами воспоминания на Востоке и на Западе. Поляки не считают Первую мировую войну бесполезной резней. Она останется в памяти как столкновение оккупационных властей (России, Германии, Австрии), до тех пор действовавших единодушно, как конфликт, который был мечтой многих поколений и открыл путь к свободе. В 2010 году к выставке Экспо в Шанхае был снят короткометражный фильм о польской истории. 1914 год в нем не упоминается. Зато 1918 год в фильме назван годом, «когда вспыхнула независимость».

Клаус ВИГРЕФЕ

ДЛИННАЯ ТЕНЬ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Через столетие после начала Первой мировой войны июльский кризис и его последствия снова вызывают неожиданно живой интерес. И хотя обычно политики, историки и журналисты по случаю круглой даты ограничиваются рассмотрением самого исторического события, в данном случае они буквально соревнуются в поиске аналогий между 1914 годом и сегодняшним днем.

Все началось в конце лета 2012 года, когда на английском языке вышла книга Кристофера Кларка «Лунатики», в которой австралийский историк сравнил действия лидеров Европейского союза во время кризиса евро с провальной политикой великих держав после Сараевского убийства. Когда в прошлом году разгорелся конфликт между Китаем и соседними государствами вокруг спорных островов, снова зазвучали отсылки к 1914 году. Американские, а вслед за ними и немецкие СМИ сравнивали азиатскую сверхдержаву с Германской, а США — с Британской империей. Наконец, во время украинского кризиса в этом году уже правительство Германии заговорило о «несостоятельности дипломатии» (слова министра иностранных дел Франка-Вальтера Штайнмайера), от которой оно пыталось сознательно дистанцироваться.

Кризис евро, островной спор в Юго-Восточной Азии и украинский конфликт настолько различаются причинами, действующими лицами и всем ходом событий, что возникает вопрос, в чем суть не в меру частых отсылок к июльскому кризису 1914 года. Конечно, сравнения отчасти вызваны желанием утрировать и выдвинуть тезис пооригинальней, однако напрашивается предположение, что спустя 70 лет после Второй мировой войны страх перед новой крупной войной поразительно распространен и что многие наблюдатели не доверяют даже миру в Европейском Союзе. Президент Германии Йоахим Гаук недавно выразил эти настроения, заметив в журнале «Шпигель», что ситуация на старом континенте слишком спокойна, чтобы снова

рассматривать военные сценарии, но что, как показал балканский пример, и в мирное десятилетие могут внезапно включиться архаические механизмы ненависти. Подобные высказывания типа «да, но...» в последнее время нередко можно было услышать и прочесть.

Возможно, на рост тревожных настроений повлияли также результаты исторических исследований, показавших, что мир уже сто лет назад был глобализован. Действительно, до 1914 года процветала межконтинентальная торговля. Немцы носили куртки из индийского хлопка и пили кофе из Центральной Америки. Они работали парикмахерами в Лондоне, пекарями в Санкт-Петербурге или прислужой в Париже, в то время как в шахтах западной Германии трудились поляки. Тот, кто мог это себе позволить, путешествовал по Европе, причем без паспорта. Профессора вели переписку с коллегами из Оксфорда или Сорбонны по-английски или по-французски. Это сходство с современной ситуацией почти неизбежно вызывает вопрос о том, возможна ли в XXI веке политическая эскалация, как в 1914 году.

Современные комментаторы событий продолжают давнюю традицию. Уже многие представители военного поколения, в особенности в странах-победительницах Франции и Великобритании, задавались вопросом, как стала возможной война, унесшая миллионы жизней, и как предотвратить новые столкновения. Британские государственные деятели 1930-х, проводя политику умиротворения, пытались тем самым избежать повторения ошибок 1914 года — так, как они им тогда представлялись. Впоследствии это оказалось трагическим заблуждением, поскольку политика умиротворения только убедила Гитлера в действенности его курса на экспансию.

Следующее поколение снова обратилось к июлю 1914 года. «Холодная война» была в разгаре, и как минимум во время карибского кризиса 1962 года противостояние сверхдержав США и СССР грозило закончиться ядерным поединком. Президент США Джон Ф. Кеннеди читал книгу Барбары Такман «Август 1914», в которой американская исследовательница описала ошибки и просчеты европейских государственных деятелей, приведшие старый континент к катастрофе. Труд Такман произвел глубокое впечатление на Кеннеди и, по словам брата Кеннеди Роберта, отчасти вдохновил попытки президента во время карибского кризиса понять Никиту Хрущева и дать ему возможность выйти из ситуации, сохранив лицо.

Еще одно поколение спустя — в Бонне правила социально-либеральная коалиция во главе с канцлером Гельмутом Шмидтом — июльский кризис снова был у всех на устах. Шел 1980 год. Незадолго до этого советские войска вступили в Афганистан, в то же время обострились отношения между США и Ираном, и казалось, что при-

ближается столкновение сверхдержав на Ближнем Востоке. В этой ситуации канцлер Шмидт сравнил взрывоопасность положения с 1914 годом, когда после Сараевского убийства разразилась Первая мировая война. Шмидт призвал сверхдержавы лучше управлять кризисными ситуациями, что вызвало широкий отклик в СМИ. В журнале «Шпигель» вышла заглавная статья с фразой: «Как в августе 1914 года? Страх перед великой войной».

Этот небольшой экскурс в историю XX века показывает, что июльский кризис не только в последнее время используется для сопоставления с весьма различными политическими осложнениями. Логично предположить, что причины этого кроются и в самой природе июльского кризиса, допускающего различные толкования. Кларк, как и другие историки до него, показал, насколько запутанным был ход исторических событий.

Однако в 231 статье Версальского договора 1919 года вина за начало войны в простых словах была целиком возложена на Германию. Автором этой «оговорки о виновности в войне» был юрист Джон Фостер Даллас, впоследствии министр иностранных дел США. Этой статьей Даллас хотел юридически обосновать масштабные репарационные требования союзников. Он не собирался задавать вопрос о том, кто в действительности нес ответственность за развязывание мировой войны. Впоследствии Даллас признал, что, видимо, не учел всех последствий.

В Германии 231 статья привела к тому, что дебаты о причинах и следствиях июльского кризиса приобрели колоссальную политическую нагрузку. Германские историки видели свою главную задачу в опровержении «лживого версальского обвинения», что гарантировало горячее одобрение общественности. Многие немцы с трудом выносили мысль, что все принесенные ими жертвы ввиду поражения стали не только напрасными, но еще и преступными.

После Второй мировой войны политическое переосмысление дебатов об июльском кризисе и начале войны 1914 года продолжалось, однако уже в ином ключе. Во время Первой мировой военные действия почти не велись на немецкой территории, за исключением кратковременной оккупации Восточной Пруссии Россией. В ходе Второй мировой войны немцы сначала пережили бомбардировки, затем завоевание, оккупацию и, наконец, раздел страны. По разным подсчетам, потери Германии во Второй мировой были вдвое или втрое больше, чем в Первой. Если после окончания Первой мировой войны Берлину пришлось отдать шестую часть территории Рейха, то в 1945 году Германия потеряла треть земель. При этом после 1918 года немцы могли и дальше жить на отделенных территориях, а

Вторая мировая закончилась бегством и переселением около 12 миллионов. Кроме того, немцы не только желали войны и начали ее, но и вели военные действия беспрецедентно преступными методами, убивая миллионы евреев и славян на оккупированных территориях.

Если Первая мировая война была «изначальной катастрофой» XX века (Джордж Ф. Кеннан), то Вторая мировая стала главной катастрофой немецкой истории. Поэтому неудивительно, что поиск причин прихода к власти Гитлера вскоре вытеснил на периферию дебаты о Первой мировой и ее предыстории. Один за другим западногерманские историки отказывались от национально-апологетических позиций межвоенного периода. Первым был профессор Гамбургского университета Фритц Фишер, чья книга «Рывок к мировому господству» в 1961 году стала бестселлером. На основании обширных архивных исследований Фишер сделал вывод, что руководство Германской империи несло «значительную часть ответственности за начало всеобщей войны» в 1914 году. В то же время он обозначил возможность преемственности внешней политики между Германской империей и Третьим рейхом, чем поставил под вопрос распространенное представление о том, что Гитлер был «несчастливым случаем» немецкой истории.

Утверждения Фишера вызвали, вероятно, один из самых острых исторических споров в Германии. Главный оппонент Фишера Герхард Риттер говорил о «национальном несчастье», которое Фишер навлекает на Германию, а тогдашнее правительство даже попыталось препятствовать распространению его тезисов. Эта реакция была вызвана также опасением, что исследования Фишера могут принципиально дискредитировать немецкое национальное государство, созданное лишь за несколько десятилетий до Первой мировой войны, и тем самым легитимировать разделение Германии на ФРГ и ГДР.

Однако толкование так называемой школы Фишера одержало победу по крайней мере в широкой общественности. Тезисы Фишера вписывались в новые представления поколения 1968 года, которое настороженно относилось к таким понятиям, как «империя», «политика насилия» и «нация», а тем самым и к идее объединения Германии. Историк Имануэль Гайс писал в 1972 году, что из двух мировых войн вытекает необходимость «смириться со статусом малого государства в Европе». Общественные дебаты о Первой мировой войне впоследствии заметно утихли и почти полностью сменились дискуссиями о национал-социализме и холокосте. Казалось, что Первая мировая война предана забвению.

Тем большей неожиданностью стал интерес общественности, вызванный столетием войны, прежде всего успех книг Кларка и поли-

толога Херфрида Мюнклера («Великая война»), которые оказались в списках бестселлеров. Оба ученых не снимают вины с Германской империи, однако рассматривают также провальную политику других великих держав во время июльского кризиса, таким образом дистанцируясь от тезисов Фишера. Пока невозможно окончательно определить, насколько коммерческий успех связан с этим новым подходом.

Можно было бы предположить, что после 1990 года, когда вопрос легитимности германского национального государства уже не вызывает споров, дискуссии о Первой мировой войне в Германии могут вестись без политизации этой темы. Однако и через сто лет после начала Первой мировой война отбрасывает длинную тень. Так, Мюнклер делает из своих исследований откровенно политические выводы. Согласно его утверждению, ФРГ находится в плену у представления, что Германия была единственной виновницей войны. В этом контексте «едва ли можно вести ответственную политику в Европе». Такие ученые, как Зенке Найтцель и Доминик Гепперт, заходят еще дальше, ссылаясь на Кларка и Мюнклера и требуя отказаться от концепции европейской политики, предполагающей участие Германии в наднациональных структурах.

Время покажет, будут ли услышаны эти голоса в политическом пространстве. Пока на это не похоже. Министр иностранных дел Штайнмайер в официальных выступлениях интерпретировал труды Кларка и Мюнклера только как требование, обращенное к нему и его коллегам, помнить об ответственности, которая лежит на дипломатах.

Как бы то ни было, попытки использовать тему Первой мировой войны в политических целях ясно показывают одно: и сто лет спустя об историзации этого события говорить еще рано.

Андрей ЗУБОВ

ЧЕМУ И КОГО НАУЧИЛА ИСТОРИЯ XX ВЕКА

История учит тому, что ничему не учит, — это переименование слов Геродота ныне звучит очень часто. А между тем Геродот был правее современных журналистов. История действительно учит, беда только в том, что мы часто прогуливаем или забываем ее уроки.

Первая мировая война, столетие начала которой мы отмечаем ныне, преподавала несколько важнейших уроков и, казалось бы, закрепила их навечно морем крови, страданиями и гибелью многих миллионов людей. Но тогда, после 1918 г. ее уроки не были восприняты народами, хотя свидетельства были более чем очевидны. Каковы же они?

Во-первых, именно национализм, рожденный национальным романтизмом XIX века, привел к мировой войне в 1914 г., так как он полагал этносы особыми коллективными личностями, которым свойствен и рост, и рассвет, и упадок, и борьба за существование. Спенсер в Англии, Ратцель и Шпенглер в Германии, Леонтьев и Данилевский в России, и далеко не одни они, интеллектуально обосновывали эту позицию.

Но национальный эгоизм и честолюбие — и это во-вторых приводят не к национальному величию, а к национальной катастрофе. Принцип «Самопревозношение предшествует падению» стар как само человечество, но его крепко забыли культурные народы Европы в начале XX века. Германия жаждала установить свою гегемонию на континенте и при этом страшилась, что время работает против нее. Претензии Австрии были скромнее — удержать под своей властью распадающуюся империю, деструктивным элементом которой она не без оснований считала славянские народы, требовавшие национального равноправия с немцами и венграми или независимости от них. Чтобы не потерять Хорватию, Далмацию, Юлийскую Крайну (будущую Словению) и недавно аннексированную Боснию, Австрия стремилась подчинить независимые югославянские государства —

Сербию и Черногорию. К войне склонялась и Италия, но колебалась в выборе противника: ей хотелось и отторгнуть Савойю и Ниццу у Франции, и присоединить Тироль, Истрию и Далмацию от Австрии. Народам внушалось, что приращение территории, власть над другими государствами приведет людей к счастью. Это была, понятно, иллюзия, но существенно иное: практически все полагали в принципе возможным свое счастье за счет другого. То есть Европой овладели алчность и имморализм. Философы оправдывали такое состояние душ своих народов, говоря, что христианские ценности не распространяются на действия национальных организмов: «Если и есть мораль исторического процесса, то эта мораль несоизмерима с моралью индивидуальной», — писал, например, Николай Бердяев¹.

Только катастрофа мировой войны наглядно показала, что нет великих и малых народов, народов более или менее ценных. Каждый народ бесценен и каждый имеет право на жизнь и развитие. С этим принципом пришел в Европу на Версальский послевоенный конгресс американский президент, великий гуманист Вудро Вильсон. После мировой войны и Версаля Европа империй стала Европой национальных государств. Но национальные границы оказались условными. Несмотря на множество плебисцитов, то есть попыток учесть волю самих жителей той или иной местности, устойчивых политических границ не получилось, так как практически все народы неизбежно оставались разделенными.

Европа на высоком интеллектуальном уровне осознала те ошибки сознания, которые привели к трагедии 1914–18 гг. С этноса внимание мыслителей переместилось на человека как высшую ценность. Так думали французские христианские персоналисты круга Мунье, так полагали и немецкие экзистенциалисты — Ясперс и Хайдеггер. О центральном месте человека в истории твердо заявил великий английский мыслитель Тойнби. О том же не переставали говорить и русские философы: Бердяев, Федотов, Вышеславцев. Но народы жили идеями XIX столетия. Мировая война не исцелила ум среднего человека, но наполнила его или горькой жадной реванша, или эгоистичным желанием сохранить благоприятный для тебя status quo. Все зависело только от того, в каком ты стане — победителей или побежденных.

Принцип нации-организма привел к жизни тоталитарные режимы: как коммунистический в России, где ряд общественных групп

¹ Цит. по: Прот. Г. Флоровский. Пути русского богословия. Париж. IMCA-Press, 1988. С. 498.

был объявлен паразитами (то есть чуждыми и вредными для организма сущностями, подлежащими ликвидации), так и фашистско-нацистские, где нация воспринималась как целое, за исключением национал-предателей, но волевым центром всех соплеменников объявлялся один — фюрер, вождь, глава. Истреблению и покорению тут подлежали низшие расы и вредные народы.

Понятно, что такой строй массовых идей, помноженный на чувство униженности побежденных (немцы), разочарованности части победителей (итальянцы), мессианизм провозвестников грядущего бесклассового общества (коммунисты-интернационалисты) и несоответствие политических границ национальным, через два десятилетия после Компьена привел к новой, еще более страшной мировой войне.

Мирное урегулирование после 1945 г. на западе и востоке Европы различалось принципиально. Западные страны антигитлеровской коалиции учли печальный опыт Версальского мира и построили отношения победителей и побежденных на совершенно новых, доселе небывалых принципах.

Во-первых, это был мир без аннексий. Западные границы Германии и Италии и северная граница Германии в Ютландии остались точно такими, какими они были до начала гитлеровской экспансии в марте 1938 г. Некоторые колебания были в отношении Саара, который то хотели присоединить к Франции, то объявить независимым. Но выраженная на референдуме 1955 г. воля населения этой маленькой области воссоединила и ее с Германией. Незыблемость границ привела к сохранению зон расселения народов. Никаких принудительных перемещений населения в Западной Европе не было.

Во-вторых, это был мир без разрушительных репараций. Если Версальский договор предусматривал колоссальные репарации в пользу победителей в размере примерно 100 тысяч тонн золота (впоследствии они неоднократно и существенно сокращались, но полностью были выплачены Германией только в 2010 г.), то своим правом на репарации западные члены антигитлеровской коалиции не воспользовались. Напротив, поверженной Германии, разрушенной Австрии и обнищавшей Италии была оказана колоссальная помощь со стороны США для скорейшего восстановления народного хозяйства. Наравне с европейскими странами-победительницами и потерпевшие поражение страны Оси были охвачены с 1948 г. планом Маршалла.

В-третьих, огромное внимание было уделено духовному состоянию переживших тоталитаризм народов Германии, Австрии и Италии. Последовательно проводилась денацификация и дефашиза-

ция сознания. Либеральные ценности западных союзников по антигитлеровской коалиции через систему образования и культуры были постепенно, но настойчиво внедрены в сознание бывших тоталитарных государств Западной Европы. В этом оккупационным властям очень помогали те немцы, итальянцы, австрийцы, которые сами были чужды и враждебны тоталитаризму. В большой степени это были деятели христианской демократии, такие как Аденауэр и Эрхард в Германии, Андреотти и Доссети в Италии. Искаженное тоталитаризмом массовое сознание исцелилось примерно за 40–50 лет.

Изменения сознания позволили постепенно, но в историческом плане быстро интегрировать побежденные страны Оси на равных во все европейские и атлантические экономические и оборонные структуры — Европейский союз угля и стали, Общий Рынок, Европейский Союз и в НАТО. Эти новые решения создали то, чего никогда не было в Европе, — свободный союз государств с объединенными политическими, экономическими и военными структурами от Ирландии до Финляндии и от Норвегии до Кипра и Мальты. Война ушла из объединенной Европы. На востоке Европы путь был иным после 1945 г. Это был классический путь обессиливания побежденных, путь, по которому Европа пошла в Версале и который привел ее через двадцать лет ко Второй мировой войне.

После 1945 г. на востоке Европы имело место следующее:

– Тотальный передел границ. Причем не только от побежденных к победителям отходили территории, но даже одни победители отбирали земли у других победителей или жертв гитлеровской агрессии. Так, Польша лишилась восточной половины своей территории в границах 1939 г., Чехословакия — Подкарпатской Руси.

– Передел границ соединился с массовым принудительным перемещением населения. Все немцы из СССР (Восточная Пруссия), Польши, Чехословакии, Венгрии, Югославии принуждались к переселению в Германию и Австрию с оставлением имущества в тех странах, откуда их изгоняли. Кому-то удалось уклониться от депортации, но таковых было очень немного. Поляки массово выселялись из СССР в Польшу, украинцы — из Польши в СССР. Люди бросали не только дома отцов, но и могилы предков. Это был крайне болезненный процесс, связанный со многими жестокостями и насилиями. Такого не было в Европе и после Версальского мира. Но и этого было мало. СССР оставил у себя до 1956–58 гг. военнопленных, число которых составляло 3,4 млн человек. Эти военнопленные использовались в качестве рабской рабочей силы и массово погибали. Кроме того, в 1944–47 гг. из Центральной и Восточной Европы в СССР в качестве бесплатной рабочей силы было принудительно вывезено

284 тысячи немцев, 60 тысяч румын, 56 тысяч финнов. Многие из них умерли в советской неволе, к тому времени, когда во второй половине 1950-х гг. их стали отпускать обратно на родину. К этому следует добавить и страшную жестокость солдат Красной Армии к гражданскому населению оккупированных и «освобожденных» государств — изнасилования женщин, убийства, грабежи.

— Репарации из советских зон оккупации были колоссальны. По данным главного Трофейного управления, только из Германии в СССР было вывезено около 400 тысяч вагонов государственных «трофеев», в том числе оборудование почти трех тысяч заводов и сотни электростанций. В закромах СССР исчезли золотые запасы многих оккупированных государств, а советская элита присвоила себе 60 тысяч роялей, 265 тысяч настенных и настольных часов, более миллиона пальто и около миллиона предметов мебели. До сего дня Германия полагает, что в СССР было незаконно вывезено и не возвращено около 200 тысяч музейных экспонатов, два миллиона книг, три километра архивных папок. Ограблены были и города Венгрии, Чехословакии, Польши, Австрии.

— Наконец, вместо детоталитаризации во всех странах советской зоны была осуществлена замена одной тоталитарной идеологии другой. Место фашизма и нацизма занял коммунизм, внедрявшийся с исключительной свирепостью и насилием. Несогласные при Сталине уничтожались, при Хрущеве и Брежневе изгонялись с работы или заключались в лагерь.

— Если на западе Европы строился союз разновеликих, но равноправных народов от Великобритании до Лихтенштейна, то на востоке Европы страны советского блока были не союзниками, но сателлитами, которым разрешалось лишь то, на что давала согласие Москва. Здесь действовал принцип ограниченного суверенитета, т. н. «доктрина Брежнева». СССР оставлял за собой право вмешиваться и менять режимы, которые не смогли удержать народы в повиновении коммунистам или потворствовали этому. В 1953 г. силой было подавлено недовольство немцев ГДР, в 1956 г. — венгров, в 1968 г. — чехов и словаков, в 1981 г. — поляков.

Понятно, что судьба двух частей Европы оказалась различной. Западная часть Европы всё больше спланировалась благодаря тем созидаемым принципам, которые были положены в её основание после 1945 г. и которые явились следствием правильных выводов из двух европейских войн XX века и ошибок версальского замирения. Восточная часть Европы грезилась уйти от СССР на Запад, и только сила советской военно-карательной машины удерживала страны Варшавского договора и СЭВ в орбите Кремля. Когда в 1989–91 гг.

СССР стал стремительно разрушаться, все его восточноевропейские союзники устремились в западноевропейские союзы. Вместе с ними в Европу ушли и Балтийские «республики» СССР — Эстония, Латвия, Литва.

К этим восточноевропейским государствам были применены те же принципы, что после 1945 г. применялись на Западе: никакого передела границ (возможно только разделение на части многонациональных государств, на практике Югославии и Чехословакии); экономическая помощь; равноправие со «старой Европой»; уважение всех этнических и религиозных особенностей вновь принимаемых в Европу народов (так, после включения Эстонии в зону евро на новых купюрах эмиссии 2013 г. появились кириллические надписи из уважения в русскоязычному населению этой маленькой страны). Обязательным моментом интеграции в Европу стала и детоталитаризация сознания восточноевропейских народов. Коммунистические режимы были объявлены преступными, их деяния, противоречащие принципам свободы и достоинства личности, юридически ничтожными, борцы с коммунизмом и жертвы тоталитарных режимов стали героями, а деятели этих режимов подверглись моральному осуждению. От восточноевропейских обществ требовалось создание демократических политических систем, внедрение местного самоуправления, независимых судов, возвращение отторгнутой при коммунистах собственности и свобода хозяйственной деятельности, примат прав человека над правами государства.

За два десятилетия этот новый виток европейской интеграции принес свои хорошие плоды. Теперь начинается третий виток: в европейскую интеграцию включаются страны бывшего СССР. Лидеры среди них — Грузия, Молдавия и Украина. Нынешние правители Российской Федерации рассматривают эту третью фазу интеграции как ущерб России. Думаю, они глубоко заблуждаются. И чем быстрее сама Россия осознает Европу не как альтернативу себе, а как свою собственную цель интеграции, тем будет лучше и для России, и для окружающих её стран — частей бывшего СССР. Только после включения в Европу на тех же принципах 1945 и 1990 года всего постсоветского пространства процесс, начатый на западе Европы в 1945 г., можно будет считать благополучно завершённым, а войну — надёжно исключённой из реалий европейской жизни. Тогда уроки Первой мировой войны и Версаля можно будет считать хорошо усвоенными всеми народами нашего континента.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дитрих Байрау — историк, специалист по российской истории и истории войн в XX веке, до 2007 года руководил Институтом Восточноевропейской истории университета Тюбингена.

Клаус Вигрефе — сотрудник и редактор отдела современной истории журнала «Шпигель» (Германия).

Вера Дубина — референт по вопросам истории и гражданского общества фонда им Фридриха Эберга, Москва. Доцент программы «Public History» Московской высшей школы социальных наук (МВШСН) Теодора Шанина.

Андрей Зубов — историк, религиовед. Доктор исторических наук и профессор МГИМО до 30 июня 2014 г.

Йорн Леонхард — профессор западноевропейской истории университета Фрайбурга (Германия), автор монументального труда по истории Первой мировой войны «Ящик Пандоры: История Первой мировой войны».

Людмила Новикова — заместитель директора Центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий, ВШЭ Москва.

Кшиштоф Рухневич — директор Центра германских и европейских исследований имени Вилли Брандта при Вроцлавском университете (Польша).

Джованни Савино — старший научный сотрудник, ИПГИТ МГГУ им. Шолохова Ph. D., Университета Неаполя им. Фридриха II (Италия).

Эгберт Ян — политолог, специалист по современной истории и изучению движения за мир, почетный профессор Университета в Мангейме (Германия).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДИСКУССИЯ «ЧТО ПРИНЕСЛА РОССИИ И ЗАПАДУ ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА?»

(20 июня 2014, Москва)

В рамках международной конференции «**Война и мир»: Первая мировая война и ее влияние на развитие общественного порядка и демократии**»

Москва, 19–20 июня 2014

Участники:

Проф. Дитрих Байрау, историк, специалист по российской истории и истории войн в XX веке, до 2007 года руководил Институтом Восточноевропейской истории университета Тюбинген. (Д. Б.)

Проф. Йорн Леонард, профессор западноевропейской истории университета Фрайбурга, автор монументального труда по истории Первой мировой войны «Ящик Пандоры: История Первой мировой войны». (Й. Л.)

Проф. Александр Репников, доктор исторических наук, научный сотрудник Российского государственного архива социально-политической истории. (А. Р.)

Проф. Андрей Сорокин, кандидат исторических наук, директор Российского государственного архива социально-политической истории. (А. С.)

Проф. Эгберт Ян, политолог, специалист по современной истории и изучению движения за мир, почетный профессор Университета в Мангейме (Германия). (Э. Я.)

Модератор:

Вера Дубина, кандидат исторических наук, референт фонда им. Фридриха Эберта по вопросам истории и гражданского общества. (В. Д.)

В. Д. Добрый день! Рада приветствовать сегодня всех на нашей дискуссии, которая посвящена вопросу «Что мы вынесли из опыта Первой мировой войны». Начнем мы с вопроса, который нас всех волнует сегодня, — возможна ли в наше время война между крупными мировыми державами или это уже исключено после Первой и Второй

мировых войн? Этот юбилейный год вызвал активные дискуссии о 1914 году, в средствах массовой информации ни журналисты, ни аналитики часто не могут удержаться от сравнения современной политической ситуации с периодом перед Первой мировой войной. Проф. Ян в своем докладе во Франкфурте-на-Майне в 2012 году высказал следующее мнение:

С 1991 года опасность третьей мировой или ядерной войны заметно снизилась, но не полностью исчезла. Экономический, политический и военный подъем Народной республики Китай, в случае если коммунистическая партия надолго останется у власти, может привести к общественно-политическому конфликту между Востоком и Западом, то есть между авторитарными режимами различного рода и западными демократиями. В случае подобного конфликта в него окажутся втянутыми большинство стран мира, что создаст опасность третьей мировой войны.

Господин Ян, как вы сегодня оцениваете эту ситуацию и по-прежнему ли Вы думаете, что и сейчас еще возможен конфликт между мировыми державами?

Э. Я. В принципе я по-прежнему разделяю эту позицию: возможность третьей мировой войны снизилась с распадом Советского союза, но не полностью исчезла. До Первой мировой войны обсуждали возможный размах конфликта, и уже за три года до ее начала было ясно, что ее очагом станут Балканы. Если спекулировать сегодня на тему размаха третьей мировой войны, то я бы сказал, что ее очаг будет находиться не в Европе. Несмотря на кризис международных отношений из-за Украины и Крыма, здесь нет опасности мирового конфликта. Намного опаснее может оказаться конфликт в Кашмире, если обострится ситуация между атомными державами Индией и Пакистаном, тогда крупные мировые державы не смогут сохранить нейтралитет. Потому кашмирский конфликт может сейчас, как и раньше, привести к третьей мировой войне.

Другим очагом может стать конфликт вокруг островов в Китайском море. Представим себе, что между Японией и Китаем начнется вооруженный конфликт из-за этих необитаемых территорий, тогда США выступят на стороне Китая. В этом случае вполне вероятно, что такой конфликт приведет к третьей мировой войне. Есть и другие возможные очаги, но, по моему мнению, потенциал конфликта между мировыми державами в других регионах, например на ближнем и среднем Востоке гораздо ниже, чем в двух предыдущих случаях, хотя и не исключает такой возможности.

По сравнению с эпохой до Первой мировой войны, сейчас нам понятно, какие последствия и какой характер имеют мировые войны. Мы можем с уверенностью предполагать: мировым атомным державам понятно, что характер третьей мировой войны будет отличаться

от Первой. Потому мы можем надеяться, что политическое руководство возможных стран – участниц такого противостояния будет вести себя также умно, как советское и американское правительство в период Карибского кризиса в 1962 году. Как Хрущеву, так и Кеннеди было ясно, что речь идет не о судьбах 10 миллионов, а о 200 миллионов или даже о 800 миллионов людей. Будем надеется, что руководство Индии, Пакистана или Китая также понимают какие риски несет в себе третья мировая война.

В. Д. Значит, не будет третьей мировой войны?

Э. Я. Третья мировая война куда менее вероятна, но возможна.

В. Д. Андрей Константинович, вопрос к Вам как к директору архива и специалисту по этому периоду, согласны ли Вы с господином Яном, что по-прежнему сохраняется возможность третьей мировой войны?

А. С. Да, я согласен с этим тезисом, возможность мировой войны в наше время не исчерпана, я также согласен с тезисом, что возможность эта уменьшилась. Я только не соглашусь с тем, что она уменьшилась с распадом Советского союза и не вижу в этом основного фактора снижения этой угрозы. Уменьшение опасности мировой войны я связываю с формированием системы коллективной безопасности, с образованием Лиги наций в межвоенный период, с образованием Организации Объединенных Наций сразу после Второй мировой войны. Выступление проф. Яна как раз подтверждает мой тезис в отношении роли распада Советского союза для коллективной безопасности: проанализировав гипотетическую возможность возникновения военного конфликта между Китаем и Японией, проф. Ян упомянул в качестве безусловной реакции военное вмешательство США на одной из сторон и не упомянул возможное вмешательство тех коллективных систем безопасности, о которых говорю сейчас я.

До тех пор пока мы будем мыслить в парадигмах холодной войны, победителя и мирового жандарма – будь то Советский союз, США, – которые единолично решают возможность начала такого рода конфликтов, до тех пор возможность мировых войн будет только увеличиваться. Я связываю возможности снижения рисков мирового конфликта только с развитием системы коллективной безопасности, опыт функционирования которой дает основание для осторожного оптимизма. Хотел бы сказать еще, в чем я вижу причины возникновения мирового конфликта.

С течением времени ценности, господствующие в определенном социуме, обнаруживают тенденцию к невилляции. Процесс глобализации, на который многие из нас возлагали свои надежды, в качестве фактора снижения риска мировых конфликтов, привел к обратному эффекту. Традиционные общества скорее отторгают, чем принимают

этот процесс, и именно в этом отношении традиционные общества оказываются под наибольшим давлением со стороны мировых глобализаторов. Это принципиальная ошибка политических элит, продвигающих процесс глобализации. Еще одним фактором риска мирового конфликта является отставание политических элит в своем развитии от интеллектуальных элит, которые сегодня живут и работают в разных странах. Язык науки по-прежнему недоступен большинству политиков. Мы видим массу примеров в современной политической ситуации, которые демонстрируют – не побоюсь слова – «политический дебилизм», политических элит очень многих стран мира. Это и есть тот фактор, который внушает самые серьезные опасения при ответе на вопрос о возможности мирового глобального конфликта в наши дни.

В. Д. Спасибо большое, Андрей Константинович. Вы затронули очень важную тему, связь между возможным глобальным конфликтом и вопросом национального государства. Мы к этому обязательно вернемся, среди участников есть большой специалист по этому вопросу – господин Леонард. Нам стоит ответить на вопрос, в чем разница между восприятием Первой мировой войны сейчас в России и на Западе? Если мы взглянем на фильмы ВВС, то, как шутят в Германии, – «ВВС siegen jeden Tag ein Mal in Film». Там снимают массу фильмов о Первой мировой войне и коммеморация этой войны идет полным ходом, чего не скажешь про Россию. Господин Байрау, это вопрос скорее к Вам – в чем разница восприятия Первой мировой войны на Западе и в России?

Д. Б. В России, как и в Германии, Первая мировая война была надолго забыта. Только к столетней годовщине ее начала благодаря книге австралийца Кристофера Кларка эта тема получила в Германии широкий резонанс, возможно потому, что автор заново поднял вопрос вины. В Версальском мирном договоре Германия была объявлена виновницей Первой мировой войны. Почти в традициях Ллойд Джорджа Кларк заявляет, что виновниками войны являются многие страны, чьи правительства «как во сне» втягивались в этот конфликт. Есть еще англоязычный автор, работающий в Турции, который выдвинул тезис о «русских истоках Первой мировой войны». Смысл тезиса сводится к следующему: Россия ради Балкан, ради Истанбула (Константинополя) инициировала эту войну и потому разделяет с Турцией ответственность за геноцид армян, потому как вроде бы подстрекала их к выступлению против османского правительства. Подобные дискуссии снова поднимают, на мой взгляд, уже давно решенный вопрос вины за эту войну. Но будет ли он иметь широкий общественный резонанс, как и в период между мировыми войнами, –

уже другой вопрос. Современное молодое поколение занято уже другими проблемами.

В общем и целом можно сказать, что для России, как и для Германии, Первая мировая война никогда не была важной темой, если сравнивать с Великобританией, Францией или Бельгией. Непосредственные жертвы этой войны — Франция и Бельгия, сильно пострадали от германской оккупации. Бельгия пережила наиболее brutальную оккупацию, потому места боев Верден, Шемен де Дам, Иперн теперь места паломничества, преимущественно со стороны англичан. На месте памяти боев в городе Иперн, а память о них каждый день трубач играет на трубе, а группы английских школьников возлагают там цветы. Это есть пример патриотического воспитания на британский манер.

Раньше я посмеивался над тем, как празднуется победа во Второй мировой войне в СССР, теперь я вижу, что это была вовсе не советская специфика — в Великобритании память о Первой мировой обставлена с подобной же помпезностью. В Германии нет ничего сравнимого с этим по масштабу, но есть значительное количество памятников Первой мировой, и их можно встретить повсюду. Это не были памятники героям, а скорее фигуры скорбящих о погибших. После Второй мировой войны к ним добавились новые имена погибших — павшие солдаты и жертвы национал-социалистического режима.

Это все что я хотел сказать в отношении разного восприятия и памяти о Первой мировой войне. Инициатива научного анализа, поднявшего новые методологические вопросы в отношении изучения этой войны, исходила из Великобритании и Франции, что было перенято Германией и некоторыми другими странами. Прежде всего, это новые для историографии вопросы: как солдаты переносили эту войну? Какую роль играл патриотизм, каковы были мотивы переносить стрессы, страхи, смерти? Это, конечно, общие вопросы, которые относятся не только специфически к Первой мировой, но и к другим войнам.

В. Д. То есть, Первая мировая война более нашла свое «место памяти» в Великобритании, тогда как в России это место заняла Вторая мировая война. Это не объясняет — или, может быть, наоборот объясняет, как мы попытаемся выяснить в дальнейшей дискуссии, — различие в отношении к защите мира в разных странах. Из того, что говорили проф. Ян и проф. Сорокин, можно заключить, что мнения сходятся в том, что в нынешней политической ситуации нам необходимо быть обеспокоенными тем, чтобы не случилось еще одного мирового конфликта, хотя и исходят здесь из разной аргументации. И основана она не на том, что у русских и немцев разное восприятие Первой мировой войны, а скорее в том, о чем вчера говорил господин Леонард, — о вопросе мышления в национальных категориях, которые не совпада-

ют со стремлением сохранять мир. Потому как нельзя тут остаться в рамках национального государства, потому как они никакие не национальные на самом деле, а многонациональные. В результате Первой мировой войны многие малые национальности сильно пострадали. Получается, что национальная идея и попытка сохранения мира после Первой мировой войны оказались несочетаемыми вещами? То есть это такое *contradictio in adjecto*?

Й. Л. Первая мировая война породила надежду, что эта война положит конец военным конфликтам. В письмах с западного фронта в 1917 году солдаты пишут о том, что только потому продолжают участвовать в этой ужасной войне, что после того как эта тотальная война окончится, больше не будет других войн. На политику Вудро Вильсона возлагали большие надежды, предполагая, что он сможет соединить демократический принцип национального самоопределения и принцип новой системы коллективной безопасности, достигаемый при помощи международных организаций. Однако после 1918 года стало очень быстро заметно, что воплощение принципа национального самоопределения оказалось весьма затруднительным.

Прежде всего, встает вопрос критериев принадлежности к определенной нации — если посмотреть, например, на конфликт между Грецией и Турцией. Если мы спросим коренного жителя северной Греции: «Ты турок или грек?», — то ответ обычно: «Я тутошний и хочу тут остаться». Таким образом, после 1918 мы имеем дело с критериями национальной принадлежности, которые, по большей части, не отвечают сложности реальной ситуации. Хотя на месте мультиэтнических империй — Габсбургской монархии, Российской и Османской империй — появились национальные государства, но государства эти были созданы на очень подвижных основаниях. Национальный вопрос приобрел по сравнению с 1914 годом совершенно иной статус: если до того это была проблема империй, то впоследствии многие новые национальные государства стали государствами одной нации, часто с очень сомнительной системой защиты прав национальных меньшинств. Отдельно взятый вопрос меньшинств, еще не основание для конфликта, но в комбинации с многими другими последствиями войны он становится серьезной проблемой межвоенного времени. Взять хотя бы пример с Судетскими немцами в Чехословакии. Таким образом, из структуры национальных государств в любой могут образоваться политические кризисы. Эта огромная проблема — результат 1918 года.

Первая мировая война привела к необыкновенной глобализации прежде всего экономики и финансов. Реакцией на эти формы глобализации (например система репараций) стал по большей части результат новой системы взаимоотношений национальных государств.

Вследствие этого можно после войны наблюдать возвращение к национальному, даже националистическому мышлению в политике. Наглядный пример — активное участие США в финансовой и экономической деятельности и огромная дистанция в отношении политической жизни Европы. Совсем иначе обстояли дела в отношениях Европы и США после 1945 года. Это различие экономических и политических процессов глобализации стало серьезной проблемой межвоенного периода.

И последнее: Первая мировая война не привела к запрету на войну и насилие в международных отношениях. Война остается одним из средств, особенно если есть необходимость пересмотреть результаты мирного договора. Первый пример — Турция, успешно ревизовавшая результаты Парижского мирного договора насильственным способом, ее примеру последовали и другие страны — например, Япония в 1920-е годы. Против этого подхода к пересмотру мирного договора, в конечном счете, и система коллективной безопасности Лиги наций не могла представить сколько-нибудь серьезной альтернативы. Даже если после 1918 года можно говорить о серьезных достижениях в рамках международного сотрудничества — решение вопросов беженцев, международные организации по защите труда, — международное единение было далеко не так значительно, как возрождение национальной политики в большинстве государств после 1918 года.

В. Д. Можно ли наблюдать подобные процессы и после Второй мировой войны?

Й. Л. Я думаю, что отличие состоит в том, что после Второй мировой войны мы располагаем двумя травматическими последствиями. После 1945 года США знали, что не могут выйти из политической жизни Европы, как они это сделали после 1918 года, потому как это противоречило их экономическому и финансовому господству. Потому, конечно, результаты Первой и Второй мировых войн в этом значительно отличаются. ООН строила свою политику после 1945 года исходя из опыта проблем 1918 года. Это, конечно, не могло решить всех новых проблем, но после 1918 года у международного сообщества было гораздо меньше опыта по превращению военных отношений в мирные между странами, и это говорит о серьезном отличии политических последствий обеих войн.

В. Д. Здесь речь идет о том, что мышление в национальных рамках привело после Первой мировой войны к геноциду и увеличению войн. Тогда встает вопрос к господину Сорокину: в связи с тем, что вы говорили прежде, как же нам тогда сохранить мир. Мы живем по-прежнему в контексте отношений, сложившихся после Первой мировой войны, если мы включаем память об этой войне как часть нашей национальной идентичности, о чем Вы говорили в одном из своих интервью. Нет ли тут противоречия, на Ваш взгляд, как тогда сочетать национальное мышление с заботой о мире?

А. С. Прежде всего, надо сказать о тезисе, что историческое прошлое имеет отношение к нашим сегодняшним реалиям. Вчера была речь о том, что Первая мировая война не имеет отношения к тем вызовам, с которыми сталкиваются современные государства. Аналогичный тезис звучал в дискуссии российских и французских интеллектуалов, в которой мне пришлось участвовать. В ней он прозвучал с российской стороны, а вчера я услышал его в аргументации германской стороны. Мне кажется, это глубокое заблуждение. Не только повестка 1991 года для России и всего мира не исчерпана до сих пор, не исчерпана даже повестка 1917 года. И чем мы лучше будем это понимать, тем проще будет искать решения. И это вполне соответствует тому, что говорил коллега, с которым я полностью согласен. Все, что происходит сегодня на посткоммунистическом пространстве, напрямую связано с процессом формирования национальных государств, незавершенным после Первой мировой войны. И Украина представляет тут наиболее яркий пример. Именно потому, что это государство в 1918 году было создано в искусственных границах и этно-национальный принцип, который создатели хотели положить в его основу, не был проведен в жизнь до конца. СССР и США выступили в качестве гарантов этого произвольно созданного государства, и сегодня мы имеем проблемы с Украиной именно по этой причине. Я связываю эти проблемы Украины прежде всего с двумя Брестскими договорами. Советская Россия несет тут даже большую ответственность, потому как положенные в основу этого произвольного государства принципы нашли свое продолжение в советской политике 1920-х и 1930-х гг., чтобы удержать Украину в составе многонационального государства. Эта политика имела свои изъяны, о которых нужно говорить отдельно. И мы имеем сегодня дело с пространством, возникшим на месте континентальных империй после Первой мировой войны. И нам необходимо найти решение этих проблем на том пути, о котором говорил уважаемый коллега, — обеспечения прав национальных меньшинств. И тут должна наконец заработать система коллективной безопасности.

В. Д. Означает ли это, что наша коллективная безопасность зависит от осознания проблем, которые мир получил после Первой мировой войны?

А. С. Нет, не правильно. Проблемы Первой мировой только маленькая часть исторических реалий, с которыми мы сейчас имеем дело. И нужно видеть многие исторические контексты. Если мы увлечемся только периодом Первой мировой войны, это нас заведет так же далеко, как и попытка игнорировать исторические реалии этого периода.

В. Д. Эта ремарка возвращает нас обратно к вопросу о разном переживании опыта Первой мировой войны в России и странах Запада. Господин Байрау говорил уж о разнице в памяти о войне в западных

странах, и мы говорили уже, что в России Первую мировую совсем затмила Вторая, вместе с проблемами после 1918, о которых говорили сейчас господин Сорокин и господин Леонард. Господин Репников, вопрос к Вам как к специалисту по отечественной истории этого периода, что осталось от Первой мировой войны в памяти Российского общества?

А. Р. Я бы хотел сначала сказать о вине и памяти. Есть международные документы, где зафиксировано, кто признан агрессором, а кто жертвой войны. Однако эти роли постоянно переосмысляются в разных странах. Если бы здесь присутствовали представители Сербии, то у них был бы свой взгляд, так же как, возможно, от нашей позиции отличался бы взгляд британцев, не говоря уже о Японии и Китае. В японских учебниках трактовка событий Первой мировой сильно отличается от того, к чему привыкли мы. Потому тут вопрос не столько в вине, сколько в памяти. В Европе эта память сохранилась — в любом европейском городе мы обязательно увидим памятники, памятные доски — эта память там сохраняется десятилетиями. В силу трагических обстоятельств гражданской войны Россия вышла из войны посредством Брестского мира, который с самого начала получил две противоположные оценки. Первая — Россия была истощена революцией и в буквальном смысле слова истощена голодом, потому большевики сделали то, что было необходимо сделать, взяв на себя ответственность за Брестский мир. Вторая точка зрения исходила из эмигрантских кругов и нашла свое отражение в статьях белогвардейских публицистов, например В. Шульгина, которые считали Брестский мир предательством и платой большевиков Германии за ее помощь к их восхождению к власти. События Первой мировой с самого начала по-разному оценивались со стороны «красных» и «белых», откуда эти оценки перешли в мемуары и историографию.

За границей выходят воспоминания Деникина, Головина и много томный труд Керсновского, а в Советском союзе — Жукова, Буденного и других генералов, которые трактуют события через призму советской цензуры. Память о войне оказалась с самого начала расколота, поэтому в России музея войны так и не возникло, хотя в период противостояния идея такая высказывалась. Гражданская война уже послужила основанием для забвения памяти о Первой мировой войне. Потому сейчас у нас нет кладбищ, памятных мест, где бы специально были выделены люди, погибшие в этих сражениях.

В. Д. Вчера в докладе Джованни Савино упоминал о таком кладбище на Соколе в Москве.

А. Р. Да, это такое импровизированное кладбище, и это не место боевых действий. Если же проехать по местам боев, то памятных знаков мы там практически не увидим.

В. Д. Этот комментарий подводит нас к вопросу о роли большевиков и других социалистов, а также гражданской войны в оценке Первой мировой. Когда я училась в младшей школе, что было еще в советское время, Первая мировая рассматривалась на уроках как только прелюдия к гражданской войне. Вы уже коротко упоминали здесь о том, что большевиков обвиняли в предательстве страны, что они продались Германии. Похожие обвинения выдвигали и в отношении германских социалистов, — Веймарская республика как «ударом в спину» — “Dolchstoß Konzept”. Этот вопрос тогда, скорее, к господину Яну, в отношении вклада социалистов в Первую мировую войну.

Э. Я. Короткий комментарий к предыдущим выступлениям. Я не согласен с оценкой господина Сорокина в отношении коллективной безопасности. Она подразумевает, что если на нашего союзника напали, то мы должны предоставить ему военную помощь и тем самым вступить в конфликт. Эта система применялась после 1945 г. дважды — когда Северная Корея напала на Южную и когда Ирак напал на Кувейт. Однако система коллективной безопасности функционирует только при условии, что агрессорами выступают небольшие государства. Если агрессор — мировая держава, как, например, США в войне 2003 года против Ирака, то применение системы коллективной безопасности повлечет за собой мировую войну. В случае агрессии Японии, Италии или Германии в межвоенное время и после 1945 г. система коллективной безопасности не работала. Также она не будет работать и в будущем, потому как коллективная безопасность превращает любую войну в мировой конфликт.

В. Д. Господин Сорокин, хотите ли Вы ответить? Правильно Вас поняли или нет?

А. С. Господин Ян, собственно, только подтверждает мою мысль. До тех пор пока коллективная безопасность будет существовать отдельно в юридической терминологии международного права, а в практике жизнь государств будет строиться не в соответствии с этим, то до тех пор любой конфликт будет чреват глобальными войнами. Вопрос о том, как одно привести в соответствие в другим, как раз и является ключевым. Международным правом пренебрегают не одно или два государства, а гораздо больше, в тех случаях и по тем поводам, которые они в одностороннем порядке считают для себя возможными. Действительно, система коллективной безопасности и международное право не всегда в состоянии справиться с этими вызовами. Но этот путь нужно искать, другого способа у нас нет.

Э. Я. Вернемся к вашему вопросу, госпожа Дубина. Все ответвления социалистического движения в 1914 году были едины в одном: войну может предотвратить только переход к социалистическому обществу. Но их проблемой было то, что война началась еще при ка-

питалистическом порядке и они не знали как на это реагировать, и тут разные фракции разошлись во мнениях. 1914 год показал, что социалистическое движение было не в состоянии вместе противостоять вызовам войны и потому оно развалилось непосредственно перед ее началом на разные национальные фронты. Но фронт проходил одновременно и по линии между левыми и правыми. Те же, кто в 1914 году вместе участвовали в антивоенных протестах, после войны начали гражданскую войну друг с другом.

Таким образом, социалистическое движение не только было не в состоянии дать ответ в решении военных проблем, но и не в состоянии справиться со своими внутренними противоречиями. В Германии социалистов упрекали в том, что они способствовали поражению Германии в войне, так сказать, ударили кинжалом в спину (“Dolchstoß”) непобедимой германской армии. Это, разумеется, легенда, поскольку капитулировали не социал-демократы, а руководства Вермахта. Эта легенда являлась идеологической инструментализацией неудачи в войне не только против социал-демократов и коммунистов, но и против либералов, а более всего против еврейского населения, потому что могла возбудить какой-либо серьезной дискуссии.

Серьезно обсуждался раскол партии на большевиков и меньшевиков как фактор, способствовавший ослаблению рабочего движения и его бессилию против нарождавшегося фашизма в Италии и потом в Германии. В основе этой дискуссии лежит предположение, что социал-демократическое и коммунистическое движения были бы в состоянии предотвратить фашизм. Вследствие этого в восприятии некоторых групп раскол социал-демократов и коммунистов в ответе за победу фашизма. Это, несомненно, серьезный момент, показывающий неспособность социализма в любых его проявлениях внести эффективный вклад в устойчивое сохранение мира на земле.

Коммунисты всего мира слишком быстро переключились на защиту интересов отчества, основываясь на убеждении, что СССР является прогрессивной формой социальной организации и потому коммунистическое движение пыталось превратить не только коммунистов западных стран, но и движение борьбы за мир в инструмент защиты интересов советского государства. Это не внесло сколько-нибудь серьезного вклада в дело поддержания мира на земле, который сохранялся иными способами.

В. Д. Можно ли то же самое сказать про Российскую часть социалистического движения? На этот вопрос лучше всех может ответить, наверное, господин Репников.

А. Р. Если исходит напрямую из тезиса господина Яна, то получается — хотя я, может, неправильно понял, — что большевики, внося раскол, тем самым способствовали победе фашизма в Италии, пото-

му что левые силы не смогли объединиться? То есть получается, что большевики еще и за фашизм в Италии отвечают.

Э. Я. Нет, они отвечают вместе с остальными.

А. Р. В отношении большевиков нужно сказать, что они тоже эволюционировали и идеи патриотизма, вольно или невольно, были ими восприняты. В меньшей степени это происходит в 1920-е годы, и здесь можно вспомнить советско-польскую войну и соответствующие лозунги, которые были озвучены Лениным. В большей степени идеи патриотизма использовались уже в 1930-е годы и далее в 1941–1945 гг. У нас готовится многотомная монография о национализме, начиная с XIX века и заканчивая 1991 г., в которой будет рассмотрено детально, почему так получилось, что большевики взяли на вооружение патриотическую идею и она вписывалась в советскую систему.

В. Д. То есть мы можем из общей нашей дискуссии сделать вывод, что Первая мировая война легла в основание новой политической системы, в которой мы сейчас живем, — и за Вторую мировую войну тоже отвечает и за дальнейшие.

Тогда в качестве итоговой дискуссии мы поднимем этот вопрос как ключевой ко всем участникам. Господин Байрау, сначала слово вам.

Д. Б. Сначала о роли национальных государств. В основных чертах Вторая мировая война подтвердила мировой порядок, установившийся после Первой, однако со значительными коррективами: Польша переместилась с Запада на Восток, Германия потеряла треть своих территорий, немецкие национальные меньшинства, за исключением Румынии, были выселены из восточной Европы. Благодаря иммиграции, практически все государства Запада обрели национальные меньшинства: турки, греки, итальянцы. На Востоке также есть еще немецкие, венгерские меньшинства и др. Заслугой Лиги Наций, как и послевоенного мирового порядка, будь то мир по-американски или мир по-советски, было уважение границ. Не важно, были ли это границы чисто национального государства или многонациональных образований, — это был хороший принцип, который в настоящий момент, к сожалению, нарушен Россией.

Другим важным результатом Первой мировой войны стало последовательное развитие социальных гарантий в Европе. Успехи различных государств в этом процессе отличаются: пенсионные гарантии были введены в Западной Европе уже в 1920-е годы, благодаря также и активному рабочему движению, потом в Восточной Европе, а после Второй мировой войны и в России. Это один из долгосрочных результатов Первой мировой войны для Европы в противоположность США, где эти проявления государства всеобщего благоденствия существуют только в рудиментарной форме.

Другой результат, правда, я тут не уверен, насколько он нашел применение в других странах, кроме Германии, — это «внутреннее разоружение», уже даже ко времени Холодной войны. Под «внутренним разоружением» понимается прекращение конструирования картины врага, а война не рассматривается как решение, хотя de facto и возможное, а за пределами Европы часто практикуемое. Национальная нетерпимость, несмотря на все предрассудки, сейчас значительно уменьшилась, посмотреть хотя бы на отношение Германии и Франции, Германии и Польши, Германии и СССР/России. Конфликт, подобный современному крымскому, 100 лет назад обернулся бы совершенно другими последствиями. Сейчас же мы наблюдаем стремление со всех сторон, чисто ли риторически или, может быть, реально, удержать его в границах небольшого противостояния. Я думаю, что это успех того, что в гражданском обществе называется «внутренним разоружением». Является ли это результатом Первой мировой или, как в случае Германии и СССР, безусловно Второй мировой войны, не так важно — этот вопрос зависит от преемственности поколений.

В. Д. Господин Леонард, вы согласны с господином Байрау?

Й. Л. Под многим из того, что сказал господин Байрау, я готов подписаться и хотел бы добавить еще кое-что от себя. Первая мировая война стала катализатором массовой демократизации: большинство государств Западной Европы, в том числе Германия и другие страны, образовавшиеся на месте империй, приняли избирательное право. Вопрос о нем поднимался и до 1914 года, но не стоит переоценивать охват тогдашних стремлений к политической, конституционной и социальной модернизации. Закон об избирательном праве был официально принят профсоюзам в рамках «Закона о вспомогательной службе отечеству» 1916 года.

Другой важный момент — это глобальный охват Первой мировой войны, которую мы ошибочно сужаем только до европейской проблемы. Мы не должны забывать, например, о Японии, которая в конце 1914 года с приобретением немецких колоний в Южной Азии, а еще и в Тихом океане тем самым сформулировала свою имперскую стратегию, которую потом развивала вплоть до Перл Харбора в 1941 году. Это по-прежнему значимое для современной политики Китая наследие является не только историко-политическим, но стратегическим ответом на обстановку в регионе, сложившуюся в результате Первой мировой войны.

Другой важный пример — ближний Восток. Вследствие развала Османской империи и с окончанием султаната и халифата без родины остался не только политический ислам. После 1915 и 1916 годов сложилась система конкурирующих режимов: в Париже и Лондоне колониальная политика власти размечает сферы интересов при по-

мощи Соглашения Сайкса – Пико, в то время как одновременно дают арабам надежду на государственность. Необыкновенная поддержка пан-арабизма создала в дальнейшем таких политиков, как Нассер. Одновременно принимается Декларация Бальфура 1917 года, обещающая сионистам создание их собственного государства. Если сравнить все эти принципы организации международных отношений, то становится понятно, какой противоречивой, напряженной и амбивалентной была эта политика. На ближнем Востоке она привела к потере доверия к политике европейского влияния. Эти процессы начались вместе с Первой мировой войной, укрепились вследствие Второй мировой войны, можно сказать, вплоть до Суэцкого кризиса. Последствия этой политики проявляются вплоть до сегодняшнего дня.

И последнее: мы видим в результате конфликта вокруг Украины и Крыма, какое огромное значение имеет наследие имперской политики, и что даже в наше дни возможен возврат к ней. Ни усиление гражданского общества, ни активизация международной торговли не может нейтрализовать этот процесс. Также стало явным, что имперское мышление может существовать долго после распада самих империй. Мы наблюдаем это, например, в Турции при Эрдогане. Таким образом, «империализм» уже и после распада империй остается фактором, который мы не можем сбрасывать со счетов в современной политике, и в этом сказывается долгосрочное влияние Первой мировой войны.

В. Д. Господин Сорокин, согласитесь ли Вы с тем, что империализм — угроза нашей безопасности?

А. С. Империализм можно и нужно понимать по-разному, сам термин и практика, его покрывающая, в разные исторические эпохи наполнялись разным содержанием. Однако дискуссия об этом не является целью нашего сегодняшнего разговора. Завершая эту дискуссию, я бы хотел нас всех еще раз призвать к коллективизации, но не к коллективизации советского крестьянства, документы по истории которой хранятся в нашем архиве. А к коллективизации наших усилий в осмыслении нашего общего исторического опыта. Мы успели не раз поговорить об инициативах Вудро Вильсона, но ни разу не упомянули о том, что первый конгресс мира в Гааге в 1912 году был созван по инициативе Российской империи. Этот сюжет выводит нас на необходимость более взвешенного взгляда на историческое прошлое.

Тут прозвучал тезис о границах. В моей жизни был опыт плотного общения с Егором Гайдаром, и он как-то мне сказал: «Косово Европе еще аукнется Крымом». Это было сказано 10 лет тому назад. Так что вопрос о границах — это тоже вопрос к нам всем. Пока мы не перестанем мыслить индивидуализированными кластерами политического поведения, мы будем обречены на постоянные конфликты в самых разных точках земного шара. Мы говорили о глобализации, и я позво-

лю себе некоторое сравнение. Можно провести аналогии между тем, как назревают социальные конфликты внутри отдельных обществ и как вызревают мировые конфликты.

Революции 1917 года произошли в результате процесса несовпадения ожиданий основных масс населения со сроками и темпами происходящей модернизации и отражения ее на условиях жизни населения. Все это катастрофически усугубилось из-за тягот Первой мировой войны, но именно этот процесс, который описывается законом относительной деривации, и послужил главным генератором событий 1917 года. То, с чем мы имеем дело в нынешнем процессе глобализации, очень напоминает этот сюжет.

Основные акторы процесса глобализации, будучи неудовлетворены его сроками и темпами, пытаются ускорить преобразования, до которых основная масса населения мира не вполне созрела. Не нужно торопить эти процессы, а нужно осторожно и долго работать над тем, чтобы процесс глобализации не сопровождался катастрофическими потрясениями. Завершая, соглашусь с господином Леонардом — мы слишком часто остаемся в рамках европоцентричного сознания. В Европе не помнят о мировом характере первой войны, сосредотачиваясь исключительно на европейском театре военных действий. То же самое можно сказать и о Второй мировой войне — никто не помнит, что в ней участвовало 63 из 72 независимых государств. О том, что Московскую декларацию 1943 года о всеобщей безопасности подписывали четыре великие державы, включая Китай, тоже, по-моему, известно даже далеко не всем историкам.

В. Д. Хорошо, что средин нас есть те, кто об этом помнит и нам напоминает. Последние 2 минуты должны, наверное, достаться господину Яну, как специалисту, плотно занимавшемуся вопросами сохранения мира.

Э. Я. Со многим, что говорили мои коллеги, я согласен. Хотел бы еще добавить, что ООН не только является наследницей Лиги Наций, но также и преодолением базового противоречия между двумя принципами организации интернационального сотрудничества: Лига Наций была капиталистической организацией, которой противостояло объединение социалистических государств. СССР был основан не как преемник Российского национального государства, а как альтернативный универсальный принцип организации государств. В результате 1945 года стала возможной организация, объединившая государства с противоречивыми общественно-политическими режимами. Эта модель ООН — объединение не единомышленников, а противников, — доказала свою жизнеспособность, что не исключает возможность выхода исламистских государств из этой системы.

Я хотел бы особенно отметить то, что сказал господин Байрау. В странах северной Европы, США, но также и в Китае и Японии, в последнее время значительно снизилась популярность военного патриотизма. Против войны в Ираке 15 миллионов человек во всем мире вышли на улицы, это куда более значительные антивоенные протесты, чем в 1914 году, что говорит о способности общества учиться на ошибках. Внушает оптимизм также и рост международных организаций, прежде всего общественных и экономических объединений. То, что Каутский в 1914 году назвал ультраимпериализмом, сегодня стало реальностью.

Возможность войны между экономическими большими державами — США, Великобританией, Францией и Германией — практически равна нулю. Это означает, что существует определенная степень экономических и общественных взаимосвязей, которые вместе с умением населения учиться на ошибках, уничтожили опасность войны, по крайней мере в небольшой части мира. Но по-прежнему существуют регионы, которых не коснулись эти процессы. Исламизм представляет опасность, потому как он, как правильно подчеркнул господин Леонард, стремится к пересмотру мирового порядка 1918 года. Однако исламисты не в состоянии создать универсальную общественно-политическую систему. При всех тех противоречиях, которые мы сейчас наблюдаем между Россией и НАТО, между Россией и странами Запада, здесь присутствуют общественно-политические различия, но более нет фундаментального антагонизма, что дает возможность не только обсуждать вместе проблемы, как на этой конференции, но и решать вместе такие проблемы, как сейчас в Украине. Это внушает оптимизм.

В. Д. Я надеюсь, что наша сегодняшняя дискуссия тоже будет способствовать тому, чтобы опасность войны исчезла. Господин Сорокин, Вы хотели еще что-то добавить к этому?

А. С. Мы говорили сегодня об империализме, о строительстве национальных государств. Крайне важно видеть и понимать, на каких принципах строится национальное государство: выстраивается ли политическая гражданская нация, или нация выстраивается на этно-конфессиональном принципе. Принципы, положенные в основу формирования национального государства, затем будут определять и межгосударственные отношения.

Научное издание

**Война и мир:
Первая мировая война и ее влияние
на развитие общественного порядка и демократии**

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Е. Л. Бородина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 0.0.2015

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,5.

Тираж 000 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс),

8(499) 709-72-95 (отдел реализации)